

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора
Витрука Николая Васильевича**

Белгород, 2024

ББК 67.400
УДК 342
К 65

Ответственный редактор –
профессор М.В. Мархгейм

Рецензенты:

Профессор Астафичев Павел Александрович (Санкт-Петербург)
Профессор Таболин Владимир Викторович (Москва)

К 65 Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 15 ноября 2024 г.). – Белгород: ООО «ГиК», 2024. 286 с.

ISBN 978-3-98939-057-7

В настоящем издании систематизированы материалы Международной научно-практической конференции, а также цикла иных научных мероприятий, ежегодно проводимых в юридическом институте Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора, почетного профессора НИУ «БелГУ» Витрука Николая Васильевича.

Материалы адресованы всем, кто интересуется научными и практическими проблемами конституционализма.

ISBN 978-3-98939-057-7

© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССОРА Н.В. ВИТРУКА	7
Мархгейм М.В.	ОСНОВЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА РОССИИ В КАНВЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	13
Беляев В.П.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: НЕКОТОРЫЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	18
Беляева Г.С.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	26
Куксин И.Н.	КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО КАК УГРОЗА РОССИЙСКОМУ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ	30
Нифанов А.Н.	УЧЕТ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	36
Новикова А.Е.	КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЕКТОВ ЗАЩИТЫ: ИСХОДНО СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ	42
Стус Н.В.	ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОСУДИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 31.10.2024 №49-П)	46
Васильев С.А.	СООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В КАНВЕ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	54
Кемрюгов Т.Х.	БАЛАНС КАК СРЕДСТВО МЕЖОТРАСЛЕВОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	60
Мирошников Е.В. Исаев М.А.	ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	69
Никонова Л.И.	НАУЧНОЕ ОБРАМЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ВЕРСИИ И ОСОБЕННОСТИ	75
Стус А.А.	ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ РЕШЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 18.07.2024 №38-П)	81
Федоров М.В.	ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ПРАВООПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ	86

Видашев И.И.	ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	92
Гелуненко В.В. Севостьянова А.О.	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ТРУД ПРИ РАБОТЕ ПО СОВМЕЩЕНИЮ ПРОФЕССИЙ (ДОЛЖНОСТЕЙ)	98
Мокроусова К.А.	О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СВОБОДНОГО ПОРТА ВЛАДИВОСТОК	102
Сафронов Н.А.	ИДЕИ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ НАЧАЛА XX В.	110
Черенкова А.И.	ЛЕГИТИМНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ ГАРАНТИОВАНИЯ	115
Агарков Д.Е.	ГЕНЕЗИС ЭЛЕМЕНТОВ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	119
Андреев Д.Р.	СИСТЕМА ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ	123
Артыков Д.З.	ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СТРАН СНГ	128
Бархатов Е.Д.	К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ЗА ПРАВА МУЖЧИН С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ	133
Бойченко Е.М.	ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ	137
Бутов А.Ю.	ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАРОДА В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	146
Власова У.А.	ПОЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ГОСУДАРСТВЕННО-ОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ	153
Гаврилина Т.А.	РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ	158
Гетьман К.А.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ	163
Гучинова Л.А.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	169

Дегтярев С.Н.	ОХРАНИТЕЛЬНО-ЗАЩИТНАЯ БРОНЯ ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИИ	175
Дорофеев А.В.	СТИМУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	180
Елизаров Е.Д.	УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	184
Киреев К.П.	РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАБЛЮДАТЕЛЯХ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	188
Коваленко А.С.	НЕФОРМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ПРИЗНАК СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	193
Лукьянова И.Ю.	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ФОРМЫ ПРАВООЩИТНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РОССИИ	197
Мельников П.А.	ПРАВООТВОРЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	203
Намитокоев Ю.А.	НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ	206
Свешников Д.Н.	О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПОВЕРХНОСТНЫМИ ВОДНЫМИ ОБЪЕКТАМИ	215
Хмелевская И.Г.	ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	219
Шматко Д.А.	ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕЖИМА: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	224
Юраков Е.А.	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ	229

Алексеева Ж.Д.	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	233
Добролежа А.А.	ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	237
Кушова Ю.О.	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭПИДЕМИЯМ И ПАНДЕМИЯМ	242
Никонов Е.Н.	ИНСТИТУТ ОТЗЫВА ДЕПУТАТОВ И ВЫБОРНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ	248
Переверзев Л.А.	МЕСТО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА И В СИСТЕМАХ ПРАВА ГОСУДАРСТВ МИРА	253
Романенко В.Н.	ПРОАБОРТНАЯ ПОЛИТИКА ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	257
Сафонов А.А.	ВЫБОРЫ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	261
Стрижаков И.А.	ПРИНЦИП НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ИЛИ УГРОЗЫ СИЛОЙ	265
Федорук В.А.	ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН	268
Черникова Д.Н.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ	272
Бурлуцкий Н.Ю.	О ПРИНЦИПЕ РАВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА	276
Колоскова Д.А.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	281

Тонков Евгений Евгеньевич
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
директор юридического института
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ПРАВАЗАЩИТНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССОРА Н.В. ВИТРУКА

Аннотация. В статье показана роль выдающегося российского государственного деятеля и ученого-правоведа Николая Васильевича Витрука в теоретической разработке правозащитного потенциала государства, реализации и защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека, что представляется особенно актуальным в условиях происходящих геополитических преобразований и вызовов.

Ключевые слова: право, закон, государство, правозащитная функция, охрана, права человека, суд, общество, личность, деятельность

Витрук Н В.: «Юридическая наука может *прогнозировать* развитие прав и свобод граждан, их гарантий с учетом как внутренних закономерностей российского общества и государства, так и процессов глобализации, новых проблем и вызовов международного характера» [1, с. 123].

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и заслуженный юрист Российской Федерации Николай Васильевич Витрук вполне оправданно считается одним из основателей белгородской юридической научной школы. Само его появление в 2003 году в стенах Белгородского государственного университета стало событием. Судья Конституционного Суда страны, исполнявший в течение полутора лет обязанности Председателя, выдающийся ученый-конституционалист и государственный деятель внес неопределимый вклад в теоретический и прикладной аспекты развития юридической мысли нашего региона. Последовавшее через несколько лет открытие при его непосредственном участии диссертационного совета позволило за относительно короткий промежуток времени сформировать на Белгородчине квалифицированный пул ученых-правоведов, способных коренным образом изменить ситуацию с острым дефицитом юридических кадров высшей пробы.

К числу безусловных заслуг профессора Н.В. Витрука следует отнести и выделение правозащитной направленности научных исследований белгородских ученых. Задаваясь вопросом определения и измерения состояния «гарантирования, реализации и защиты прав и свобод человека в современном периоде», Н.В. Витрук справедливо полагал, что «вряд ли можно решить эту задачу учетом лишь судебной статистики» [1, с. 122]. В основе оценки состояния прав и свобод человека находятся наблюдения экспертов, сообщения СМИ, мнение правительственных и неправительственных международных и национальных учреждений, аналитическая деятельность региональных и местных органов управления, конкретные социологические исследования. Научно-юридическое познание осуществляется не с целью удовлетворения исследовательского интереса, а «ради преобразования правовой действительности» [1, с. 123], включая установление на законодательном уровне эффективных юридических процедур и механизмов реализации и защиты прав и свобод граждан, а также формирование у наделенных властными полномочиями лиц уважительного отношения к правам и свободам человека и гражданина в качестве нравственно-правового критерия их сознания и поведения.

По мнению Н.В. Варламовой, «применительно к правам человека речь вообще идет об очевидном намерении законодателя урегулировать данные отношения (гарантировать права человека), но сделать это в самом общем виде, т.е. установить неполное регулирование» [2, с. 270].

В.В. Лазарев называет это «квалифицированным молчанием законодателя», когда последний сознательно отказывается от регулирования тех или иных отношений [3, с. 216].

Н.В. Витрук рассматривал субъективные права и законные интересы в зависимости от их признания на законодательном уровне посредством закрепления в Конституции Российской Федерации. Поскольку Конституция РФ устанавливает, что достоинство личности охраняется государством (ст. 21); сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается (ст. 24), жилище неприкосновенно (ст. 25) и др., в данных случаях речь идет не о правах, а о законных интересах граждан. К ним же Н.В. Витрук относил и предусмотренную ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации презумпцию невиновности, означающую, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

При этом он разграничивал понятия охраны и защиты прав, подчеркивая, что «общая правовая охрана охватывает меры, применяемые до нарушения диспозиции правовой нормы, а правовая защита – меры, предусмотренные санкциями правовых норм и применяемые после правонарушения в целях восстановления нарушенного права и справедливого возмездия за совершенное правонарушение» [4, с. 84]. Охрана прав граждан производится до тех пор, пока не совершено само правонарушение, а если оно все же произошло, то должна наступить защита, которая прочно связана с природой самих прав человека, каждое из которых есть и проявление сохранения человеком своих естественных качеств и свойств.

Аналогичной позиции придерживался и Н.И. Матузов, по словам которого «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Эти понятия не совпадают» [5, с. 130-131].

Если защита человека, его прав и свобод от посягательства со стороны государства – задача демократического общества, то защита человека, его прав и свобод от общества с его разнообразными, пользующимися политическим влиянием группами, которое тоже способно посягать на права и свободы, является обязанностью государства.

Защита человека, его прав и свобод требует от государства активных действий и предоставления ему соответствующих прав. Человек, его права и свободы должны защищаться государством с помощью разнообразных норм материального и процессуального права. Однако для признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека нужны существенные усилия государства также в материальной и духовной сферах. В данном аспекте важное значение приобретает такой конституционный институт, как самозащита, который не всегда сопряжен с правозащитной деятельностью компетентных органов, на что справедливо обращает внимание М.В. Мархгейм [6, с. 14].

Н.В. Витрук считал, что «охранительный и защитный виды публичной деятельности при всем их различии имеют много общих черт и характеристик, позволяющих говорить о единой правоохранительной деятельности органов публичной власти и их должностных лиц» [7, с. 177].

По нашему мнению, правозащита не является составной частью правоохранительной функции государства и, более того, не тождественна ей. Подтверждением данному тезису служит различие субъектного состава указанных функций, их действия по пространственному признаку и основаниям для реализации.

Так, если субъекты реализации охранительной функции государства – правоохранительные органы, система которых в России (как и в любом другом государстве) является вполне определенной, то в число субъектов правозащитной функции государства включается также глава государства, законодательные (представительные) органы, широкий круг исполнительно-распорядительных органов различных уровней власти, федеральный, региональные и специализированные уполномоченные по правам человека.

Нельзя не учитывать особую системообразующую и регулятивную роль защиты по отношению к правам человека в целом и соответствующим средствам их реализации. Поскольку защита прав и свобод человека и гражданина – конституционная обязанность государства, вполне логична ее связь с функциями государства, в которых зримо проявляется значение государства в решении основных вопросов общественного развития и удовлетворении разноплановых интересов граждан. С учетом имеющихся в юридической науке позиций, непреложность осуществления конституционной правозащитной обязанности государства, а также повышение эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина обусловили оформление правозащитной функции государства в качестве самостоятельного направления его деятельности, чему в немалой степени способствовали труды Николая Васильевича Витрука.

Правоохранительная функция государства в большинстве теоретических исследований отнесена к его основным внутренним функциям и заключается в реализации системы мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нарушений норм внутригосударственного права. Правозащитная функция может быть реализована как внутри государства, так и вне его границ, так как Российская Федерация в ч. 2 ст. 61 Конституции гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами.

Условием реализации правоохранительной функции является правомерное поведение субъектов конституционно-правовых отношений. При нарушении же охраняемых правом и законом общественных отношений актуализируется правозащитная функция государства, что свидетельствует о ее фактической обусловленности противоправным поведением.

В этой связи уместно отметить, что именно правозащитная функция позволяет обеспечить контроль за предпринимаемыми государством в лице его уполномоченных органов действиями по поводу восстановления нарушенных прав человека и гражданина. Ни социальная, ни правоохранительная функции, с учетом их природы и содержания, способствовать получению таких результатов не могут.

Среди конституционных норм, подтверждающих обоснованность выделения правозащитной функции государства, следует обратить внимание на ч. 1 ст. 45, где гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина осуществляется всеми государственными органами. Конституция своей ст. 80 закрепляет, что «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина». Осуществляя установленную Конституцией России компетенцию, Президент обеспечивает их реальное воплощение. Важнейшая роль в защите прав человека и гражданина принадлежит Федеральному Собранию Российской Федерации. На защиту прав человека направлена основная функция этого органа – законодательная. Безусловно важнейшая роль в защите прав и охраняемых законом интересов граждан принадлежит судебной власти (гарантиям судебной защиты прав и свобод человека посвящены ст. ст. 19, 46-50 Конституции России).

Уровень судебной защиты прав граждан рассматривается как основной показатель места судебной власти в обществе, показатель демократичности самого общества. В ряде случаев судебная защита – единственное средство правовой защиты человека. Характер судебной защиты позволяет считать ее не только универсальным, но и наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности. Ведь основная черта судебной защиты – ее неограниченность, или всеобщность. Функция защиты прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации отражена в ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в которой определены цели конституционного правосудия: защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

Конституционный Суд играет важную роль в трех сферах: защита Конституции, ее толкование и защита основных прав и свобод человека и гражданина. Цели, которые он преследует при осуществлении конституционного судопроизводства, тесно связаны и неразрывны, а защита прав и свобод человека и гражданина фигурирует как сквозная функция при осуществлении любых полномочий Конституционного Суда Российской Федерации.

Б.С. Эбзеев отмечает, что все цели конституционного судопроизводства органически связаны с правами и свободами, то есть их защита является не только важнейшей, но и сквозной функцией

Конституционного Суда Российской Федерации [8, с. 160-161]. Полномочия Правительства Российской Федерации в сфере экономики, науки, культуры, образования также направлены на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Правозащитный потенциал элементов публичной институциональной системы дает основания утверждать о ее перспективе в деле строительства правового государства и гражданского общества. Именно комплексные усилия всех государственных органов позволят реализовать конституционные установки аксиологического приоритета человека, его прав и свобод, а также обязательств государства перед индивидом, что еще раз подчеркивает актуальность становления правозащитной функции государства для создания реального механизма контроля в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны достоинства личности.

Список использованных источников

1. Витрук Н. В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика). Избранные труды. М.: Норма, 2012.
2. Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. 2024.
3. Лазарев В.В. Избранные труды. Том II. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008.
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
6. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов-на-Дону, 2005.
7. Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008.
8. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997.

Мархгейм Марина Васильевна
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
заведующий кафедрой конституционного и международного права
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОСНОВЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА РОССИИ В КАНВЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. Исходя из анализа научных и формальных источников, касающихся основ конституционализма и публичного правопорядка Российской Федерации, представлены некоторые подходы к трактовке каждого из названных феноменов. Предложено исследовать данные явления во взаимосвязи и взаимовлиянии для углубления понимания каждого из них и роли в построении суверенной российской государственности. В качестве нового фактора рассмотрения указанных феноменов заявлено взаимное доверие между обществом и государством. В качестве встречного во имя указанного доверия шага со стороны общества и представителей публичной власти предложено именовать наше государство только в конституционно установленных версиях – Российская Федерация, Россия, Российское государство.

Ключевые слова: Конституция, взаимное доверие между обществом и государством, конституционная законность, правопорядок, суверенитет

Образцовым индикатором результативности современного конституционного строительства в Российской Федерации следует рассматривать ее публичный правопорядок. Данная категория получила конституционную «прописку», во-первых, через высокое одобрение общероссийским голосованием 2020 г., во-вторых, в ст. 125, посвященной Конституционному Суду Российской Федерации, являющемуся «высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации», в-третьих, в п. «б» ч. 5¹ ст. 125 в качестве единого и единственного мерила для принятия Россией суверенного решения относительно «возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности» на Российское государство.

Конституционный образ публичного правопорядка Российской Федерации складывается из совокупности черт, привносящих в понимание и правопорядка, и его публично-государственной обусловленности новый

дополнительный смысл и содержание. Это закономерно связано с конституционализмом, понимаемым в качестве процесса выработки конституционных идей, их формализации и последующей реализации.

По словам Н.В. Витрука, «...важный этап познания содержания и закономерностей функционирования конституционализма заключается в выявлении связей между различными формами бытия конституционализма – научной теорией конституционализма, конституционными основаниями нормативно-правовой системы российского государства, практики реализации конституции (конституционного права), конституционно-правовым мировоззрением и правосознанием российского общества – поиском оптимальной модели действия (функционирования) конституционализма как сложнодинамической системы в условиях переходного периода...» [1, с. 23]. Хотя современный явно «переходный период» к многополярному миру отличается от того, что имел в виду Н.В. Витрук, приведенное утверждение сохраняет свою значимость. Одновременно выскажем предположение, что саму категорию «публичный правопорядок Российской Федерации» как ёмкое мерило в принятии Конституционным Судом Российской Федерации решений суверенного уровня потребовалось ввести в конституционный текст, как представляется, именно в связи с новым «переходным периодом» и свойственных ему угроз и рисков.

Поскольку публичный правопорядок Российской Федерации имманентно связан с нашим государством, постольку поддерживаем тезисы Н.А. Богдановой, что «в доктринальном статусе государства соединяются правовая догма, теория и политическая практика, что позволяет проанализировать различные черты и проявления конституционализма, присущие конкретному государству на конкретном этапе его развития» [2, с. 139], что «только суверенное государство способно воспринять и отстоять конституционализм как идеологическую и правовую ценность. Ущербность суверенитета напрямую сказывается на реализации тех или иных черт конституционного государства» [2, с. 140].

Представляются интересными характеристики правопорядка, предложенные в работах профессора Николая Васильевича Витрука. Так, Н.В. Витрук в своей монографии «Общая теория правового положения личности» [3] обращался к правопорядку, связывая его с конституционными характеристиками, и рассматривал «конституционный правопорядок» как объект «восстановления» [3, с. 49], а требование, адресованное гражданину, подчиняться «существующему правопорядку» – правом государства [3, с. 84]. Укрепление «правапорядка» наряду с конституционностью и законностью он

освещал через юридические обязанности [3, с. 116], через борьбу с злоупотреблениями правами и свободами [3, с. 195], через правовую культуру [3, с. 147]. По словам Н.В. Витрука, «твердый правопорядок», в сочетании с динамизмом при опоре «на легитимную, сильную, авторитетную власть, реализующую свою политику правовыми средствами» способствуют эффективности конституционно-правовой политики [3, с. 154]. Важным представляется акцент Н.В. Витрука, что «обеспечение и защита конституционной законности и правопорядка» являются «общей целью применения государственного принуждения» [3, с. 175].

Правапорядок рассматривался Н.В. Витруком и в монографии «Общая теория юридической ответственности» [4], что вполне закономерно. Ведь, как он отмечал, юридическая ответственность есть важнейшее средство установления [4, с. 15], охраны и защиты [4, с. 27] правопорядка, а государственное принуждение – единственный способ защиты «конституционности, законности и правопорядка» [4, с. 29]. Обобщая, Н.В. Витрук отметил, что «Общая цель применения всех принудительных мер есть охрана конституционности, законности и правопорядка, реализуемая через решение задач защиты основ конституционного строя, нравственности, жизни, здоровья, прав и законных интересов личности, обороны страны и безопасности государства» [4, с. 36]. При этом, по словам И.А. Ильина, не существует «безотказных механизмов, гарантированных регуляторов, способных утвердить нерушимый правопорядок» [5, с. 13]. Однако, как представляется, при всей проверенной практикой верности такого утверждения от стремления к установлению нерушимого публичного правопорядка Российской Федерации оказываться было бы ошибочным.

Наряду с приведенными «состояниями» правопорядка – конституционный, существующий, нерушимый, охраняемый и защищаемый – разрабатываются черты публичного правопорядка [6] и предлагается подход к структурированию его основ, а именно «...в структуре публичного правопорядка можно выделить три крупных содержательных уровня элементов: 1) социально-культурные основы; 2) доктринальные основы; 3) нормативные основы» [7, с. 13]. Названные уровни определены через целеполагание. Так, по мнению Д.А. Гаврилова и Ю.А. Гавриловой, первая цель ориентирована на «адаптацию международных, межгосударственных (интеграционных) и иностранных правовых принципов, норм и стандартов к национально-культурной специфике российской правовой системы»; вторая – на «повышение степени гармонизации наднационального и внутрироссийского нормативного регулирования оснований и порядка применения оговорки о публичном порядке»; третья – на «развитие

отечественной правовой доктрины на основе совмещения векторов универсализации и конституционализации отраслевых оговорок о публичном порядке» [7, с. 13].

В данном отношении просто необходимо привести глубокий по своей сути вывод О.Е. Кутафина, что «не может быть никаких международных требований, предъявляемых к организации демократического порядка осуществления государственной власти. Такие требования противоречили бы не только идее суверенного государства, но и самой идее конституционализма, основанной на идее народного суверенитета» [8, с. 46]. Тем более это предостережение касается публичного правопорядка Российской Федерации.

Ранее, исследуя конституционные основы публичного правопорядка Российской Федерации в качестве нового ориентира с учетом конституционных поправок, касающихся единой системы публичной власти, нами был сделан вывод, что построению образцового публичного правопорядка в нашей стране послужит системная реализация конституционных норм всеми субъектами конституционно-правовых отношений [6, с. 27]. Это касается и публичных, и непубличных субъектов, между которыми целесообразно взаимное доверие. Конституционное положение, содержащее этот замысел, появилась в Конституции России в ходе поправочного процесса 2020 г. Оно получило отражение в новой ст. 75¹, где представлены контексты мер, предусмотренных в Российской Федерации по созданию условий для «взаимного доверия государства и общества». Так, этому послужат повышение благосостояния граждан, защита достоинства граждан, уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, политическая и социальная солидарность. Согласитесь, названные шаги преимущественно ожидаются от Российской Федерации. При этом взаимность, как известно, предполагает включенность обеих сторон, их встречные шаги. По заслуживающему поддержки выводу Е.Е. Тонкова, «Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству» [9, с. 27]. Соответственно не празден вопрос и о лояльности, и о взаимности, которые со стороны граждан может ожидать Российское государство? Это задача для будущих исследований. Здесь же предлагается вот над чем поразмыслить...

В качестве существенного элемента публичного правопорядка Российской Федерации с учетом теории и практики российского конституционализма исходно считаем верное употребление наименования

нашего государства во всех его формальных и неформальных стилях, устных и письменных формах. В связи с чем такой акцент? С тем, что, скажем так, проявляется повальная тенденция сводить наименование нашего огромного государства до «РФ». Достаточно, например, просмотреть официальные сайты органов публичной власти России, обратиться к научным статьям по юридической отрасли науки, послушать выступления официальных лиц и рассуждения граждан...

Надеюсь, что делается это исключительно в целях краткости, а не выражения своего отношения к государству. Хуже того, неправильное произношение звуков придуманной аббревиатуры. Откуда она взялась? Кто продвигает эту «бес-культуру»? Полагаю, и Вы встречались с тем, что прилежно выписываемые наименования нашего государства в трех официальных вариантах, а именно – Российская Федерация и Россия как исходно конституированные равнозначные наименования (ч. 2 ст. 1) и появившееся в 2020 г. наименование Российское государство (ч. 2 ст. 67¹), в ходе редакторских/корректорских правок превращаются вдруг в «РФ». В борьбе за сокращение печатных знаков «под нож» в первую очередь попадает сводимое к двум буквам наименование нашего государства... Но встречали ли вы когда-нибудь сокращение наименования Российской империи до «РИ»? Нет такого! Сравним: количество букв в полном наименовании «Российская Федерация» всего на две больше, чем в названии «Российская империя»; в официальном наименовании «Россия» букв чуть не вдвое меньше; но все равно – «РФ». Значит, идея не в сокращении знаков, а в урезании почтения к государству. Разве это допустимо? Разве это уважение к стране? Разве возможно менять название страны с официального на усмотренческое? Разве это отвечает публичному правопорядку Российской Федерации? Ведь таким нехитрым и уже будто общепринятым образом обесценивается «личность государства» внутри страны. Неужели это не очевидно?

В ходе учебных занятий при устном ответе студенты запросто говорят, например, Конституция «ЭРФЭ». Поправляю. Терпеливо объясняю, почему не так, и как правильно. Но если везде они видят и слышат «чудовищный тренд» на сведение наименования нашего государства до двухбуквенной аббревиатуры, а противостоят этому очень немногие, то подтверждается наблюдение В.В. Маяковского, что «голос единицы тоньше писка». Но может кто услышит и включится в возвращение повсеместного устойчивого конституционного наименования нашего государства – Российская Федерация, Российское государство или коротко, но ёмко – Россия.

Таким образом проявится личный вклад каждого из нас в установление публичного правопорядка Российской Федерации, наш встречный шаг во имя

взаимного доверия российского общества и государства, ставшего элементом российского конституционализма, который предстоит и познавать, и воплощать.

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Сб. ст. Ч.1. Томск, 1999.
2. Богданова Н.А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). М., 1999. С. 135-140.
3. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: Норма, 2009. 431 с.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
6. Мархгейм М.В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3 (103). С. 24-31.
7. Гаврилов Д.А., Гаврилова Ю.А. Конституционализация публичного правопорядка в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 6. С. 13-17.
8. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.
9. Тонков Е.Е. Государство созидающее как вектор развития современной России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. 392 с.

Беляев Валерий Петрович

Юго-Западный государственный университет,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор
(Курск, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: НЕКОТОРЫЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты функционирования конституционного процесса, который автором интерпретируется как один из видов процесса юрисдикционного и

разновидностью юридического процесса в целом. Определяется сущность конституционного юрисдикционного процесса, предлагается определение его понятия на основе доктринальных подходов к содержанию процесса судопроизводства и правосудия. Предлагаются меры по повышению уровня функционала конституционного юрисдикционного процесса.

Ключевые слова: юридический процесс, юрисдикция, конституционный юрисдикционный процесс, принцип справедливости, процессуальные стадии, исполнение решений

Полагаем целесообразным, приступая к рассмотрению заявленной темы, обратить внимание на то, что она будет исследоваться с позиций общей теории права и достижений, прежде всего, процессуальной науки, но, конечно же, с учетом мнений ученых-конституционалистов, включая труды одного из видных исследователей – Николая Васильевича Витрука.

Следующее замечание заключается в том, что в рамках настоящей статьи будут рассмотрены не все, а только отдельные проблемы относительно современного конституционного процесса. В частности, соотношение конституционного процесса с конституционным правосудием и конституционным производством, отдельные аспекты процессуальной формы конституционного процесса и его принципы, а также ряд других проблемных моментов, имеющих, думается, научное и прикладное значение.

Кроме этого, обратим внимание на то, что в настоящей статье понятия конституционного судебного процесса, конституционного судопроизводства, конституционного правосудия и т.п., носящие дискуссионный характер, используются как тождественные, поскольку названный подход распространен в юридической науке и практике.

Так, Л.А. Тхабисимова и А.К. Тлехатук пишут, что «в рамках конституционного судопроизводства посредством индивидуальной конституционной жалобы защищаются права не только конкретно лица, но и других граждан, поскольку решения Конституционного Суда имеют обширное действие и распространяются не только на лиц, участвующих в деле, но и на граждан, не являющихся участниками конституционного судебного процесса» [1].

В свою очередь, по М.С. Саликову, конституционный судебный процесс есть установленная нормами Основного и соответствующего Федерального конституционного закона процедура судопроизводства [2, с. 25].

В одной из своих статей Н.В. Витрук по тексту отмечает наличие конституционного правосудия, конституционного судопроизводства и

конституционного контроля, фактически не противопоставляя их, как сходные, идентичные [3, с. 123, 127, 129, 131 и др.].

Отвечая на вопрос, что в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации является юрисдикционной деятельностью, возникает определенная сложность, вследствие дискуссионности самих понятий конституционного судопроизводства, конституционного правосудия, конституционного контроля и т.д. Не вносит ясности толкование ст. 118 Конституции России в соотношении ч. 1 с содержанием ч. 2, а также упоминание о судебной власти и судопроизводстве. В свою очередь, в ст. 1 Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 01 июля 2021 г.), данный суд одновременно назван и высшим органом конституционного контроля, и органом, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Характерно, что, как правило, законодатель речь о конституционном процессе не ведет, это понятие – плод доктринальных разработок. Предметом изучения выступает юрисдикционный конституционный процесс, как разновидность юридического процесса в целом [4, с. 168]. Поэтому целесообразно перейти к подходам установления сущности и содержания конституционного процесса в соотношении с конституционным правосудием, конституционным судопроизводством и конституционным контролем, вследствие которых в юридической науке имеется дискуссия; вот некоторые примеры.

Так, С.А. Беньяминова считает судопроизводство самостоятельным видом юридического процесса, юрисдикционной формой деятельности судов [5, с. 53]. Мы разделяем эту точку зрения: юрисдикционная деятельность Конституционного Суда РФ – это конституционный юрисдикционный процесс, и его можно определить через систему стадийных процессуальных действий конституционного суда в связи с рассмотрением и разрешением конкретного юридического дела (правового спора).

По Г.С. Хубецову, конституционное судопроизводство есть форма осуществления судебной власти, комплексная система конституционных процедур по рассмотрению и разрешению дел [6, с. 235]. Полагаем, что в этом случае допущено смешение понятий конституционного процесса и его процессуальной формы как взаимообусловленных, но все же автономных юридических категорий (понятий).

В свою очередь, Н.В. Витрук конституционное правосудие рассматривает в виде правовой отрасли, системы юридических норм, регулирующих вопросы организации и функционирования конституционного контроля в форме конституционного судопроизводства» [7, с. 38-39].

О.В. Брежнев судебный конституционный контроль представляет как высшую форму правосудия для контроля за органами законодательной и исполнительной власти с целью обеспечения конституционного баланса их полномочий и соответствия их деятельности Основному Закону» [8, с. 168]. Согласимся с ним, действительно, судебный конституционный контроль должен быть включен в содержание конституционного судопроизводства, и противопоставлять их нет смысла.

Со своей стороны отметим, что конституционный процесс (аналог конституционному судопроизводству и конституционному правосудию) обладает такими признаками, как: целенаправленность; властный характер; формализованность; процессуальные стадии; правовые (процессуальные) факты и правоотношения; процессуальные сроки, гарантии, результативность и т.д. К верному выводу, считаем, приходит Ч.М. Токтоназарова, полагая, что Конституционный Суд Российской Федерации не является надзорным и контрольным органом, а представляет собой юрисдикционный орган [9, с. 374].

Важно то, что процессуальный характер исследуемого процесса обусловлен его процессуальной формой, характеризуется основаниями и стадийностью. Юридические факты в конституционных правоотношениях выступают основаниями их возникновения, изменения или прекращения [10, с. 59]. С позиции А.В. Гусева, «юридические факты в ... конституционном судопроизводстве имеют основополагающее значение для начала осуществления Конституционным Судом РФ правосудия» [11, с. 90].

В качестве примера по рассматриваемому вопросу сошлемся на Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 1835-О, согласно которому ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в главе XII предусматривает специальную процедуру рассмотрения дел о конституционности законов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан, статьи 96 и 97 которой содержат критерии допустимости такого рода обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. В том случае, если оспариваемый в жалобе закон затрагивает права и свободы граждан, но оснований полагать, что он нарушает конституционные права и свободы заявителя в его конкретном деле, не имеется, такая жалоба не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению и подлежит отклонению как не отвечающая требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [12].

Существенно то, что конституционному юрисдикционному процессу и его процессуальной форме присуща стадийность; относительно

конституционной процессуальной формы Б.М. Джанкезов пишет, что она «представляет собой особую процессуальную форму осуществления конституционного судопроизводства и включает в себя ряд структурных элементов (стадий, процедур)» [13, с. 48]. Соглашаясь с таким подходом, вместе с тем, считаем некорректным стадиями конституционного процесса называть избирательный и законодательный процессы как самостоятельные виды юридического процесса позитивного свойства, а также т.н. «федеративный» процесс» [14, с. 43-47, 92-95].

В этом плане считаем возможным солидаризироваться с Г.С. Хубецовым, который называет такие стадии конституционного судопроизводства «магистральными», как: «обращение в Конституционный Суд РФ (ст. 36-39); предварительное рассмотрение обращения (ст. 40-41); принятие обращения к рассмотрению либо его отклонение (ст. 42-44); подготовка дела к слушанию (ст. 49); 5) непосредственное разбирательство дела (ст. 50-70); принятие итогового либо иного решения; провозглашение и опубликование решения и вступление его в юридическую силу (ст. 77-79); непосредственное исполнение решения Конституционного Суда РФ» [6, с. 235-236].

Вышеизложенное позволяет под сущностью юрисдикционного конституционного процесса понимать специфическую процессуальную деятельность его субъектов и участников по рассмотрению и разрешению юридических дел (правовых споров), подведомственных Конституционному Суду РФ.

Конституционный юрисдикционный процесс, в свою очередь, представляет собой нормативно-упорядоченную процедурно-процессуальную деятельность управомоченных субъектов, направленную на рассмотрение и разрешение юридических дел (правовых споров) конституционной юрисдикции в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей ее территории.

С нашей позиции, уместно провести аналогию конституционного судопроизводства (конституционного процесса) с судопроизводством в уголовной, гражданской, административно-правовой сферах, где имеется четкое подразделение материального и процессуального права, что нашло свое отражение в кодифицированных процессуальных законах. В своем большинстве теоретики и представители отраслевой науки соответствующие судопроизводства именуют и процессами: уголовным, гражданским и административным. Тогда как конституционное право лишено (пока,

полагаем) такого различия и деления; оно не синхронизировано с процессуальным законом. Отсюда вытекают уже названные различия, разноплановые мнения и т.д. относительно понятий конституционного процесса, конституционного правосудия, конституционного контроля и т.п. А отдельные авторы считают, что конституционное право равно конституционному процессу; термин «процессуальная форма конституционного права» и «конституционный процесс» при всей онтологической близости не являются совпадающими по смыслу [15, с. 43, 50].

Повторим устоявшееся в теории права и в отраслевых науках мнение о диалектическом соотношении юридического процесса и процессуальной формы: любой разновидности юридического процесса свойственна определенная процессуальная форма как его внешнее выражение; юридический процесс есть форма жизни закона, процессуальная форма является формой процесса.

Пока же отсутствие специального процессуального законодательного акта о конституционном процессе (судопроизводстве) и его процессуальной форме фактически вынуждает процедурно-процессуальные нормы соответствующего характера искать в самом конституционном праве, а также в тексте Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», где, с нашей точки зрения, далеко не все процедурно-процессуальные аспекты отражены.

Взять, к примеру, основные принципы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, о которых Н.В. Витрук сказал следующее: «Конституционный Суд РФ последовательно придерживается стратегической линии защиты конституционных принципов уважения прав и свобод человека и гражданина, идеологического и политического многообразия, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, разделения властей, федерализма и местного самоуправления, иных основ конституционного строя» [3, с. 121]. Примечательно, что этот ученый в предыдущем этой цитате абзаце отметил справедливость, однако в качестве принципа ее не назвал.

Нет принципа справедливости и в их перечне в ст. 5 ФКЗ О Конституционном Суде Российской Федерации, как и нет его, заметим попутно, и в ныне действующих процессуальных кодексах – УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ. Тогда как в КАС РФ в ст. 6 в качестве принципа административного судопроизводства назван принцип законности и справедливости. Думается, что невключение принципа справедливости, как в конституционный процесс, так и в другие юрисдикционные, является

серьезным упущением законодателя. Рамки настоящей статьи не позволяют представить развернутое обоснование сказанному, ограничимся лишь справедливым суждением О.В. Мартышина о том, что «всеобъемлющий принцип справедливости, тесно связанный с общим благом, может претендовать на высшую ступень в иерархии ценностей. Все другие ценности соизмеряются с ним и признаются лишь в той мере, в какой они справедливы» [16, с. 5].

Далее, уже упомянутый принцип законности (о его роли и значении в любой из разновидностей юридического процесса говорить нет необходимости), содержащийся во всех поименованных процессуальных кодексах, также не назван в ст. 5 ФКЗ о Конституционном Суде.

Наряду со сказанным, недостаточная процессуальность данного закона (назовем ее так) особенно отчетливо проявляется в такой центральной стадии конституционного процесса, как судебное разбирательство. Вот, что справедливо написано некоторыми авторами по этому поводу: «... рассматриваемый ФКЗ, основанный на принципах краткости и процессуальной экономии, принятых в конституционном судопроизводстве более, чем в каком-либо другом, фактически не упоминает данную стадию, регулируя лишь судебное заседание Конституционного Суда РФ и принятые по делу решения» [17, с. 205].

Как представляется, указанная стадия судебного разбирательства не зря названа центральной, поскольку именно в ней закладываются основы принимаемого (выносимого) Конституционным Судом решения вследствие заслушивания сторон процесса и их представителей, обоснования ими своих позиций, где рассматриваются доказательства, порядок их исследования и т.д. Это тем более важно, что в силу ст. 79 ФКЗ О Конституционном Суде, его решения окончательны и не подлежат обжалованию.

И в заключение остановимся еще на одном проблемном вопросе, связанном с исполнением решений Конституционного Суда, по которому Н.В. Витрук высказался так: «Следует определить в законодательном порядке гарантии своевременного и надлежащего исполнения решения КС РФ, в том числе и с установлением конституционно-правовой и иных видов юридической ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение» [5, с. 132].

Разделяя указанное предложение, обратим внимание на редакцию ст. 7 ФКЗ о Конституционном Суде о гарантиях его деятельности, где предлагаемая ответственность обезличена формальным «не допускаются». Возможно, именно поэтому далеко не все решения Конституционного Суда Российской Федерации исполнены.

Таковы наши доводы и обоснования собственной позиции по отдельным проблемным аспектам сущности и содержания, а также функционала конституционного юрисдикционного процесса, являющегося одним из видов юрисдикционных процессов, а в общем – разновидностью юридического процесса в целом, что, полагаем, будет способствовать приращению научных знаний о нем, повышению уровня его эффективности.

Список использованных источников

1. Тхабисимова Л.А., Тлехатук А.К. Конституционное судопроизводство Российской Федерации как особый вид в сфере защиты прав и свобод граждан // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 12. С. 61-71.
2. Саликов М.С. Конституционный судебный процесс: учебник. М.: Норма, 2020. 392 с.
3. Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 119-134.
4. Беляев В.П., Нинциева Т.М., Беляева Г.С. Общая теория процессуально-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 296 с.
5. Беньяминова С.А. Понятие конституционного судопроизводства, критерии выделения // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2018. № 13. С. 53-58.
6. Хубецов Г.С. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: понятие, признаки и принципы осуществления // Стабильность и динамизм Российской конституции: материалы XII международного конституционного форума. Саратов, 2021. С. 235-237.
7. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 591 с.
8. Контроль в современной России: вопросы теории и практика правового регулирования: монография / Беляев В.П., Брежнев О.В., Лагутин И.Б., Хорошильцев А.И. М.: Юрлитинформ, 2013. 312 с.
9. Токтоназарова Ч.М. Принципы конституционного судопроизводства // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 374-377.
10. Мокина Т. В. Конституционно-правовые отношения как особый вид публичных правоотношений // Общество и право. 2010. № 5. С. 58-60.
11. Гусев А.В. Основания конституционного судебного процесса в Российской Федерации: доктринальный и законодательный аспекты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 86-92.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1835-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куроптева

Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Документ опубликован не был: www.consultant.ru (дата обращения: 13.11.2024 г.).

13. Джанкезов Б.М. От юридического процесса к конституционному процессу: теоретический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 17-20.

13. Троян В.А. Избирательное право и процесс в условиях информатизации // Конституционализм: симбиоз науки и практики : материалы междунар. круглого стола, посвящ. памяти засл. деятеля науки РФ, засл. юриста России, д-ра юрид. наук, проф. Н.В. Витрука, Белгород, 8-9 нояб. 2019 г. / отв. ред. М.В. Мархгейм. Белгород, 2019. С. 92-95.

15. Джанкезов Б.М. Процессуальная форма российского конституционного права: структурно-функциональный анализ // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3 (21). С. 42-51.

16. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5-14.

17. Шеховцов В.А. Актуальные вопросы процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 203-207.

Беляева Галина Серафимовна,

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
заведующий кафедрой административного права и процесса,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена специфика понятия, природы, сущности конституционно-правового режима как разновидности режима правового. Определены основные подходы к определению понятия конституционно-правового режима и установлению его содержания. Сделан вывод о том, что конституционно-правовой режим, являясь разновидностью правового режима, представляет собой особую правовую конструкцию, обусловленную ролью конституционного права в системе российского права.

Ключевые слова: правовой режим, конституционно-правовой режим, порядок правового регулирования, инструментарий, принципы

Проблематика правовых режимов и их роли в упорядочении общественных отношений является сравнительно новой в юридической науке. Ее появление во многом обязано развитию инструментального подхода в праве, в соответствии с которым правовое регулирование рассматривается как система правовых средств, упорядочивающе воздействующих на общественные отношения и основанных на определенном сочетании типов правового регулирования. Право тем самым рассматривается через призму средств удовлетворения интересов субъектов права и достижения определенных целей правового регулирования.

Конечно, некоторые могут возразить нам, что советское правоведение знакомо с понятием правового режима, начиная с 50-х гг. прошлого века, и будут правы. Однако, уточним, что в работах Н.Г. Александрова, С.Г. Березовской понятие правовой режим упоминалось применительно к режиму законности [1, с. 21; 2, с. 9], а в трудах И.С. Самощенко 60-х гг. XX века – с правопорядком [3, с. 13]. И только к концу 60-х гг. прошлого века термин «правовой режим» начинает приобретать самостоятельное звучание, пока применительно к сочетанию типов правового регулирования, но тоже в достаточно «узком» формате [4].

Мы не будем в рамках настоящего исследования подробно останавливаться на этапах становления теории правовых режимов, поскольку данному вопросу посвящено немало исследований, имеющих в открытом доступе [5; 6; 7]. Резюмируем наш экскурс замечанием о том, что из себя представляет современный подход к определению правовых режимов, разделяемый большинством ученых-теоретиков права. Согласно общепринятому подходу, правовой режим представляет собой особый порядок правового регулирования, основанный на определенном сочетании правовых средств и создающий в регулируемой сфере благоприятные (или неблагоприятные) условия для удовлетворения интересов субъектов права. Иначе говоря, с помощью правовых режимов устанавливаются определенные дозволения, обязывания, преимущества, ограничения и запреты.

Правовые режимы «работают» во всех отраслях российского права, обладая спецификой, обусловленной предметом, методом правового регулирования, принципами, субъектным составом и т.д. Не исключением является и конституционное право, юридическим инструментарием которого образуются специфические конституционно-правовые режимы.

Если обратиться к доктрине конституционного права, то ученые в основном свои работы посвящают конкретным конституционно-правовым

режимам – режимам национального достояния, природных ресурсов, обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях и т.д., в то время как понятию, природе и сущности конституционно-правовых режимов внимания уделяется недостаточно.

Попробуем провести ревизию основных подходов к установлению природы конституционно-правовых режимов и отразить их основной смысл и содержание в виде следующих тезисов.

Во-первых, необходимо отметить, что в случае с конституционным правом (в отличие от многих других отраслей российского права) его представителями не отвергаются общетеоретические подходы и многолетний опыт в исследовании анализируемого нами понятия. Так, А.Ф. Мальй определяет конституционно-правовой режим, как «закрепленную конституцией и законом совокупность прав, обязанностей и ограничений, применяемых при наступлении законодательно предусмотренных условий и действующих в отношении определенного или неопределенного круга субъектов – физических и юридических лиц, органов государства» [8, с. 149]. И хотя цитируемый автор не употребляет в своем труде конструкцию «порядок правового регулирования», фактически речь идет о таковом, так как специфика Конституции заключается в том, что, закрепляя конституционно-правовые нормы и определенные механизмы их вступления в силу, она содержит в себе в большей степени потенциал режимного правового регулирования, реальные же его компоненты получают свое развитие в конституционном законодательстве, например, о чрезвычайном положении.

Во-вторых, конституционно-правовой режим может быть рассмотрен и как «установленный на основании норм конституционных актов и поддерживаемый при помощи правовых средств и методов порядок, складывающийся по поводу государственного устройства, организации государственной власти, взаимодействия между индивидом и государством» [9, с. 79]. И данную позицию также следует поддержать ввиду особой специфики конституционного права, его предмета, метода, принципов и субъектного состава. Понимание конституционно-правового режима как особого социального порядка обусловлено природой конституционно-правовых отношений.

В-третьих, применительно к содержанию конституционно-правового режима обратимся к статье Е.П. Петуховой, которая на основе систематизации имеющихся в юридической литературе исследований представила модель данного отраслевого режима, включающую: предмет регулирования, метод правового воздействия, отраслевой юридический инструментарий, правовые принципы и отраслевое конституционное

законодательство [10, с. 64]. На основе характеристики составляющих конституционно-правового режима Е.П. Петухова делает вывод о существовании данного феномена в двух смысловых уровнях – широком и узком. Широкий подход, в интерпретации данного автора, созвучен предмету конституционного права; узкий подход позволяет определить конституционный режим в качестве разновидности режима правового, а именно правовой порядок регулирования, основанный на особом сочетании юридического инструментария.

В-четвертых, конституционно-правовой режим, помимо регулятивной природы, имеет четко выраженную охранительную направленность. На данный момент обращают внимание М.В. Мархгейм и Д.А. Шматко при дефиниции понятия конституционно-правового режима как «публично-правового инструмента, специально предназначенного для регулирования конституционно значимых общественных отношений в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя России» [11, с. 95].

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что конституционно-правовой режим, являясь, с одной стороны, разновидностью правового режима, представляет собой особую правовую конструкцию, обусловленную особой ролью конституционного права в системе российского права.

Список использованных источников

1. Александров Н.Г. О роли советского социалистического государства и права в развитии советского общества: Учебное пособие по теории государства и права. Вып. 1. М.: Знание, 1953. 40 с.
2. Березовская С.Г. Прокурорский надзор в советском государственном управлении. М.: Госюриздат, 1954. 108 с.
3. Самощенко И.С. Охрана режима законности советским государством. М.: Госюриздат, 1966. 200 с.
4. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
5. Беляева Г.С. Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление *Lex Russica* (Русский закон). 2015. Т. 104, № 7. С. 21-28.
6. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281-293.
7. Беляева Г.С. Правовой режим как комплексное средство правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3. С. 16-20.

8. Малый А. Ф. О понимании конституционно-правового режима // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под редакцией Н.С. Нижник. Том Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 143-149.
9. Султыгов М.М. Конституционно-правовой режим ограничения государственной власти: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005.
10. Петухова Е.П. Понятие конституционно-правового режима // Юридический мир. 2013. № 9. С. 63-67.
11. Мархгейм М. В., Шматко Д.А. Правовые режимы в Российской Федерации: от понятийной определенности к видовому многообразию // 6 Konferenz Wissenschaft und Bildung: in- und ausländische Erfahrung, Gelsenkirchen, 29 января 2024 года. Gelsenkirchen: Henze Verlag, 2024. С. 89-95.

Куксин Иван Николаевич

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
профессор кафедры конституционного и международного права
доктор юридических наук, профессор;
Московский городской педагогический университет
профессор департамента права
Института экономики, управления и права,
координатор секции по вопросам обеспечения
прав и свобод в уголовном процессе
Экспертного совета при Уполномоченном
по правам человека в Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

**КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО КАК УГРОЗА РОССИЙСКОМУ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с хищением денежных средств у населения России путем использования цифровых коммуникационных технологий, что, несомненно, представляет прямую угрозу конституционной безопасности. К наиболее опасным

особенностям киберпреступности следует отнести ее латентный характер, тенденцию ее роста и охвата большого количества населения, переход ее в угрозу национального масштаба, низкая эффективность расследования этого вида преступлений правоохранными органами и не достаточной готовности их быстрому переходу в цифровой сектор. Эти выводы автором построены на основе анализа статистики и изучения киберпреступлений за текущий 2024 год. В статье предлагаются совершенствования отдельных нормативных актов федерального уровня в целях защиты населения от киберугроз.

Ключевые слова: киберпреступность, конституционная безопасность, меры предупреждения, телефонное мошенничество

Сегодня следует констатировать, что киберпреступность представляет собой реальную угрозу не только правам и имущественным интересам отдельных граждан, но и конституционной безопасности Российской Федерации [1, с. 69-70]. Что особенно вызывает тревогу в обществе, так это масштабность данного преступного явления и его негативное влияние не только на законность, но и на морально-психологическое состояние общества. Ежедневно десятки тысяч российских граждан подвергаются опасности быть потенциальной жертвой телефонных мошенников [2, с.116]. Если в 2021 году мошенники в основном покушались на сбережения граждан, то в 2022-м они вынуждали их получать кредиты, а в 2023-м – продавать недвижимость. По прогнозам правоохранительных органов в 2024 году россияне могут потерять из-за кибермошенников 250 млрд рублей. Причем 85% манипуляций происходит с помощью телефонной связи.

Сложившаяся обстановка в сфере борьбы с телефонным мошенничеством (только на Украине действует около 400 колл-центров) вызвала постоянное увеличение количества жалоб граждан как в прокуратуру, так и в правозащитные организации по вопросам недостаточно эффективной работы правоохранительных органов по установлению и привлечению виновных к уголовной ответственности, а также возмещению причиненного ущерба. Так, за 9 месяцев 2024 года количество обращений жалоб к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации возросло на 31% (в 2023 г. – 112, в 2024 г. – 147). Данная тенденция подтверждается и официальной статистикой МВД России. В январе-августе 2024 года зарегистрировано на 16% больше (500,4 тыс.) преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации чем за этот период прошлого года.

В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился на 6% (до 39%). Почти половина из них (47%) относится к категориям тяжких и особо тяжких преступлений (236,9 тыс.; +6%).

Какие способы мошенничества наиболее распространены в 2024 году? Анализ обращений заявителей к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации позволяет утверждать, что таковыми способами являются:

- мошенники представляются по телефону сотрудниками правоохранительных органов, Центробанка, должностными лицами Следственного комитета и т.д., направляют свою жертву в банк для получения кредита, убеждают переводить полученные денежные средства на «безопасный счет»;

- мошенники в сговоре с сотрудниками банка предлагают гражданам взять кредит онлайн (быстро и без поручителей). Если банки в выдаче кредитов отказывают, то мошенники, манипулируя жертвой по телефону, убеждают брать кредит под залог недвижимости или транспортных средств;

- совершение мошеннических действий при продаже товара дистанционным способом (например, через мобильные приложения «Юла», «Авито» и др.);

- мошенники взламывают аккаунты в мессенджерах и просят перевести деньги в долг от имени лиц, знакомых потерпевшему, на определенный счет;

- мошенники берут в банках кредит, но оформляют его на имя жертвы, в результате чего гражданин становится должником.

Осенние месяцы 2024 года показали, что мошенники открыли «сезон охоты» на личные данные россиян с помощью новой схемы, разработанной специально под нынешний период уплаты налогов на квартиры, машины и земельные участки. Обманывают с помощью двух звонков, чтобы получить доступ к личному кабинету на «Госуслугах». Действует связка «мошенник-спаситель». Почему мошенников все больше привлекает доступ к «Госуслугам»? Это для мошенников лакомый кусок. Фактически это ключ ко множеству дверей: от персональных данных до кредитования и различных регистрационных действий, возможности выпуска электронно-цифровой подписи (через Госключ), установке дополнительных кодовых фраз для предотвращения восстановления доступа к своему личному кабинету.

Об актуальности и особой опасности данного вида преступности неоднократно упоминалось и участниками XII Петербургского международного юридического форума, прошедшего в июне 2024 г. Они сообщили о новых способах совершения киберпреступлений с использованием социальной инженерии, искусственного интеллекта для

сбора персональной и иной информации о потенциальных жертвах, подделки документов, в т.ч. паспортов, синтеза речи и видеоизображений.

О масштабах этого вида преступления свидетельствует и такой факт, что за день мошенниками осуществляется более 40 млн звонков потенциальным жертвам.

Одним из основных трендов в последнее время являются усилия мошенников, направленные на повышение степени доверия у жертвы за счет звонка с вызывающих доверие аккаунтов WhatsApp и Telegram, использования как голосовых, так и текстовых сообщений. Предположительно образцы голоса получаются в результате так называемых ошибочных звонков, а цифровой синтезатор речи в дальнейшем создает практически неотличимый от оригинала голос.

Правоохранительные органы не только анализируют, предупреждают, выявляют и пресекают лиц, занимающихся киберпреступлениями. Они вместе с законодателями и в тесной связи с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, участвуют в совершенствовании действующего законодательства для более эффективной борьбы с этим преступным явлениям.

Законодателем принимаются определенные меры по защите граждан от киберпреступности. Так, Федеральным законом от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» предусмотрена защита денежных средств, находящихся на банковских картах, от мошенников (банки могут не проводить подозрительные операции по карте и даже блокировать ее на два дня. По сомнительным операциям банк должен получить согласие владельца счета). Однако этим тут же воспользовались мошенники. Владельцам карт стали звонить якобы из банков и со ссылкой на федеральный закон просить данные карт, коды доступа и персональную информацию [3, с. 145]. Сегодня кажется очевидным, но тем не менее надо помнить, что ни госструктуры, ни «силовые» ведомства, как и Банк России, Федеральная налоговая служба, администрация «Госуслуг» никогда не звонят гражданам с запросами или указаниями. Однако реалии жизни свидетельствуют, что алгоритм разговора мошенника с клиентом постоянно совершенствуется. Они учитывают текущую сложившуюся специфику, развитие платформ электронной коммерции, государственных услуг, банковских систем.

Внесены законодателем изменения в Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» (вступил в действие 25 июля 2024 г.),

направленные на совершенствование механизмов противодействия хищению денежных средств со счетов граждан. В частности, предусмотрено, что оператор по переводу денежных средств при выявлении им операции, соответствующей признакам осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, приостанавливает прием к исполнению распоряжения клиента на два дня.

Помимо законодательного урегулирования усилия государства направлены и на совершенствование правоприменительной практики. Так, в следственном департаменте МВД России и территориальных органах предварительного следствия в 2020 году созданы специализированные подразделения по расследованию преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Однако, как видится, принимаемые меры не обеспечивают полноценную защиту граждан от дистанционных мошенников.

Как правило, если уголовные дела по данным фактам и возбуждаются, то спустя длительное время, а затем приостанавливаются. Раскрывается лишь пятая часть из них.

В большинстве своем жертвами кибермошенничества становятся одинокие люди, пенсионеры, инвалиды и другие наиболее социально уязвимые категории граждан. Как правило, им не у кого получить совет как себя вести в конкретной ситуации. Мошенники этим пользуются, действуют быстро и напористо, не оставляя потерпевшему никаких шансов для противодействия. Не остаются в безопасности и молодые люди до 30 лет, многие из которых, став жертвой мошенников, вынуждены признавать себя банкротами по причине невозможности исполнения перед банком кредитных обязательств, оформленных в результате мошеннических действий.

Результаты рассмотрения поступающих к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации обращений позволяют выявить ряд проблем:

- нехватка специалистов по борьбе со стремительно развивающимся новым видом преступности;
- отсутствие у следователей методики работы с преступлениями в сфере дистанционного мошенничества; следственные органы не успевают вырабатывать формы противодействия новым формам мошенничества, что приводит к росту числа потерпевших;
- непринятие правоохранительными органами и банками оперативных мер по блокировке счетов, на которые потерпевшие перечисляют денежные средства.

Кроме того, совершению киберпреступлений способствует утечка персональных данных. Полагаем, что в определенной степени эту проблему может решить принятие находящегося на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации проекта федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконное использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)».

С учетом общероссийского, а зачастую и трансграничного характера деятельности преступных группировок в сфере ИТ-технологий, необходимо обеспечить комплексное взаимодействие оперативных подразделений правоохранительных органов с банками, и операторами связи.

Кроме того, не до конца урегулирован вопрос в сфере банковской деятельности в части введения запрета на совершение сомнительных операций либо их отмены после поступления соответствующего обращения от жертвы преступления, блокировки счетов, на которые жертвы мошенничества перечисляют денежные средства.

Помимо указанных мер исправлению ситуации могло бы способствовать введение временного моратория на дистанционное оформление физическими лицами кредитных договоров с банками, а также налогообложение деятельности лиц, предоставляющих свои банковские карты либо данные банковских счетов мошенникам для обналичивания украденных денег (так называемых «дропперов») по аналогии с уплатой налога с доходов самозанятых.

Также необходимо рассмотреть вопрос об установлении административной и (уголовной) ответственности физических лиц за передачу банковских карт третьим лицам в случае их дальнейшего использования для совершения преступлений.

Изложенное дополнительно актуализирует вывод Н.В. Витрука, что «Право без охраны и защиты теряет свой смысл. Это аксиома бытия, функционирования права. Юридическая ответственность – важнейшее средство охраны и защиты конституционности, законности и правопорядка. Юридическая ответственность за совершенное правонарушение осуществляется на основе государственного принуждения, обеспечивается принудительной силой государства» [4, с. 35-36].

В качестве вывода следует, что темпы борьбы с данным видом преступления надо наращивать, а для этого требуется изучение уголовно-правовых и криминологических значимых признаков телефонного мошенничества, что позволит на законодательном и правоприменительном

уровнях разрабатывать упреждающие меры противодействия преступлениям данного вида.

Список использованных источников

1. Куксин И.Н. Мархгейм М.В. Защита конституционных прав и свобод человека в ракурсе современных вызовов. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №11(162). С. 68-73.
2. Куксин И.Н., Хода В.Д. Цифровизация – новая реальность в праве и новые угрозы // Теория государства и права. 2020. № 4 (29). С.115-140.
3. Куксин И.Н. Защита персональных данных: от празднования «дня» до реальности // Теория государства и права. 2022. №1(26). С.140-147.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. – М.: РАП, 2008. – 324 с.

Нифанов Алексей Николаевич

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
профессор кафедры конституционного и международного права
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

УЧЕТ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты учета мнения населения при осуществлении местного самоуправления. С учетом норм Конституции России, федерального законодательства и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в современных условиях отмечена тенденция перехода от прямых форм выявления мнения населения муниципальных образований при формировании органов местного самоуправления и территориальных трансформациях к представительным.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, муниципальная территория, учет мнения населения, голосование, публичные слушания, опрос

Конституция Российской Федерации установила два случая обязательного учета мнения населения при осуществлении местного самоуправления, закрепив в ст. 131, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с

общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом. В части 2 этой же статьи зафиксировано, что изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий.

Таким образом, в Базовом законе прямо постулирован учет мнения населения только в двух выше оговоренных случаях.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее ФЗ № 131) в ч. 5 ст. 34 прямо установил, что в случае создания на межселенных территориях вновь образованного муниципального образования или в случае создания вновь образованного муниципального образования путем преобразования существующего муниципального образования структура органов местного самоуправления определяется населением на местном референдуме (в муниципальном образовании с численностью жителей, обладающих избирательным правом, не более 300 чел. – на сходе граждан) или представительным органом муниципального образования [1].

При этом местный референдум по данному вопросу проводится в случае, если в течение одного месяца со дня вступления в силу закона субъекта Российской Федерации об установлении границ соответствующего муниципального образования с инициативой о проведении местного референдума выступила группа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом. При отсутствии такой инициативы структура органов местного самоуправления определяется представительным органом вновь образованного муниципального образования после его избрания.

Вторым случаем конституционно-императивного закрепления обязательного учета мнения населения является изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление.

Напомним, что данное требование коррелирует с Европейской Хартией местного самоуправления, ратифицированной Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ (действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 года в соответствии с Федеральным законом от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ), в ст. 5 которой говорилось, что изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается только с учетом мнения населения соответствующих территорий, в том числе путем проведения референдума там, где это допускается законом [2, 3].

Вместе с тем нарабатанная практика отечественного муниципального строительства убедительно показывает, что спектр применения данной формы участия населения в осуществлении местного самоуправления значительно шире. В частности, наряду с изменением границ муниципальных образований сюда включено и их преобразование, т.е. объединение, разделение и изменение статуса.

Отметим, что федеральный закон № 131 в развитие конституционных положений ст. 131 использует ряд формулировок: «согласие населения, выраженное путем голосования»; «учет мнения населения, выраженного представительными органами»; «согласие населения, выраженное представительными органами соответствующих поселений».

При этом только в трех случаях федеральным законом № 131 предусмотрено прямое участие населения в принятии решений о муниципально-территориальных трансформациях.

Так в соответствии с частью 2 ст. 12 ФЗ № 131 изменение границ муниципальных районов, влекущее отнесение территорий отдельных входящих в их состав поселений и (или) населенных пунктов к территориям других муниципальных районов, осуществляется с согласия населения данных поселений и (или) населенных пунктов, выраженное путем голосования, либо на сходах граждан.

Часть 3 ст.12 закрепила, что изменение границ поселений, влекущее отнесение территорий отдельных входящих в их состав населенных пунктов к территориям других поселений, также осуществляется с согласия населения данных населенных пунктов, выраженное путем голосования, либо на сходах граждан.

В остальных случаях при изменении границ муниципального образования используется народовластный потенциал представительных органов муниципальных образований.

Аналогичная ситуация и в случаях преобразования муниципальных образований. Только при разделении поселения, влекущем образование двух и более поселений, требуется согласие населения каждого из образуемых поселений, выраженное путем голосования, либо на сходах граждан.

Отметим, что существовавшая ранее норма, закреплявшая такой же порядок при объединении двух и более поселений, не влекущем изменения границ иных муниципальных образований была переформулирована Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 365-ФЗ.

В этой связи представляет интерес Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2008 г. № 214-О-П, базовой идеей которого стала позиция, что «конституционное предписание об учете мнения

населения при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, относится к элементам конституционно-правового статуса местного самоуправления и является одной из необходимых гарантий права граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения» [4].

При этом Конституционный Суд Российской Федерации уточнил, что учет мнения населения в определенных конституционно-правовых ситуациях может осуществляться как путем принятия населением решения на местном референдуме, так и с помощью различных форм как непосредственного, так и опосредованного (через представительный орган власти) волеизъявления граждан.

Следует согласиться с мнением судей Конституционного Суда, что учет мнения населения при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, выступает в качестве универсального требования и необходимого условия проведения муниципально-территориальных изменений независимо от их характера, сужения либо, напротив, расширения пространственной сферы реализации права на местное самоуправление, а также конкретного состава территорий, выступающих объектом изменений.

Поскольку Конституция Российской Федерации непосредственно не определяет, в каких именно формах должно быть выражено мнение населения при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, мы солидаризируемся с мнением Конституционного Суда о необходимости законодательного регулирования порядка реализации нормативного предписания части 2 ст. 131.

Полагаем целесообразным в этой связи принятие субъектами Российской Федерации законов, регулирующих порядок и формы учета мнения населения при осуществлении местного самоуправления.

Осуществляя свои регулятивные полномочия в указанной сфере, законодатель обладает достаточной свободой усмотрения в выборе конкретного механизма волеизъявления местного сообщества по поводу своей территориальной организации, в частности, он вправе установить дифференцированный порядок учета мнения населения в отношении объективно различных по своей социально-правовой природе и последствиям изменений границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление. Однако при этом законодатель не может действовать произвольно и связан необходимостью обеспечения выявления достоверного мнения населения по соответствующим вопросам и доведения его до сведения органа публичной власти, уполномоченного принимать решение об изменении границ муниципальных образований.

В этой связи возникает ряд вопросов о соотношении прямых и опосредованных форм учета мнения населения при осуществлении местного самоуправления, о целесообразности их использования в тех или иных случаях, об обоснованности их выбора, в допустимых законом пределах, об их юридической силе, и, в конце концов, о соотношении прямой и представительной демократии. Хотя, как мы знаем по смыслу ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации, приоритет все-таки у первой.

Как справедливо отмечено в определении Конституционного Суда Российской Федерации, учитывая конституционно-правовые характеристики природы представительного органа муниципального образования, федеральный законодатель был вправе наделить его полномочием выступать от имени населения, в том числе при решении вопроса об изменении границ муниципального образования, напрямую не затрагивающего интересы большинства населения данного муниципального образования. Считаем, что данная позиция может быть дополнена и другими случаями, при которых возникает необходимость учета мнения населения, например при определении структуры органов местного самоуправления, принятии устава муниципального образования, либо внесения в него изменений и дополнений.

При этом, как подчеркнул Конституционный Суд, выражение мнения населения через представительный орган муниципального образования не исключает необходимость – с учетом вытекающего из конституционных принципов народовластия требования согласованного функционирования институтов представительной и непосредственной демократии – правового гарантирования населению, как первичному субъекту местного самоуправления, возможности выразить свою позицию в отношении предполагаемых территориальных изменений и довести ее до сведения представительного органа муниципального образования.

Полагаем, что ключевым элементов в механизме, обеспечивающим всесторонний учет мнения населения должны стать такие формы прямого участия граждан в осуществлении местного самоуправления, предусмотренные ФЗ № 131 как публичные слушания (ст. 28) или опрос граждан (ст. 31).

Так, в соответствии с частью 3 ст. 28 ФЗ № 131 на публичные слушания должны выноситься: проект устава муниципального образования, а также проект муниципального нормативного правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав; проект местного бюджета и отчет о его исполнении; проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования; вопросы о преобразовании муниципального образования.

Статьей 31 ФЗ № 131 прямо установлено, что опрос граждан проводится для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления. При этом круг вопросов, предлагаемых к обсуждению достаточно широк. Это все вопросы местного значения, относящиеся к соответствующему муниципальному образованию, решения об изменении целевого назначения земель муниципального образования для объектов регионального и межрегионального значения и инициативные проекты.

В этой связи полагаем, будет оправданным поименовать формы учета мнения населения при осуществлении местного самоуправления по аналогии с названием главы 5 ФЗ № 131. Одна группа этих форм будет сопряжена с выявлением мнения населения при непосредственном осуществлении местного самоуправления в связи с принятием решений об отзыве депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; изменением границ и преобразованием муниципального образования.

Другая – с учетом мнения населения в процессе его участия в осуществлении местного самоуправления. При этом при использовании данной формы могут решаться все вопросы местного значения, что логично вытекает из самой природы местного самоуправления, закреплённой в его легальном определении.

Таким образом, каталог вопросов, требующих выявления мнения населения, достаточно шире обозначенных в Конституции и конкретизированных в ФЗ № 131. Полагаем, что, храня «верность Конституции», на что ориентировал в своей монографии Н.В. Витрук [5], и не претендуя на какую-то ее корректировку в этой части, следует предложить федеральным и региональным законодателям принятия соответствующих нормативных новелл, в том числе и предложенных нами выше.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. № 40. Ст. 3822; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4928.
2. Федеральный закон от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» // Собрании законодательства Российской Федерации, 1998. № 15. Ст. 1695.
3. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров

Совета Европы» // Собрании законодательства Российской Федерации, 2023. № 10. Ст. 1566.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2008 г. № 214-О-П «По жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 5.

5. Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008.

Новикова Алевтина Евгеньевна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
профессор кафедры конституционного и международного права
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЕКТОВ ЗАЩИТЫ: ИСХОДНО СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ

Аннотация. В данной статье на основе анализа норм конституций СССР, как исходных для республиканских советских конституций, выявлена специфика легализации объектов и субъектов защиты; сделан вывод о корреляции защиты с конституционными объектами, обладающими аксиологическим значением для личности, общества и государства.

Ключевые слова: защита, правовая защита, государство, права человека, полномочия.

Понятие защиты является межотраслевым в юридической науке и в этой связи рассматривается в различных аспектах – защиты права [1], правовой защиты [2], государственной защиты [3, с. 18-22], правовой защиты человека [4] и пр. В конституционном праве оправдан интерес к отраслевой разновидности защиты [5, с. 48-51; 6, с. 122-129] прав человека [7, с. 56-60; 8].

В современной Конституции Российской Федерации термин «защита» упоминается 44 раза, в том числе в нормах, появившихся в результате реформирования текста в 2020 г. (к примеру, обеспечение Российской Федерацией защиты своего суверенитета и территориальной целостности в ч. 2.1 ст. 67) [9]. Исходя из доктринальной множественности подходов к определению защиты, ее распространенности в тексте Базового российского

закона, представляется целесообразным рассмотреть в ретроспективе вопрос легализации защиты в текстах Конституций СССР.

В Конституции СССР 1924 г., формализовавшей создание нового государства, объяснимо отсутствовали нормы о любых объектах защиты. Далее, исследовательское внимание сосредоточено на базовых нормах конституций СССР 1936 г. и 1977 г. (в первоначальной редакции и с изменениями).

Уточним, что в Конституции СССР 1936 г. выявлено 4 нормы, легализовавшие публичные и социальные объекты защиты [10]. Данные же нормы были воспроизведены Конституцией СССР 1977 г. [11]. В числе таких положений:

- защита интересов государства в качестве полномочия Совета Министров СССР (п. «в» ст. 68). В Конституции 1977 г. к публичному объекту были добавлены права и свободы граждан в качестве социального объекта и «защитного» полномочия Совета Министров СССР (п. «3» ст. 131) [11];

- право на защиту, обеспечиваемое обвиняемому (ст. 111 Конституции СССР 1936 г. и ст. 158 Конституции СССР 1977 г.);

- защита интересов трудящихся в контексте предоставления СССР права убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту обозначенных интересов (ст. 129 Конституции СССР 1936 г. и ст. 38 Конституции СССР 1977 г.);

- защита Отечества как священный долг каждого гражданина государства (ст. 133 СССР 1936 г. и ст. 62 Конституции СССР 1977 г.).

Далее перечислим выявленные исключительно в Конституции СССР 1977 г. объекты защиты. При этом, данные нормы наличествовали, как в исходном варианте ее текста, так и в отредактированном. В частности, преамбула Конституции включала одну из характеристик Советского государства – «основное орудие защиты революционных завоеваний».

В Главе 4 о внешней политике неизменной оставалась ст. 28, согласно которой «внешняя политика СССР направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, защиту государственных интересов Советского Союза» [11].

В Конституции СССР 1977 г. не изменились наименование самостоятельной Главы 5, посвященной защите социалистического Отечества, а также содержание базовой ст. 31. В соответствии с ней «защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа» [11]. Таким образом, защита данного объекта предписывалась и государству, и всему народу.

В данной же норме был определен субъект защиты – Вооруженные Силы СССР в отношении таких объектов, как социалистические завоевания, мирный труд советского народа, суверенитет и территориальная целостность государства.

Кроме, приведенных объектов, исходный и отредактированный текст Конституции СССР 1977 г. формализовал:

– защиту и покровительство Советского государства гражданам СССР за границей (ст. 33);

– защиту материнства и детства в контексте реализации женщинами равных с мужчинами прав (ст. 35);

– гарантию защиты принадлежащих личных, имущественных, семейных и иных прав иностранным гражданам и лицам без гражданства в СССР, в том числе через право на обращение в суд и иные государственные органы (ст. 37);

– государственную защиту семьи (ст. 53);

– право на судебную защиту граждан СССР от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество (ст. 57).

Специфика союзного государства опосредовала ряд конституционных норм о защите, реализуемой высшими органами государственной власти и управления. В частности, ст. 73 отнесла защиту суверенитета к «ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и управления». В интересах защиты СССР Президиуму Верховного Совета СССР было предписано объявление военного положения в отдельных местностях или по всей стране (ст. 121).

Таким образом, в реформированном тексте Конституции РСФСР 1977 г. были сохранены все объекты и субъекты защиты. В дополнение к ранее существующим была предусмотрена только равная защита государством разнообразных форм собственности (ст. 10).

По сравнению с Конституцией 1978 г. базовый советский вариант Конституции в рассматриваемом нами аспекте не претерпел серьезных изменений. Это объяснимо суверенизацией государств, входивших в состав СССР и их стремлением отобразить все, связанное с этим процессом в республиканских основных законах. Тем не менее, последовательное расширение объектов и субъектов защиты различной правовой природы, легализация данных норм в правонаделительном и правообязывающем форматах, позволяют расценивать защиту в качестве конституционного феномена, обладающего аксиологическим значением для личности, общества и государства. Полагаем, данные итоги анализа конституционных норм могут выступить основанием для новых доктринальных разработок защиты и

ее характеристики с учетом субъектного состава и объектов высшего аксиологического порядка.

Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.
2. Минникес И.А. Правовая защита: понятие и механизм [электронный научный журнал] // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6. С.
3. Сторчак О.А. Понятие государственной защиты в российском законодательстве // Научный вестник Омской академии МВД. 2005. № 2 (22). С. 18-22.
4. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. М.: Норма, 2006. 279 с.
5. Микаилов Г.Д., Магомедова П.Р. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в охране и защите основ конституционного строя // Закон и право. 2023. № 1. С. 48-51.
6. Чеджемов С.Р. Конституционное строительство в Российской Федерации: к вопросу о защите исторической правды // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 122-129.
7. Кузнецов А.А., Сулименко Д.Ю. Конституционная защита прав и свобод человека в условиях цифровой эпохи // Юридическая гносеология. 2023. № 2. С. 56-60.
8. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Москва, 2004. 313 с.
9. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 г.
10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик принята ВС СССР 07.10.1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

Стус Нина Владимировна
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
профессор кафедры конституционного и международного права
доктор юридических наук
(Краснодар, Россия)

ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОСУДИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 31.10.2024 Г. №49-П)

Аннотация. В статье анализируется недавнее Постановление Конституционного Суда Российской Федерации, касающееся антикоррупционных исков и сроков исковой давности. В документе акцентировано, что такие иски направлены на защиту нематериальных конституционно значимых ценностей, таких как общественные и государственные интересы. Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что применение сроков исковой давности к таким искам может нанести большой ущерб конституционным ценностям, и не соответствует действующему правовому регулированию. В статье также обсуждаются различия в правоприменительной практике и реакции научного и профессионального сообществ на указанное Постановление. Ценностный подход в решениях Конституционного Суда подчеркивается как важный элемент укрепления верховенства права и обеспечения справедливости.

Ключевые слова: конституционные ценности, верховенство права, справедливость, общественные интересы, государственные интересы

Конституционно-правовая наука и практика не оставляют без внимания аксиологические аспекты развития современного российского общества и государства. Наряду с правами и свободами человека и гражданина, названными высшей ценностью в ст. 2 Конституции России, конституционные ценности рассматриваются и в иных контекстах. Например, М.В. Мархгейм представила их как формализованную мудрость [1], как общий знаменатель интеграционных процессов [2], как канву конституционного строительства России [3]. Представляя ценностный дискурс современного конституционного права, Н.В. Варламова отметила, что в нем, с одной стороны, «отчетливо прослеживается тенденция к ценностному обоснованию едва ли не всех юридических понятий» [4, с. 57], с другой, – что «ценности в силу своей природы являются не самым удачным инструментом для содержательной интерпретации традиционных

юридических понятий и конструкций. Ценности a priori не универсальны, а относительны и субъективны, они несоизмеримы между собой, приверженность им часто носит иррациональный характер и является весьма значимой для человека. В силу этого ценности достаточно конфликтогенны, их регулятивный потенциал невелик, апеллирование к ним порождает немало проблем в практике конституционного контроля» [4, с. 57].

Актуальность исследования ценностного фактора в конституционном правосудии обусловлена несколькими ключевыми аспектами, которые подчеркивают его значимость для современного правового государства.

Во-первых, конституционное правосудие играет центральную роль в обеспечении верховенства права и защиты фундаментальных прав и свобод человека. В условиях динамично меняющегося общества и усложняющихся социально-экономических отношений, судьи Конституционного Суда сталкиваются с необходимостью не только применять нормы права, но и учитывать те ценности, которые лежат в основе конституционных принципов.

Во-вторых, ценностный фактор способствует более гибкой интерпретации конституционных норм, что позволяет адаптировать их к новым вызовам времени. Это особенно важно в контексте глобализации, технологического прогресса и трансформации общественных отношений, которые требуют от правовой системы большей адаптивности и современности. При этом ценностный подход помогает преодолеть формализм и буквальное толкование правовых норм, что может быть недостаточным в сложных и неоднозначных ситуациях.

В-третьих, исследование ценностного фактора в конституционном правосудии способствует укреплению доверия общества к судебной системе. Граждане ожидают, что суды будут не только справедливо применять закон, но и принимать решения, которые соответствуют общепризнанным моральным и этическим нормам. Это повышает легитимность судебных решений и способствует формированию правосознания граждан.

Витрук Н. В. в своей монографии «Верность Конституции» уделял особое внимание ценностному фактору в толковании права Конституционным Судом Российской Федерации [5].

По мнению учёного, основополагающим принципом интерпретации и толкования Конституции является учёт общечеловеческих ценностей, их иерархии, приоритета и гармонии, сочетания и взаимодействия. Независимо от их закрепления в конституции общепризнанны такие общечеловеческие ценности, как достоинство личности, свобода, справедливость, равенство,

долг, автономия человека, благополучие общества, безопасность личности, общества и государства и другие [5].

При этом нет раз и навсегда данной иерархии ценностей, носящей вневременной и абсолютный характер. Иерархия ценностей относительна, она зависит от конкретных обстоятельств дела, особенностей конфликта ценностей, от общественного мнения по поводу тех или иных ценностей, от традиций, максимумов культуры в обществе и т.д. [5].

Особой сложной проблемой при интерпретации и толковании конституции, по мнению Н.В. Витрука, служит конфликт тех или иных конституционных ценностей в конкретных жизненных ситуациях (например, конфликт частных и публичных интересов, свободы слова, мнений и убеждений и неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны). Проблему установления баланса конфликтующих между собой ценностей приходится решать Конституционному Суду Российской Федерации, акцентируя внимание на важности ценностного фактора в процессе толкования права данным судебным органом. Учёный утверждал, что ключевым принципом интерпретации конституции является учёт общечеловеческих ценностей, таких как достоинство личности, свобода, справедливость, равенство и другие. Эти ценности, по его мнению, должны рассматриваться с точки зрения их иерархии, приоритета и гармонии.

Однако, Н.В. Витрук подчёркивал, что такая иерархия ценностей не является неизменной или абсолютной. Она изменяется в зависимости от конкретных обстоятельств, особенностей конфликтов ценностей, общественного мнения, традиций и культурных максимумов. Таким образом, иерархия ценностей носит относительный характер [5].

Особенно сложной задачей Н.В. Витрук считал разрешение конфликтов между конституционными ценностями в реальных жизненных ситуациях. Примеры таких конфликтов включают противоречия между частными и публичными интересами или между свободой слова и правом на неприкосновенность частной жизни. В этих случаях Конституционному Суду Российской Федерации необходимо искать баланс между конкурирующими ценностями, что представляет собой сложную и важную задачу в процессе конституционного правосудия.

31 октября 2024 года Конституционный Суд Российской Федерации опубликовал резонансное Постановление №49-П по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда.

История вопроса: Решением Каневского районного суда Краснодарского края от 9 февраля 2024 года установлено, что К. являлся федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, а с 2002 по 2004 год занимал в этом же аппарате должность главного советника управления по работе с органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Несмотря на запреты и ограничения, он занимался предпринимательской деятельностью, при этом использовал свое служебное положение, завладел долями в уставных капиталах хозяйственных и через доверенных лиц скрыто владел и управлял ими. Впоследствии из этих обществ была сформирована группа компаний, а на полученные доходы приобретались новые активы. После завершения работы в качестве государственного служащего К. легализовал свое участие в этих обществах. По результатам рассмотрения иска заместителя Генерального прокурора Российской Федерации судом было принято решение об обращении в доход государства акций и долей в уставных капиталах 22 хозяйственных обществ на общую сумму более 9 млрд руб. Не согласившись с решением суда первой инстанции, ответчик обратился с апелляционной жалобой в Краснодарский краевой суд, ссылаясь в качестве основного довода на пропуск заявителем срока исковой давности. Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда РФ, рассматривающая указанную жалобу, приостановила производство по делу и обратилась с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

Заседание Конституционного Суда по данному делу длилось более четырех часов. Позиции официальных представителей Государственной Думы и Совета Федерации были диаметрально противоположны, различались позиции и представителей Президента, Правительства, Верховного Суда Российской Федерации. Принципиально отличающиеся точки зрения были высказаны представителями ведущих научных центров. В целом, было выражено три группы мнений: срок давности, установленный законом необходимо применять; необходимо установить иной срок давности для исков об изъятии в доход государства имущества, полученного в результате коррупционной деятельности; иски прокуроров не могут рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства и поэтому необходимо предусмотреть иной порядок для изъятия имущества коррупционеров.

Предмет рассмотрения: Предметом рассмотрения были только взаимосвязанные статьи 195 , 196 , пункт 1 статьи 197 , пункт 1 и абзац второй пункта 2 статьи 200, абзац второй статьи 208 ГК РФ в той мере , в какой на их основании в системе действующего правового регулирования

решается вопрос о возможности распространения ими положений об исковой давности на содержащиеся в исковых заявлениях Генерального прокурора Российской Федерации на требования об обращении в доход государства имущества приобретенного государственным служащим, на которого распространяются запреты, направленные на предотвращение коррупции.

Принятое Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года №49-П (далее – Постановление) превзошло все самые смелые и неординарные, в правовом смысле, ожидания правоприменителей и ученых. По сути, в нем не только выявлена неконституционность ряда положений гражданского Кодекса в части сроков исковой давности применимо к рассматриваемой категории дела, но и определен порядок рассмотрения исков прокуроров к лицам, нарушающим установленные запреты и ограничения для государственных служащих, указано, что законодатель вправе воздержаться от внесения изменений в правовое регулирование сроков давности, определил судьбу добросовестных приобретателей.

В основу принятого Конституционным Судом Российской Федерации решения положен ценностный фактор, как вектор, определяющий все выводы по данному вопросу.

Так, в Постановлении указано, что многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства относится к числу самых опасных социальных явлений, подрывает принципы справедливости и равенства (правового эквивалента), что особенно актуально для Российской Федерации, которая прошла тяжелейший путь трансформации, начиная с 90-х годов прошлого века. Меры, предполагающие обращение в доход государства денежных средств, в отношении которых не опровергнута презумпция незаконности происхождения или установлена незаконность происхождения, направлены на предотвращение рисков, связанных с неправомерным влиянием на государственных и муниципальных служащих – связанные с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более публичной власти и криминала.

Вновь Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил уже ранее высказанную позицию о том, что граждане, добровольно избирая профессиональную деятельность, предполагающую выполнение публичных функций, соглашаются с ограничениями, связанными с приобретаемым ими правовым статусом. Такие ограничения допустимы в соответствии с Конституцией Российской Федерации в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц.

В Постановлении указано, что, несмотря на ранее сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации позиции относительно сроков исковой давности и давности привлечения к административной, налоговой и уголовной ответственности, ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, требование о наличии и применении давностных сроков не является в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации абсолютным и допустил исключение из общего правила о сроке исковой давности в целях защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов, исходя из принципов справедливости, равенства и соразмерности (пропорциональности) (Постановление от 20 июля 2011 года № 20-П).

Как следует из данной правовой позиции аргументация Конституционного Суда Российской Федерации построена на определении приоритета ценностей в правовой системе, оценке пропорциональности и соразмерности ограничений.

В то же время в Постановлении не ставится под сомнение обязательность судебной процедуры принятия решения о принудительном изъятии у частного лица имущества в публичную собственность, так как только в условиях судебного рассмотрения может быть принято решение о наличии или отсутствии законных оснований возникновения соответствующих прав. Однако, бремя доказывания приобретения имущества на законные доходы лежит на самом лице, об обращении имущества которого в доход государства, заявлен иск. Истцу надлежит доказывать, что лицо, на которое распространяются антикоррупционные запреты, совмещало публичные функции с коммерческой и иными видами деятельности, которая запрещена в связи с занятием определенной должности, либо лично или через других лиц участвовал в управлении активами, использовал свой статус вопреки публичным интересам в корыстных целях. При этом прокурор также должен доказать, что, если имущество, полученное в результате действий коррупционной направленности, в дальнейшем было преумножено или преобразовано, то этот факт также должен быть подтвержден.

В Постановлении в качестве ценностного фактора при решении вопроса о применении срока исковой давности к требованиям об обращении в доход государства имущества, нажитого посредством совершения деяний коррупционной направленности абсолютно сформировано положение о том, что если государство не будет применять эффективных мер по противодействию коррупции, то тогда оно отказывается от защиты основ конституционного строя и правовой демократии, тем самым встает на

сторону незаконно обогатившегося должностного лица и фактически дает возможность легализовать неправомерно нажитый капитал. Такая ситуация приведет к тому, что коррупционеры будут поставлены в привилегированное положение, что будет в дальнейшем поощрять коррупцию, а это будет неизбежно подрывать веру граждан в законность, добро и справедливость.

Конституционный Суд Российской Федерации также обозначил правовую позицию, в соответствии с которой обращение прокуроров с антикоррупционными исками направлено на защиту конституционно значимых ценностей, которые по своей природе нематериальны. Прокурор, уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств действует не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав, и в целях защиты общественных и государственных интересов.

В пункте 6 Постановления указано, что по вопросу баланса конституционных ценностей, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что больший вред этим ценностям будет причинен при допущении применения к антикоррупционным искам исковой давности, как она в настоящее время урегулирована оспариваемыми положениями без установления ее особенностей для соответствующих отношений и констатировал факт того, что она в системе действующего правового регулирования не подлежит применению к этим отношениям, что в большей степени согласуется с балансом конституционных ценностей.

В пункте 6.3 отмечено, что в Верховном Суде Российской Федерации на протяжении долгого времени сложилась практика о неприменении сроков исковой давности по исковым заявлениям прокуроров об обращении в доход государства имущества вследствие нарушения лицом, занимавшим публичную должность существующих требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции. Иной подход в судебной практике встречался, но не имел широкого распространения. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что в случае радикального изменения судебной практики в пользу лиц, совершивших деяния коррупционной направленности, может поставить под угрозу доверие граждан к закону и судебной системе.

Тем более, что при сходных обстоятельствах суд приходит к взаимоисключающим выводам. При таких обстоятельствах под сомнение ставится и принцип равенства в отношении граждан, к которым предъявлены такие иски.

Признавая не соответствующими Конституции Российской Федерации оспариваемые положения Гражданского Кодекса, Конституционный Суд

Российской Федерации признал, что в действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, считается неустановленными и в случае установления такого срока предписал учитывать правовые позиции, изложенные в заявленном Постановлении.

Рассматриваемое в данной статье Постановление вызвало целый ряд споров в научном сообществе и среди практических работников. Правоприменители в целом удовлетворены тем, что, наконец, есть правовая определенность в данном вопросе. Ученые подвергают сомнению многие правовые позиции, изложенные в Постановлении, считая принятое решение политизированным и противоречащим нормам действующего законодательства.

Представляется, что в основу данного Постановления в той сложной правовой ситуации, которая была предметом рассмотрения, положен прежде всего ценностный фактор.

Ценностный подход в решениях Конституционного Суда Российской Федерации означает учет моральных и этических ценностей, представляет собой важный инструмент для обеспечения справедливости и соответствия решений общественным ожиданиям.

Интеграция ценностного фактора в правовую систему является неотъемлемой частью укрепления верховенства права и обеспечения устойчивого развития общества. Ценности служат компасом, который направляет правосудие и способствует созданию правовой культуры, основанной на уважении, справедливости и равенстве.

Список использованных источников

1. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
2. Мархгейм М.В. Конституционные ценности в евразийском интеграционном процессе // В сборнике: Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского

экономического союза. Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции. Под редакцией А.Н. Позднышова, И.В. Рукавишниковой, Р.Г. Непранова. Ростов-на-Дону, 2023. С. 14-21.

3. Мархгейм М.В. Преемственность в ценностной канве конституционного строительства России // В сборнике: Конституционализм: симбиоз науки и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Deutschland, Gelsenkirchen, 2023. С. 17-21.

4. Варламова Н.В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57-67.

5. Витрук В.Н. Верность Конституции. – М.: РГУП, 2016.

Васильев Станислав Александрович

Севастопольский государственный университет
заведующий кафедрой «Конституционное и административное право»;

Тюменский государственный университет
старший научный сотрудник

Лаборатории «Функциональные основы
моделирования социального поведения»

кандидат юридических наук, доцент

(Севастополь, Россия)

СООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В КАНВЕ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. В настоящей работе осуществлена попытка оценки современного состояния конституционализма. Исследование проведено через призму теории соотношения субъектов конституционного права, которую автор этих строк разрабатывает на протяжении нескольких лет. Итоговым выводом является то, что, несмотря на трансформацию реальности конституционализма, его подверженности воздействию самых разных обстоятельств, уровень обеспечения прав человека остается на высоком уровне. Хотя и приходится признавать, что идеального состояния достигнуть не удалось, а характеристика Российской Федерации в качестве правового государства в ст. 1 отечественного акта высшей юридической силы продолжает оставаться нормой-целью.

Ключевые слова: конституционализм; соотношение субъектов права; конституционно-правовые отношения; теория соотношения; реальность конституции; права человека; протесты; конституционный договор; народ и государство

В самом общем виде конституционализм представляет собой самоограничение государственного произвола нормами конституционного характера. При этом наибольшую значимость имеет именно то обстоятельство, что такие положения воплощаются на практике. В этой связи возрастает значение соотношения субъектов конституционного права, имеющее место не только в рамках правоотношений, но и с точки зрения их взаимного влияния в рамках перспектив реализации прав и полномочий, но в пассивной стадии. Так, народ и государство вступают в конституционно-правовые отношения только в период проведения выборов и референдума, которого на федеральном уровне не было с апреля 1993 года.

По всем общественно важным вопросам не могут каждый раз проводиться плебисциты, поэтому управление обществом вверяется группе людей, олицетворяющих органы государственной власти [1, с. 80]. Однако, если полностью передать им властвование, может установиться тоталитарный режим, поэтому актуальным при обладании суверенитетом и всей полнотой власти многонациональным народом Российской Федерации становится конституционализм, ограничивающий государство.

В.Б. Живетин отмечает, что с самого появления государства многие люди не были удовлетворены его существованием, поскольку государственная власть нередко использовалась не для удовлетворения общественных интересов, а личных потребностей тех, кто обладал этой властью [2, с. 29]. В этой связи Н.В. Витрук видел в конституционно-правовой практике основу испытания подлинности конституционализма [3, с. 220].

Некоторые ученые воспринимают конституцию как договор между народом и государством. Во многом на этом основывается конституционализм. В то же время такого рода соглашение предполагает изначальное недоверие сторон. Обойти принятие конституции, сохранив конструктивные взаимоотношения между вышеуказанными акторами возможно за счет сильного, добросовестного, ответственного местного самоуправления [4, с. 392].

Тем не менее, государство, являясь главным регулятором всех общественных отношений на своей территории, само находится в рамках правового поля. Оно может его трансформировать, но это способно вызвать

уже неправовую негативную реакцию со стороны гражданского общества. Указанные два актора являются изначально противоборствующими сторонами, примирить которые может только право и только на договорных основаниях [5, с. 221]. Массовые беспорядки, регулярно происходящие в зарубежных странах, представляют собой попытку общества пересмотреть заключенное соглашение с публичной властью [6]. Многие из них в качестве итогового результата имеют требование поправок в конституцию [7] или соблюдения действующих [8]. Такие акции выступают в качестве яркого воплощения конституционализма в жизни, хоть и через фактическое нарушение конституции или притязаний на ее трансформацию.

Еще около 15 лет назад В.А. Малиновский констатировал наличие такого рода проблем в Казахстане, где Конституция и ряд других документов были перенасыщены нормами, закрепляющими общественно значимые ценности, однако на практике они не реализовывались [9, с. 87]. Данное обстоятельство вызывало социальное напряжение, которое могло быть основой протестов 2022 года в данной стране [10].

На основе изложенного видится значимым постоянный анализ существующего состояния конституционализма в государстве. В этой связи Н.В. Витрук предлагал генезисный подход, согласно которому конституционализмом, точнее, условиями его существования, удовлетворяющего всех субъектов права, является то состояние взаимоотношений, к которому они пришли к текущему моменту [3, с. 218].

Сущность конституционализма заключается в ограничении государственной собственной власти неким существенным легитимным и легальным противовесом, коим, как правило, выступает конституция в той или иной форме. Любая власть не может ограничивать сама себя, поэтому для этого необходим другой, более значимый субъект. Как показано выше, этим актором может выступать народ или совокупность юридических механизмов, обеспечивающих верховенство прав человека [2, с. 45].

Еще одной связанной с этим проблемой, является то, что в процессе своей деятельности публичная власть обязательно должна учитывать мнение населения и проводить работу внутри сообществ граждан, вовлекая заинтересованных в процесс принятия решений. Однако нередко происходит так, что государство само принимает определенные решения, на свой субъективный взгляд, определяя, что нужно народу в отрыве от реальности в этой части. В результате имеет место нестабильность в процессе соотношения указанных субъектов и принятия общественно значимых решений [11, с. 232]. Обеспечение же правопорядка в части недопустимости массовых протестов нередко обеспечивается не режимом соблюдения

конституционализма, а формированием лояльного отношения населения действующей власти.

В то же время граждане или, выражаясь политологической терминологией, массы всегда соперничают с управленческой элитой в более или менее стабильном государстве и даже идентифицируют себя с ней [1, с. 93]. Это облегчает процесс публичного управления. Во многом поэтому в тоталитарных государствах, как правило, на конституционном и законодательном уровне предусматриваются различные демократические институты, которые на практике имеют формальный характер или вовсе не реализуются, но обсуждаются, декларируются и формируют в сознании людей сопричастность к процессу осуществления власти.

В итоге граждане и сами становятся своего рода заложниками «ловушки центрального правительства» по В. Остроуму. Суть ее заключается в избыточной вере в то, что все публично значимые вопросы будут решены государственной властью, а гражданам лучше абстрагироваться от этого процесса. Такой подход в корне неверный в виду того, что государство и само стремится подавить все инициативы, идущие вразрез с его политикой вне зависимости от рациональности их применения. Поэтому всегда следует соблюдать некий баланс, выражать свою позицию в случае нарушения основных принципов конституционализма конституционными же средствами, используя демократические институты, включая самоуправление [13, с. 149-150], добиваться ее реализации. Вместе с тем противодействие государству, формирование оппозиции «ради оппозиции» не должно становиться самой целью соотношения субъектов конституционного права.

В свою очередь и публичная власть должна воспринимать людей как наивысшую ценность общества. Дело тут не в абстрактных категориях ст. 2 Конституции Российской Федерации о верховенстве человека и его прав, а в конкретных механизмах осуществления в основном исполнительной власти [2, с. 200], требующей особо пристального общественного контроля за собой. Подтверждением последнему тезису может служить большое количество выявляемых коррупционных правонарушений в России [13] в последние годы с учетом высокого уровня латентности данного вида девиации в соотношениях субъектов конституционного права [14].

Конституционализм и конституция, по мнению Л.Б. Ескиной, представляют собой часть человеческой культуры, своего рода реакцию на имеющие место социальные потребности, чем достигается решение общественно значимых проблем. В этой связи конституция может восприниматься в качестве социальной ценности [15, с. 48-49].

Если постараться собрать воедино основные мнения мыслителей относительно функционирования государства, то их условно можно разделить на три группы:

1) этатисты, предлагающие не устанавливать для государства никаких ограничений;

2) сторонники жесткого ограничения государства, обилия демократических процедур и иных средств вовлечения граждан в управление делами государства;

3) рационалисты, стремящиеся найти баланс между эффективностью государственного правления и подлинным конституционализмом [2, с. 30].

Безусловно, последние в большей степени отвечают современному запросу общества на порядок и основополагающие начала соотношения государства, общества и человека. Однако поиск этого баланса – очень сложная задача, которую до настоящего времени вряд ли кому-то удалось решить.

Завершая рассмотрение соотношения субъектов права в качестве основы конституционализма в современной России, следует подчеркнуть, что они существенным образом трансформируются в зависимости от многообразия факторов – как путем конституционных поправок, так и большого числа внешних обстоятельств военного, экономического, технологического и иного характера. Значимым в данном случае остается высокий уровень соблюдения конституционных прав человека в нашей стране вне зависимости от не всегда возможных воплощений доктринальных идеалов на практике о демократии, совершенном государстве и полностью свободном гражданском обществе.

Список использованных источников

1. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизни: вопросы теории: монография. – М.: Норма, 2014. – 192 с.
2. Живетин В.Б. Этико-правовые риски демократических систем. – М.: Бон Анца, 2010. – 444 с.
3. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991—2012 гг.) / Н.В. Витрук. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 688 с.
4. Селезнев Ф., Смолин М. Великий страж Империи // Катков М.Н. Империя и крамола. – М.: ФондИВ, 2007. С. 383-417.
5. Эбзеев Б.С. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). – М.: Экономика, 2005. – 375 с.

6. Сарабьев А.В. Протестная волна и контрмеры страха: ливанский акт мировой драмы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 164-192. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-164-192.
7. Шакле С. Беспорядки в Ираке 2019-2020 гг.: взгляд из Багдада и Эрбиля // Конфликтология / Nota Bene. 2020. № 2. С. 35-41. DOI: 10.7256/2454-0617.2020.2.33442.
8. Лю Я. Осознание прав и правил сельскими протестующими в Китае (на примере протестов в селе Укань) // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 2. С. 327-340. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-2-327-340.
9. Малиновский В.А. Конституционные ценности: к желаемому через возможное в практике утверждения конституционализма в республике Казахстан // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г.: в 2-х т. Т. 1 / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 79-93.
10. Дымова А.В., Золотайко А.И. Протесты в Казахстане 2022 года: метафорическая репрезентация полиции // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 4 (48). С. 535-541. DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-535-541.
11. Город в теории и практике: правовые и урбанонологические аспекты: монография, коллектив авторов / под общ. ред. В.В. Таболина. – М.: Юстицинформ, 2020. – 352 с.
12. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / Пер. с англ., Предисл. А. Оболонского. – М.: Арена, 1993. – 320 с.
13. Spirina A.S. Status and dynamics of the level of domestic corruption in the border region of Russia // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2022. Т. 1. № 11. С. 251-259.
14. Попова Н.А. Латентность коррупции // Социальная безопасность в евразийском пространстве. Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием. Ответственный редактор И.А. Грошева. 2019. С. 274-276.
15. Ескина Л.Б. Ценностный подход в конституционном праве // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 47-55.

Кемрюгов Тенгиз Хатызович

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
директор юридического института имени Е.А. Энгеля,
заведующий кафедрой конституционного и административного права
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

БАЛАНС КАК СРЕДСТВО МЕЖОТРАСЛЕВОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Опираясь на научные и нормативные источники, следуя традиционному пониманию механизма правового регулирования как системы правовых средств, способов и методов воздействия права на общественные отношения, в статье рассмотрены межотраслевые аспекты обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: баланс, метод регулирования, межотраслевое регулирование

В юридической науке справедливо отмечается обоюдное заимствование инструментов одной отрасли права в регламентации правового поведения субъектов общественных отношений, находящихся в сфере действия законодательства, принадлежащего другой отрасли права. В специальной литературе указывается, в частности, на процессы «публицизации» и «цивилизации» права. Так, по мнению В. Ф. Яковлева и Э. В. Талапиной, в рамках «публицизации» частного права (проникновения публичного права в область частного) в последнем становится все больше императивных норм; публичное право сейчас «не просто гарантирует применение частного права, оно ограничивает и контролирует виды экономической деятельности, предписывает обязательные виды договоров, ограничивает право собственности» [1, с. 9]. При этом участие государства в регулировании частнопровых отношений может носить как прямой, так и косвенный характер, на что обращает внимание В.Ф. Яковлев, выделивший две формы использования публично-правового регулирования в отраслях частного права: явная форма (в таких отношениях государство или его органы принимают непосредственное участие) и скрытая форма – «использование механизмов публичного права, введение ограничений, запретов, санкций» [2, с. 152-153].

Во встречном процессе «цивилизации» (или «приватизации») публичного права последнее активно заимствует многие частнопровые

институты и использует их в экономике, а также в непосредственном государственном управлении; «проведение административной реформы, появление в публичном праве государственных и муниципальных услуг – это не просто внешний атрибут, а новая сущность государства, которое отказывается от исключительно традиционных властных методов, используя договорные».

В качестве самостоятельного вектора правового развития законодательства Т.Я. Хабриева выделяет процесс «коммерциализации» социального законодательства, справедливо указывая на то, что расширение инструментария социального законодательства приводит к широкому сочетанию публично-правовых и частноправовых механизмов и средств [3].

Разрабатывая теорию публичного права, Ю.А. Тихомиров, выделил: а) правовые отрасли исключительно публичной направленности и содержания (конституционное право, административное право, а также финансовое, бюджетное, налоговое, информационное, уголовное, процессуальное право); б) смешанные правовые отрасли – публичные институты находятся в определенном (паритетном или преобладающем) соотношении с нормами частного права (образовательное, медицинское, промышленное, энергетическое право); в) отрасли частного права, в которых присутствуют элементы публичного порядка – формируются на основе сочетания публичных и частных интересов в самых разных сферах правового регулирования (регистрация и уведомление, ценообразование, юридическое лицо в публичном праве, государственно-частное партнерство и др.). Несмотря на фактический приоритет публичного права, ученый подчеркивал необходимость более глубокого исследования указанных вопросов в рамках юридической конфликтологии и коллизионного права [4].

Сама же идея признания взаимозависимости и взаимопроникновения частного и публичного права в современных исследованиях получила наименование конвергенции, причем, по мнению В. Г. Голубцова, «отчасти в противовес «классическим» воззрениям о разграничении публичного и частного права» [5, с. 39]. Как справедливо отмечает В. В. Васильев, в системе гражданского права любая норма может быть рассмотрена одновременно с двух точек зрения – как со стороны частного, так и со стороны публичного начала; последнее не приводит к дезавуированию самой цивилистической системы права, но ставит задачи по рассмотрению соответствующей отраслевой общности с позиции конвергенции частного – публичному. Само же гражданское право в настоящее время представляет собой некий «симбиоз» диспозитивных и императивных норм, что, однако,

не меняет общей направленности гражданского права как частноправовой отрасли [6, с. 22].

Идея взаимопроникновения отраслей права, а также случаи использования одной нормы различными отраслями права (так называемая «двойная прописка» [7, с. 79-81]) в научной литературе находят порой продолжение в утверждениях о существовании комплексных отраслей правового регулирования [8]. Отстаивая позицию о правомерности и обоснованности «институционализации комплексных отраслей» в структуре отечественной правовой системы, в качестве основания указывается не классическое разграничение отраслей права по предмету правового регулирования, но говорится о необходимости использования метода, который хотя и разнороден, но является целостным, поскольку представляет собой определенную социальную систему.

Основой для определения баланса частноправовых и публично-правовых начал в рамках российской системы права (в том числе его отраслей), по нашему глубокому убеждению, является Конституция Российской Федерации. Ее нормы являются отправным и одновременно идеологическим посылом, не только определяющим отрасли законодательства, но и формирующим соответствующие отрасли российской системы права. В этом смысле конституционное право не только носит надотраслевой характер, но также, как отмечал Н.В. Витрук, определяет «основу (фундамент) для непосредственного регулирования общественных отношений ... отраслями публичного и частного права» [9, с. 60]. В качестве примера достаточно соотнести нормы ст. 8, ч. 3 ст. 35, ч. 1 ст. 23 Конституции России и ч. 5 ст. 1, ч. 1 ст. 1, ст. 235, ч. 1 ст. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации соответственно. Содержательно эти нормы касаются единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств; неприкосновенности собственности; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, защита частной жизни.

Надотраслевой характер конституционного права поддерживается не всеми учеными. Как замечает Е.А. Суханов, признание частного права обуславливает переход к принципиальному делению всей правовой сферы на частноправовую и публично-правовую, что заставляет по-новому взглянуть на всю систему отечественного права. Речь идет об отказе от традиционной «пирамиды» правовых отраслей, на вершине которой помещается конституционное право. Система, которая основана на принципиальном равенстве частноправового и публично-правового подходов, исключает какую-либо подчиненность публичному праву, постулируя исключительно

взаимодействие отраслей друг с другом. Такое взаимодействие представляет собой уже не пирамиду, но «прямоугольник». Ученый справедливо отмечает, что это не умаляет юридическую силу Конституции как закона. Поэтому, завершает цивилист, Конституцию как нормативный правовой акт в системе законодательства следует отличать от конституционного права, которое существует «в качестве составной части публичного права и никак не может первенствовать над отраслями частного права» [10, с. 44].

Поиск ответа на вопрос о взаимодействии и взаимозависимости законодательных норм и отраслевых направлений регулирования общественных отношений приводит к многочисленным дискуссиям об отраслевом делении права, а также о самостоятельности предмета и методов каждой из них.

Рассматривая соотношение публичного и частного, С.В. Дорохин к числу общеправовых проблем, определяющих практическую ценность концепции деления права на публичное и частное, отнес: классификацию юридических норм; соотношение применения норм публичного или частного права при регулировании общественных отношений; проникновение элементов публичного права в частное и наоборот; «устранение конфликтов между публично-правовыми и частноправовыми методами и способами правового регулирования» [11]. Представляется, что проблема взаимодействия частного и публичного в рамках российской доктрины права находится значительно глубже – в отраслевой взаимосвязи, в инструментариях и средствах, применяемых соответствующей отраслью, т. е. в предмете и методе отраслевого регулирования. В этом смысле говоря о конфликтах между методами и способами правового регулирования, следует рассуждать не только о классической конкуренции между публичными и частными началами и о выборе «правильного» варианта правовой регламентации, но и об отмечаемых в законодательстве попытках использовать частноправовые методы правового регулирования в публичной сфере; иными словами – о применении методов одной отрасли в отношениях, подпадающих под предмет регулирования другой. Поэтому решение вопроса о соотношении частного и публичного невозможно без рассмотрения содержания предмета и метода соответствующей отрасли российского права.

Если для отграничения частного права от публичного важны фундаментальные отличия, признанные в научной среде (публичное право защищает интересы общества и государства, частное – интересы индивидуума; публичному праву свойственны отношения субординации (властеотношения), частному – отношения координации (горизонтальные отношения), вступление в которые зависит от воли участников), то при

отграничении конкретных отраслей права раскрытие содержания предмета и метода правового регулирования не получили единого понимания.

В настоящее время вопрос о методе правового регулирования по-прежнему остается в сфере внимания. Так, М. А. Хвалева, рассматривая метод публичного права в качестве самостоятельной правовой категории, формулирует ряд выводов. В частности, под методом правового регулирования автор предлагает понимать «сущностное свойство объективного права, выражающееся в его возможности воздействовать на общественные отношения, путем формального закрепления правового положения их участников, поддерживаемого и охраняемого государством» [12, с. 8].

Данное определение по сути презюмирует исключительно статический характер нормативного воздействия – «закрепление правового положения». При этом «метод публичного права – особый юридический признак, свойство публичного права, выражающееся в его возможности воздействовать на общественные отношения, путем закрепления компетенции публичных субъектов» [12, с. 9].

Предмет отрасли права во многом определяет методы, которые используются для регулирования данных общественных отношений. С учетом того, что одни и те же общественные отношения могут быть предметом регулирования различных отраслей права, вполне допустимо говорить также и о возможности использования в отношении них соответствующих отраслевых методов правового регулирования. Такое межотраслевое взаимодействие предметов и методов отмечается учеными в самых разных сферах правового регулирования. Например, С.Д. Шестакова, исследуя метод уголовно-процессуального права, разделяет его на три элемента («подметода»), каждый из которых регулирует относительно самостоятельные группы уголовно-процессуальных отношений (в зависимости от субъектов процессуальных отношений). При этом, как указывает процессуалист, «в рамках каждого из «подметодов» такой классический компонент метода правового регулирования, как взаимное положение участников правоотношений, настолько специфичен, что его содержание нельзя свести к какой-либо единой совокупности приемов юридического воздействия, применимой ко всем указанным... группам уголовно-процессуальных отношений» [13, с. 15-16]. Говоря о необходимости создания целостной концепции предмета уголовного права, отвечающей современным представлениям о границах и социальных возможностях данной отрасли, Н.В. Генрих указывает, что «основой для признания диспозитивного способа в механизме уголовно-правового

регулирования служит... признание юридического равенства сторон», а также «обусловленное императивностью понимание любого права государства одновременно и как его обязанности». Диспозитивность, заключает ученая, «предполагает не исключение государства из сферы уголовно-правовых отношений, а протекающее под контролем и при наличии гарантий государства согласование порядка возникновения и объема прав и обязанностей участников уголовного правоотношения самими этими участниками» [14, с. 131-132]. Схожая тенденция отмечается также учеными-административистами. Рассматривая методы административно-правового воздействия, Д.В. Осинцев, указывает, что в современных условиях деятельности исполнительной власти ее административно-правовое регулирование не может рассматриваться «исключительно как властная, организующая деятельность, основанная на превалировании интересов одной из сторон, но представляет собой... обязательное институциональное правообеспечение публичных интересов неограниченного круга лиц... дифференциацию публичных ролей субъектов административно-правовых отношений...» [15, с. 16].

Как видим, даже среди наиболее ярких представителей сферы публичного права (уголовное и административное право) отмечается возможность использования элементов других отраслей, в том числе частноправовой сферы. Вместе с этим подобная взаимосвязь не означает только некое «конструктивное взаимодействие» отраслей, при котором имеет место одновременное использование единого метода в качестве базисного и отраслевых методов как специфического набора юридических средств, способов и приемов, который «типичен для той или иной сферы общественных отношений», позволяет «раскрыть неповторимое своеобразие метода правового регулирования любой из отраслей, дополнительным критерием разграничения которых он является». Подобная аргументация типична для объяснения межотраслевых различий. Однако такие ссылки в качестве обоснования взаимодополнения не дают практических ответов на вопросы о сферах, границах, инструментах и конкретных методах, которые следует применять при решении прикладных задач и рассматривать как юридически безупречные.

Именно так Е.В. Богданов толкует цивилистический принцип, закрепленный в п. 2 ст. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации, согласно которому физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Отдавая должное обстоятельному анализу норм гражданского права, который осуществил автор во имя обоснования единства и

взаимообусловленности свободы и произвола (в том числе на материале судебной практики), считаем возможным акцентировать внимание на таком классическом для цивилистики принципе, как свобода договора, вокруг практических форм и способов реализации которого, по нашему мнению, происходит обоснование идеи произвола [16]. Представляется, что данный принцип, действующий совместно с принципами добросовестности, справедливости участников оборота, охватывает все варианты законной свободы, любое иное проявление будет выходить за рамки закона, а следовательно, произвол приобретает исключительно нелегальную форму своего выражения, которая не может рассматриваться по нормам Гражданского Кодекса Российской Федерации как проявление свободы.

Для публично-правовой сферы справедливо будет говорить о предпринимаемых со стороны публичной власти действиях, направленных на ограничение своего влияния на частную сферу, и наоборот, о механизмах ограничения самостоятельности и независимости частноправовых субъектов в случае их вступления в публичные (общественно и государственно-значимые) отношения. Иными словами, мы можем рассуждать о существовании в сфере частного и публичного права общего для них метода правового регулирования, который выражается в двух разнонаправленных и одновременно действующих – взаимодополняющих – способах правового воздействия на общественные отношения, обеспечивающих достижение баланса частных и публичных интересов.

В этом смысле речь идет о предпринимаемых со стороны органов власти действиях, связанных с ограничением своего влияния на частную сферу. Вместе с этим мы наблюдаем и противоположные действия, связанные с ограничением самостоятельности и независимости частноправовых субъектов в случае их вступления в публичные (общественно и государственно значимые) отношения.

Таким образом, считаем возможным предположить использование общего метода правового регулирования в отношениях, регламентируемых нормами публичного и частного права, который условно назовем «ограничение влияния (или вмешательства)». Соответственно, для государственной сферы будет характерно ограничение влияния на (или вмешательства в) частную сферу, в то время как для частной – ограничение влияния на (или вмешательства в) публичную.

С учетом единства метода «ограничения влияния» и соответствующих ему комплементарных способов правового воздействия, их непосредственное проявление в нормах действующего законодательства также носит взаимодополняющий и комплементарный характер. В качестве примера

можно привести предусмотренные законодательством альтернативные процедуры урегулирования споров с участием независимого лица – медиатора (или «посредника, в том числе медиатора», как указывается в АПК в отличие от ГПК). Обратим внимание, что если в рамках современного арбитража (третейского разбирательства) могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, то процедуры медиации применяются к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также к спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. Более того, закон прямо указывает, что целью использования процедур медиации является развитие партнерских деловых отношений, формирование этики делового оборота, гармонизация социальных отношений. В этом смысле отмеченная в научной литературе функция содействия в отношении третейских судов заслуживает дальнейшего развития и укрепления, в том числе с учетом обширной и разнообразной практики медиации зарубежных стран.

Процесс становления указанных процедур достаточно характерно иллюстрирует усиление частноправовых начал в сфере, которая в свое время находилась исключительно в зоне действия методов публичного (гражданско-процессуального) права. Фактическое развитие частноправовых отношений объективно приводит к усилению цивилистических начал в законодательной регламентации: публичная власть позволяет разрешать вопросы (споры) в особом, частном порядке, тем самым ограничивая сферу своего влияния (первый тип правового регулирования). Причем процедура медиации может применяться практически на любом этапе, в том числе после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах.

Одновременно с этим защита субъективных гражданских прав и интересов не может нарушать прав и законных интересов третьих лиц, что может иметь место при процедуре медиации.

Поэтому здесь возникает такая же объективная необходимость (комплементарно) использовать второй способ правового воздействия и ограничить влияние частной сферы на публичную, что нашло выражение в императивном требовании федерального законодателя исключить возможность применения медиативных процедур применительно к спорам, которые могут затронуть публичные интересы.

Рассмотренные выше способы правового регулирования позволяют поставить под сомнение научную и практическую обоснованность периодически возникающих в научной среде интенций о якобы активном

процессе размывания границ между частным и публичным, что в свою очередь приводит к последующим попыткам отказаться от отраслевого деления права. При этом есть основания поддержать вывод Е.В. Богданова, что внедрение публичных начал в гражданское законодательство России можно признать тенденцией его развития [17].

По нашему мнению, использование выделенных выше комплементарных способов правового воздействия, с одной стороны, свидетельствует о сохранении деления права на частное и публичное, с другой стороны, позволяет методологически корректно (по отношению к межотраслевому делению российского права) объяснить механизмы и способы взаимодействия и взаимовлияния частноправовых и публично-правовых начал на общественные отношения в целях достижения баланса защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов.

Список использованных источников

1. Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2 (182). С. 5-16.
2. Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. Проблемы теории и практики. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2003. 596 с.
3. Хабриева Т. Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8 (212). С. 5-15.
4. Тихомиров Ю. А. Научная школа публичного права // Журнал российского права. 2015. № 9 (225). С. 16-24.
5. Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права: к 150-летию со дня рождения: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Казань, 1-2 марта 2013 г. / [под ред. Д. Х. Валеева и др.]. – Москва: Статут, 2014. 942 с.
6. Васильев В. В. Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Васильев Владимир Валерьевич; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2015. – 59 с.
7. Алексеев С.С. Избранное: Наука права. Общесоц. проблемы. Публицистика / С.С. Алексеев. – Москва: Статут, 2003. 478 с.
8. Корякин В.М. К вопросу об институционализации транспортного права в качестве комплексной отрасли российской правовой системы // Транспортное право. 2015. № 2. С. 10-13.
9. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. – М.: РАП, 2008. 272 с.

10. Суханов Е. А. Гражданское право России – частное право. – М.: Статут, 2008. 586 с.
11. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное : Конституционно-правовой аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 25 с.
12. Хвалева М. А. Метод публичного права: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007. – 21 с.
13. Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид наук. СПб., 2004. 388 с.
14. Генрих Н.В. Основы учения о предмете и методе уголовно-правового регулирования // Общество и право. 2010. № 4(31). С. 127-134.
15. Осинцев Д. В. Методы административно-правового воздействия : дис. ... д-ра наук. Екатеринбург, 2013. – 54 с.
16. Богданов Е.В. Категории свободы и произвола в гражданском праве России // Современное право. 2016. № 4. С. 43-48.
17. Богданов Е.В. Внедрение публичных начал в гражданское законодательство России как тенденция его развития // Гражданское право. 2024. № 4. С. 2-5.

Мирошников Евгений Васильевич

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
доцент кафедры административного права и процесса
кандидат экономических наук

Исаев Максим Анатольевич

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
обучающийся юридического института
(Белгород, Россия)

ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В данной статье исследуются деятельность органов прокуратуры в области противодействия коррупции и особенности применения мер прокурорского реагирования в случае выявления нарушений

законодательства. На основе правоприменительной практики делается вывод об их значении для предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: прокуратура, противодействие коррупции, меры прокурорского реагирования, акты прокурорского реагирования, предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений.

«Предупредительная (профилактическая) деятельность выступает одним из направлений правоохранительной деятельности. Она представляет собой гуманную форму борьбы с негативными социальными явлениями, в том числе такими, как пьянство, наркомания, бедность, бюрократизм, коррупция, правовой нигилизм, способствующими совершению правонарушений» [1, с. 65].

Как отмечал Н. В. Витрук, «в системе государственных органов существуют органы, которые выполняют значительный объем работы в сфере охраны конституционности, законности и правопорядка. Они получили название правоохранительных и надзорно-контрольных органов» [1, с. 65]. Прокуратура является одним из наиболее значимых правоохранительных органов, в чьи полномочия входит осуществление надзора за соблюдением законодательства в области противодействия коррупции [2, с. 154]. Отметим, что деятельность прокуратуры урегулирована нормами Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»), а антикоррупционные полномочия прокуратуры вытекают из смысла положений Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 октября 2022 года № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции».

В целях предупреждения и пресечения коррупционных нарушений прокурором может применяться ряд мер (актов) прокурорского реагирования. Рассмотрим их.

1. Протест. Порядок принесения прокурорского протеста отражен в ст. 23 ФЗ «О прокуратуре РФ». Исходя из смысла данной статьи, он может быть принесен в том случае, если в исследуемом прокурором проекте закона или уже принятом законе выявлены коррупциогенные факторы. В этом случае орган, принявший такой нормативный правовой акт, обязан принять соответствующие меры и устранить допущенное нарушение. Например, в

июне 2023 года сотрудниками прокуратуры Прохоровского района Белгородской области были выявлены коррупциогенные факторы в Положении о муниципальном земельном контроле на территории муниципального района «Прохоровский район» от 24 августа 2021 года № 414. В документе, регулирующем муниципальный земельный контроль в Прохоровском районе, заложен механизм, который может способствовать коррупции. В частности, в документе было указано, что в качестве индикаторов риска нарушения обязательных требований, оправдывающих проведение внеплановых проверок, используются не только сами нарушения, но и отклонения от установленных параметров объектов контроля. Это означает, что даже без фактического нарушения, но при наличии отклонений, орган муниципального контроля имеет право провести проверку.

Такой подход, как совершенно верно отметил прокурор Прохоровского района М. Федоров, обуславливает наличие следующих коррупциогенных факторов: «размытость» критериев проведения проверки, вследствие чего фактически возникают достаточно широкие возможности для их субъективного толкования и злоупотребления проверяющими органами своими полномочиями; орган контроля получает чрезмерно широкие полномочия без четких границ и пределов их применения, что повышает риск произвольных решений и коррупционных рисков [3].

2. Предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов при обнаружении пробелов и противоречий в действующем законодательстве в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы. Сущность данной меры заключается в том, что прокурор в процессе анализа и исследования нормативного правового акта может выявить отдельные аспекты возникающих или существующих общественных отношений, которые анализируемым законом не учтены, и предложить изменить или дополнить последний. В случае же, когда наличие пробела носит неустранимый характер, прокурор в качестве наиболее целесообразного решения может предложить отменить нормативный правовой акт.

3. Требование об изменении нормативного правового акта, содержащего коррупциогенные факторы, с предложением способа устранения выявленных коррупциогенных факторов. В данном случае прокурор не только выявляет коррупциогенные факторы в исследуемом документе, но также и предлагает способ их устранения. Например, он может предложить переформулировать норму закона, дополнить его новым положением и пр. Как правило, рассматриваемое требование является

результатом проведения антикоррупционной экспертизы нормативного правового акта, в рамках полномочий прокуратуры, предусмотренных ст. 9.2 Федерального закона «О прокуратуре РФ».

4. Представление. Данная мера прокурорского реагирования закреплена в ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре РФ». Сущность представления заключается в том, что прокурор требует незамедлительного устранения нарушения антикоррупционного законодательства. Например, в рамках рассмотрения дела № 88а-38611/2023 от 18 декабря 2023 года Первый кассационный суд общей юрисдикции установил, что прокуратура Красненского района Белгородской области провела проверку в отношении администрации Красненского района, в ходе которой было установлено, что один из сотрудников В. был принят на работу в администрацию с нарушением положений ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». На основании материалов проверки прокурор Красненского района Белгородской области вынес представление об устранении нарушения антикоррупционного законодательства и незамедлительном расторжении с В. трудового договора [4].

5. Постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении. Производство по делам об административных правонарушениях осуществляется в соответствии с положениями Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Отметим, что на сегодняшний день в КоАП РФ отсутствует обособленный перечень правонарушений в сфере антикоррупционного законодательства, вследствие чего к этой категории относятся административные правонарушения из разных глав КоАП РФ. Например, 05 апреля 2017 года мировой судья судебного участка № 2 Чернянского района Белгородской области рассмотрел дело об административном нарушении в отношении ООО «К.» по ст. 19.29 КоАП РФ. Согласно материалам дела, ООО «К.» в нарушение требований антикоррупционного законодательства приняло на работу К., замещающую должность главного бухгалтера ОМВД России по Чернянскому району, и не уведомило об этом в письменном виде по ее предыдущему месту работы, в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Данный факт был выявлен в ходе прокурорской проверки, вследствие которой прокурор Чернянского района Белгородской области вынес постановление о возбуждении дела об административном правонарушении [5].

6. Предостережение о недопустимости нарушения закона. Данная мера прокурорского реагирования носит превентивный характер, то есть фактически нарушение еще не допущено, но существуют объективные предпосылки для их совершения, которые прокуратура пытается предотвратить. Наиболее часто данная мера используется в сфере предупреждения коррупционных правонарушений в области муниципальных и государственных закупок. Так, например, в 2019 году в прокуратуру Белгородской области поступил анонимный телефонный звонок, в ходе которого звонивший сообщил, что заведующая одного из детских садов Белгородской области потребовала от родителей сдать определенную сумму денежных средств на нужды детского сада. Прокуратура начала проверку, в результате которой в отношении заведующей было вынесено предостережение о недопустимости нарушения антикоррупционного законодательства [6].

7. Постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. В контексте рассматриваемой меры прокурорского реагирования отметим, что до 2011 года прокуроры имели право возбуждать уголовные дела, однако в ходе масштабной реформы, в ходе которой прокуратура и следственный комитет стали обособленными государственными правоохранительными органами, данную функцию прокуроры утратили. Таким образом, если прокурор выявляет коррупционное нарушение, признаки которого позволяют его квалифицировать как преступление, то в зависимости от подследственности преступления он вносит постановление о возбуждении уголовного дела в орган дознания или следствия. Например, в 2022 году прокуратурой Яковлевского района Белгородской области было инициировано несколько уголовных дел о даче взятки и о получении взятки, которое является одним из коррупционных преступлений. Согласно результатам проведенной прокурорской проверки, некая гражданка Н., будучи руководителем ритуального агентства, договорилась с двумя участковыми полиции о том, чтобы они сообщали ей о смерти граждан за вознаграждение. В результате уголовные дела были возбуждены как в отношении Н., так и в отношении сотрудников полиции [7].

8. Иск (заявление) в суд (арбитражный суд). Данная мера прокурорского реагирования подразумевает, что прокурор в случае выявления факта нарушения антикоррупционного законодательства, может самостоятельно инициировать судебное разбирательство, обратившись в суд в качестве истца. Например, 30 августа 2022 года Арбитражный суд Центрального округа рассмотрел кассационную жалобу на решение

нижестоящего суда. Согласно материалам дела, заместитель прокурора Белгородской области в интересах города Белгорода обратился в Арбитражный суд Белгородской области с иском к МКУ «У.», требуя признать недействительным муниципальный контракт, заключенный между МКУ и ООО, которое выступало в качестве подрядчика по укладке тротуарной плитки. Как указал прокурор в своем иске, заключенный муниципальный контракт нарушал требования антикоррупционного законодательства в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок, чем был нанесен ущерб бюджету муниципального образования городской округ «Город Белгород». Арбитражный суд Белгородской области иски удовлетворил, суды апелляционной и кассационной инстанции оставили решение без изменений [8].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что в сфере противодействия коррупции прокуратура реализует свои надзорные полномочия и может реагировать на коррупционные правонарушения как самостоятельно, так и с участием иных правоохранительных органов. Прокурор может принимать восемь мер прокурорского реагирования, направленных на предупреждение, пресечение и устранение последствий коррупционных правонарушений. При этом стоит отметить, что только предостережение о недопустимости нарушения носит превентивный характер, то есть направлено на недопущение еще не совершенного правонарушения, в то время как остальные меры реагирования направлены на пресечение уже совершенных правонарушений и минимизацию вредных последствий их совершения.

Список использованных источников

1. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. – М.: Норма, 2009.
2. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сборник методических рекомендаций / под общ. ред. начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 3 класса А.Е. Русецкого. – М., 2017. – 237 с.
3. Прокуратура Прохоровского района изучила Положения о муниципальном земельном контроле // Прохоровские истоки : сайт. URL: <https://prohistoki.ru/news/obshestvo/2023-06-08/prokuratura-prohorovskogo-rayona-izuchila-polozheniya-o-munitsipalnom-zemelnom-kontrole-333289> (дата обращения: 09.11.2024).

4. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 декабря 2023 г. № 88а-38611/2023 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=g51&bases=&req=doc&cacheid=57566D0D0B0BA4C8527D60B693B34DD6&mode=backrefs&base=KSOJ001&n=157118&rnd=x69WQ#XAAOkTUs7oZxZwV42> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Чернянского района Белгородской области от 05 апреля 2017 г. по делу № 5-73/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/e60WnKZhW0H8/> (дата обращения: 09.11.2024).
6. Мероприятия, направленные на противодействие коррупционным проявлениям, проведены Старооскольской городской прокуратурой и прокуратурой Вейделевского района // Прокуратура Белгородской области : официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31/mass-media/news?item=29556759 (дата обращения: 09.11.2024).
7. Прокуратурой Яковлевского района инициировано возбуждение уголовных дел о взяточничестве // Прокуратура Белгородской области : официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31/mass-media/news?item=75180046 (дата обращения: 09.11.2024).
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30 августа 2022 г. по делу № А08-1166/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/18yKoINEwZ68/> (дата обращения: 10.11.2024).

Никонова Людмила Ивановна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
доцент кафедры конституционного и
международного права юридического института
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

НАУЧНОЕ ОБРАМЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ВЕРСИИ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье уделяется внимание анализу интерпретационных подходов к такой категории как конституционализм. В результате обзора научных дискуссий сделан вывод о многообразии методов, используемых в

исследованиях при изучении элементного состава и структуры этого политико-правового феномена. Характеристика особенностей модели современного российского конституционализма также осуществлялась с позиций методологии, которая направлена на интеграцию различных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов к его пониманию.

Ключевые слова: конституция, конституционализм, методы исследования, конституционная доктрина и практика

Актуализация процессов изменения положений Конституции России обуславливает не только поиск обоснования теоретических основ конституционных преобразований, но и активизацию научных дискуссий о сущности и эволюции российского конституционализма [1, 2, 3, 4]. Учитывая многоаспектный и многоуровневый феномен конституционализма, современные дискуссии его доктринального обрамления ведутся в рамках юриспруденции, политологии, социологии, философии и других наук. Как отмечает И.А. Кравец, интерпретационные доктрины исследования конституционализма сегодня предлагаются даже «в сравнительно новых областях охвата конституционной мысли, например, в психологии» (психологический конституционализм) [3, с. 205]. Полагаем, что при отсутствии однозначной трактовки и наличии множества методологических подходов к рассматриваемому явлению, сравнение, сопоставление и анализ предлагаемых исследователями интерпретационных версий конституционализма, выявление ценностных установок, лежащих в основе разных точек зрения, способствуют развитию и обогащению понимания как данного феномена в целом, так и каждой из предлагаемых авторами парадигм.

О конкуренции в юриспруденции двух подходов к конституционализму, которые основываются на соответствующих концепциях правопонимания, пишет Н.В. Варламова. Позитивистский подход «(в его легистской версии)» предполагает, что конституционализм является дериватом конституции и «отождествляется с учением о ней, о способах ее принятия и действия, обеспечением ее верховенства в системе законодательных актов и иных источников права, предусмотренном ею порядке осуществления государственной власти и характере взаимоотношений государственных органов между собой и с гражданами» [5, с. 11]. Непозитивистская интерпретация этого феномена связана с «системой институциональных гарантий прав человека» и в данном случае конституция выступает лишь как «эффективный способ ограничения государственной власти правами человека» [5, с. 12]. Автор отмечает, что

такой взгляд на конституционализм «вариативен, исторически и географически изменчив, что позволяет говорить о классическом и современном конституционализме, конституционализме английском, американском, германском, российском и т.д.» [5, с. 12]. При таком подходе наличие основного закона не является императивом (пример Великобритания), а реальность конституционализма связана с формализацией гарантий прав и свобод человека в законах государства и существованием реального механизма защиты этих прав и свобод.

В рамках позитивистской теории правопонимания С.Ю. Поярков, используя «инструментальный и идейно-ценностный подходы», обосновывает взаимосвязь между основным законом государства и конституционализмом: «при инструментальном подходе конституционализм является производным от конституции, а в рамках идейно-ценностного – конституционализм выступает предпосылкой формирования конституции» [6].

Вопрос о понятии российского конституционализма, как справедливо указывает О.Е. Кутафин, отечественные правоведы связывают с его происхождением и аргументированно предлагают три точки зрения на данную проблему [7, с. 48]. Одни ученые отрицают заимствование идей западного конституционализма, обосновывая его становление и формирование в России идеями и традициями, существовавшими в российской истории при формировании органов власти [8, с. 4; 9, с. 14]; другие же, предполагают «воздействие извне», то есть «трансплантацию» конституционализма западной цивилизации на «неподготовленную российскую социальную среду, не имеющую необходимых внутренних условий развития» [10, с. 16].

Выявляя недостатки предложенных концепций, О.Е. Кутафин предлагает наиболее оптимальную теорию происхождения российского конституционализма, определяя ее как «интеграционную или синергетическую». Обоснованием является наличие у российского конституционализма как универсальных принципов, характерных для демократических государств, так и уникальных (специфических) конституционных учреждений, связанных с историческими и социально-экономическими особенностями становления государства [7, с. 48].

Комплексное исследование философских, теоретико-правовых, исторических основ и особенностей современного российского конституционализма с применением широкой методологической базы провел И.А. Кравец. Выделяя «четыре грани воплощения конституционализма в социальной реальности (идейно-теоретический, нормативно-правовой,

институционально-функциональный и судебно-интерпретационный)» [11, с. 3], ученый, используя различные методы (аксиологический, сравнительно-правовой, функциональный, телеологический и др.) охарактеризовал каждую из них применительно к России. Системный анализ современного российского конституционализма позволил автору выделить его основные черты: более позднее правовое оформление по сравнению с другими европейскими государствами; интегрированность (сочетание «принципов и институтов универсального, национального и традиционного-регионального характера»); пребывание в переходном периоде (хотя конституционно-правовые принципы и формализованы в тексте Базового закона, но «не обеспеченные широкой общественной поддержкой в процессе реализации, часто теряют качество нормативности») и телеологический характер (обладает «внушительным запасом пока не реализованных возможностей») [11].

Несколько методов научных исследований к пониманию сущности конституционализма применяет Н.В. Витрук. Генезисный подход отражает идеальное устройство общества и государства, закрепленное в положениях конституции. «Генетически конституционализм выступает как система представлений об общедемократических, общецивилизационных, политико-правовых ценностях государственно-организованного общества», а содержательно он «связан с демократией, народовластием, свободой и правами человека, господством права и т.д.» [12, с. 218]. Формально-юридический подход переносит акцент в понимании конституционализма на учение о конституции как особом нормативном правовом акте, на раскрытие ее онтологического статуса, составляющих элементов и др. Выделяемый автором социологический метод показывает реализацию конституционных установлений. «Конституционно-правовая практика – это тот оселок, на котором испытывается реальность конституционализма в обществе и государстве» [12, с. 220]. При таком подходе конституционализм включает в себя конституционно-правовую практику и политику, результатом которых должны стать конституционный порядок и «особое конституционно-правовое мировоззрение, составляющее фундамент конституционно-правовой культуры общества и его населения» [12, с. 220].

Оценивая российский конституционализм, Н.В. Витрук выделил его особенности: незрелость (идет формирование единой системы); «разбалансированность элементов конституционализма в сравнении с достаточно качественной нормативной основой, т.е. Конституцией России»; слабая социальная база конституционализма из-за экономического неравенства населения страны; «ослабление демократических начал,

нарастание элементов консерватизма и нигилизма; большой удельный вес целевых, программных установлений, требующих надлежащего осуществления; слабая ориентация судебной власти на защиту конституционных ценностей» и др. [12, с. 221].

Солидаризируясь с точкой зрения английского профессора политологии Р. Беллами, Б.А. Страшун выделял кроме юридического и политического (предполагает функционирование публичной власти в интересах всего общества) конституционализма еще имитационный (мнимый), «который характеризуется наличием необходимых правовых институтов (конституции, выборов, представительных учреждений, местного самоуправления и др.) при том, что реальное их значение в жизни общества невелико либо и вовсе отсутствует» [13, с. 24]. Несмотря на то, что автор характеризует конституционализм современной России как имитационный, ученый оптимистично полагает, что по мере прогрессивного развития общества и государства он может трансформироваться «в подлинный и юридически, и политически» [13, с. 25].

Поддерживая мнение А. Шайо, что «конституционализм невозможно определить только путем исчерпывающего перечисления его свойств» и характеристик [14, с. 20], отметим, что анализ его научной модели ведется в основном в трех направлениях, рассматривающих конституционализм как конституционную доктрину, обосновывающую ценности и принципы, определяющие его содержание; как соответствующую им институциональную организацию публичной власти, установленную в положениях основного закона государства; а также как практику реализации и функционирования принципов и институтов, закреплённых в тексте базового закона.

Формат научной статьи не позволяет проанализировать все имеющиеся интерпретационные доктрины исследования конституционализма, но даже фрагментарный обзор научных версий позволяет сделать вывод о многообразии методологических подходов к изучению структуры, характеристики и особенностей этого политико-правового феномена. При оценке модели современного российского конституционализма делается акцент на его специфику, со ссылкой на национальную уникальность, проводится анализ как позитивных, так и негативных сторон реализации его составляющих, намечаются теоретические ориентиры дальнейшего развития и совершенствования.

Список использованных источников

1. Авакьян С.А. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 2-12.
2. Еремян В.В. Российский конституционализм в контексте кризиса либеральной модели демократии // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 175-195.
3. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202-215.
4. Виноградова Е.В. Российский конституционализм 30 лет спустя // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11, № 2. С. 339-344.
5. Варламова Н.В. Конституционализм: вариативность понятия // Конституционализм: идеал и/или реальность: Сборник материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 г. / Под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – М.: Институт права и публичной политики, 2012. 255 с.
6. Поярков С.Ю. О многообразии подходов в исследовании конституционализма // Право и политика. 2017. № 2. С. 10-28; URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21729
7. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М.: Норма. 2008. 544 с.
8. Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. – М.: Молодая гвардия, 1998. 157 с.
9. Боброва Г.С. Становление российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. 178 с.; URL: http://igpran.ru/persons/BobrovaGS_dissertatsya.pdf (дата обр.: 21.10.2024)
10. Пастухов В.Б. Конституционализм Россия – 2000: цивилизационный выбор и конституционный шанс // Полис. Политические исследования. 1998. № 6. С. 13-25.
11. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики): автореф. дис... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. 54 с. <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-rossiiskogo-konstitutsionalizma-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обр.: 12.11.2024)
12. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991-2012 гг.). – М.: Норма, 2012. 688 с.
13. Страшун Б.А. Конституционализм: идеал, реальность и возможная перспектива // Конституционализм: идеал и/или реальность: Сборник

материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 г. / Под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – М.: Институт права и публичной политики, 2012. 255 с.

14. Шайо А. Самоограничение власти: (Крат. курс конституционализма) / А. Шайо; [Пер. с венг. А.П. Гуськовой и Б.В. Сотина]. – М.: Юристъ, 2001. 292 с.

Стус Ангелина Алексеевна

Российский государственный университет правосудия

Северо-Кавказский филиал

преподаватель кафедры международного права

кандидат юридических наук

(Краснодар, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ В РЕШЕНИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 18.07.2024 №38-П)**

Аннотация. В статье рассматривается решение Конституционного Суда Российской Федерации, касающееся ответственного отношения к животным. Автором отмечено, что в современном обществе ответственное отношение к животными обусловлено не только конституционными и законодательными положениями, но и моральными, экологическими и социальными факторами. Внесенные в 2023 году значительные изменения в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» коснулись порядка обращения с безнадзорными животными. Эти изменения вызвали правовые споры, что привело к обращению Верховного Суда Республики Бурятия в Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции которого и представлены в данной статье.

Ключевые слова: ответственное обращение с животными, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, законодательное регулирование, безнадзорные животные

Ответственное отношение к животным в современном обществе приобретает все большую значимость. Это связано не только с конституционными и законодательными императивами, но и с моральными, экологическими и социальными факторами. Животные не только играют важную роль в экосистемах, но и являются источником вдохновения и

дружбы для многих людей. Они также являются объектами научных исследований, в том числе в юридической отрасли знаний. Так, исследовались проблемы законодательной защиты животных [1, 2], генезис российского законодательства об ответственном отношении к животным [3], правовые аспекты содержания домашних животных [4], вопросы административной ответственности за жестокое обращение с животными [5, 6] и мн. др.

Появившаяся в 2020 г. в Конституции России норма ч. 1 ст. 114 отнесла к полномочиям Правительства Российской Федерации осуществлять «е⁵) ... меры, направленные на ... формирование в обществе ответственного отношения к животным;». Важно отметить контекст данного фрагмента данной нормы, а именно: «создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны...». Это позволяет понять комплекс целевых и ценностных ориентиров.

В большей части правовое регулирование в данной сфере осуществляется Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными». В нем определены основные принципы обращения с животными, включая обязательства по обеспечению их благополучия и защите от жестокого обращения. Им также установлены требования к содержанию домашних и сельскохозяйственных животных, упорядочена деятельность приютов и зоозащитных организаций.

Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» 24 июля 2023 года был пополнен нормами, которые изменили порядок деятельности и обращения с безнадзорными животными, согласно которым субъекты Российской Федерации получили право принимать более удобные для региона методы контроля за численностью безнадзорных животных. В результате этого в субъектах Российской Федерации начали вводиться сокращенные сроки содержания отловленных животных, предусматривая всего 10-30 дней несмотря на то, что в ст. 231 ГК РФ прямо предусмотрен императивный срок – 6 месяцев.

Так, в Бурятии был принят Закон Республики Бурятия от 22 ноября 2023 г. №185 «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия». Данный закон был обжалован в Верховный Суд Республики Бурятия, который приостановил рассмотрение дела и обратился с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

В запросе оспаривается конституционность возможности субъектов Российской Федерации самостоятельно устанавливать порядок осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определять перечень мероприятий при осуществлении такой деятельности, при этом сомнению подвергнуто именно положение принятого закона в части оснований для умерщвления животных, помещенных в пункт временного содержания. По результатам рассмотрения данного запроса Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление от 18 июля 2024 г. №38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» (далее – Постановление).

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что регламентация порядка обращения с животными без владельцев относится по смыслу положений Конституции Российской Федерации, к сфере совместного ведения, что предполагает возможность принятия регулирующих соответствующие отношения правовых актов органами государственной власти как Российской Федерации, так и ее субъектов.

По вопросу возможности умерщвления безнадзорных животных Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, которая вызвала много споров и суждений как среди правоприменителей, так и среди зоозащитников.

С одной стороны, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации абсолютно четко и определенно обозначена позиция, что выбор правовых средств для исполнения указанных обязанностей относится к дискреции законодателя, который, регулируя вопросы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, обладает достаточно широкими пределами усмотрения, в том числе по распределению полномочий между органами публичной власти в части обращения с животными без владельцев.

В то же время, ссылаясь на положение конституционной преамбулы о вере в добро и справедливость, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что законодатель должен учитывать, что животные могут нуждаться в защите как существа, которые способны испытывать эмоции, страдать и за судьбу которых человек несет ответственность.

В п. 5.1 Постановления указано, что для умерщвления животных без владельцев не могут быть отнесены обстоятельства, связанные с соображениями рационализации осуществления полномочий в этой сфере,

например, с загруженностью приютов для животных. Далее в Постановлении указывается, что органы государственной власти при всех обстоятельствах должны осознавать нежелательность умерщвления животных без владельцев (кроме риска распространения опасных болезней, риска нападения в силу агрессивности и т.п.).

В резолютивной части Постановления Конституционный Суд Российской Федерации указал также на эти обстоятельства как возможные причины умерщвления животного, также приводя в качестве основания для умерщвления необходимость прекращения непереносимых физических страданий нежизнеспособного животного, в иных экстраординарных случаях, в том числе связанных с эпидемиологической ситуацией.

В целом анализируемое Постановление содержит целый ряд важных ценностных ориентиров в вопросе ответственного отношения к животным, такие, как вера в добро и справедливость, гуманное отношение к животным, необходимость поддержания доверия к закону и действиям государства.

При этом анализируемое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации не в полной мере отразило позицию по разрозненности, неопределенности и противоречивости отраслевых положений по данному вопросу. Так, в нем не дано никакой оценки императивным требованиям ст. 231 ГК РФ, которая обязывает всех и каждого, кто задержал или отловил животное, содержать и хранить его до истечения 6-месячного срока, который отводится владельцу на поиски своего имущества.

В июне 2023 года КоАП РФ был дополнен двумя статьями: ст. 8.52 «Несоблюдение требований к содержанию животных», ст. 8.54 «Несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных и деятельности по обращению с животными без владельцев». Диспозиция последней нормы носит достаточно общий, абстрактный характер, что не позволяет дать оценки деятельности законодательных органов субъектов правовой оценки устанавливаемых правил.

Очевидно, что в силу иерархичности применения норм в случае обнаружившейся коллизии необходимо руководствоваться кодифицированным актом.

В резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации приведено три группы оснований, дающих право на умерщвление животных без владельцев. С учетом этих оснований и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в Постановлении законодателю надлежит четко и однозначно определить

случаи возможного умерщвления животных, не оставляя простора для расширительного толкования этих оснований законодателями субъектов.

В заключении подчеркнем, что анализируемое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации породило всплеск волнения общественности, появление в судах новых административных исков, что неизбежно подтолкнет законодателей к совершенствованию отраслевого законодательства в сфере ответственного обращения с животными.

Еще раз необходимо обратить внимание на недостаточную строгость наказаний за жестокое обращение с животными, а также на ненадлежащее внимание со стороны органов предварительного расследования и дознания на поступающие обращения по этим вопросам.

Таким образом, важно, чтобы законодательные изменения были направлены на создание сбалансированной и четкой правовой системы, способной эффективно и защищать животных, и учитывать интересы всех сторон.

Список использованных источников

1. Федоров А.С. Законодательная защита животных: опыт и проблемы. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2019.
2. Сидоров В.Н. Защита прав животных в российском законодательстве. – Санкт-Петербург: Питер, 2020.
3. Стус А.А., Мархгейм М.В., Кузьмина А.В., Кулишенко Е.А., Кодаш С.С. Генезис российского законодательства об ответственном отношении к животным // Вопросы истории. 2022. № 12-3. С. 118-127.
4. Иванов И.И. Правовые аспекты регулирования содержания домашних животных в России. – Москва: Юридическая литература, 2021.
5. Петрова О.А. Административная ответственность за жестокое обращение с животными: проблемы и перспективы. // Журнал права и общества. 2022. № 4. С. 45-58.
6. Кузнецова Л.М. Новые изменения в Кодексе об административных правонарушениях РФ: анализ и комментарии. // Российская юридическая газета. 2023. № 7. С. 12-20.

Федоров Максим Васильевич

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
заведующий кафедрой теории государства и права
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. Постклассическое понимание права позволяет рассмотреть конфликт интересов с новых ракурсов. Динамичное развитие конфликта интересов как общественного отношения происходит за счет увеличения активных действий его участников. В результате необходима институционализация складывающихся отношений. Конфликт интересов выступает объектом постклассических теорий правопонимания поскольку в процессе регулирования приобретает признаки правоотношения, субъекты которого чаще всего осуществляют свою деятельность в правовом поле. В постклассическом правопонимании конфликт интересов необходимо рассматривать как результат столкновения (коммуникации) интересов двух и более заинтересованных лиц, являющихся субъектами права.

Ключевые слова: право, постклассическое правопонимание, конфликт интересов, правовая коммуникация

Исследуя постклассическое понимание конфликта интересов видится необходимым рассмотрение конфликта интересов посредством выстраивания логической цепочки «социальный конфликт – юридический конфликт – конфликт интересов». Правильное понимание сущности и логической последовательности этих явлений позволит с наибольшей эффективностью выявить природу конфликта интересов. Первые представления о природе и сущности конфликта возникли в учении Платона и Аристотеля, затем находят отражение в трудах Н. Макиавелли, Т. Гоббса и других философов. В качестве самостоятельной научной дисциплины конфликтология возникает в середине XX века. Ведущая роль в этом принадлежит социологии. Ее основателями считаются Л. Козер, Г. Зиммель, К. Левин, Р. Дарендорф [1].

В частности, Г. Зиммель считал, что конфликт в обществе неизбежен, когда конфликт разрешается, он «очищает воздух», то есть происходит снятие напряженности в обществе.

По Р. Дарендорфу социальный конфликт присущ любому обществу по причине неизбежного различия интересов индивидов. Но в

постиндустриальном обществе основное противоречие социальной системы перемещается из экономической плоскости в плоскость властных отношений. Важнейшее место в теории Л. Козера занимает понятие «конфликтного функционализма» как представления о позитивных функциях конфликта, способствующих развитию общества.

Анализ существующих точек зрения по поводу соотношения понятий социальный конфликт и юридический конфликт позволяет сделать вывод о том, что юридический конфликт является разновидностью социального конфликта.

По мнению Т.В. Худойкиной, к числу юридических можно отнести конфликт, который возникает в ситуациях, урегулированных правом. Конфликтное же юридическое отношение, согласно данной концепции, представляет собой юридическое отношение между сторонами с противоположными интересами. Сам же юридический конфликт является совокупностью конфликтного юридического отношения и конфликтных действий сторон.

Академик В.Н. Кудрявцев, предложивший ввести категорию «юридический конфликт», понимал под ним любой конфликт, где спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон, и субъекты, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет или может повлечь правовые последствия.

На первый взгляд, представляется, что для отнесения конфликта к категории юридического достаточно определить границы действия права. Однако, в социуме часто возникают ситуации, юридический характер которых не всегда четко выражен. Например, отношения между частным лицом и субъектом публичного права всегда будут носить юридический характер. Здесь причины возникновения конфликтной ситуации, ее протекание и разрешение от начала до конца будут находиться в правовом поле. В отношениях между частными лицами правовой элемент может проявляться опосредованно, и конфликт может приобрести характер юридического на одном из этапов его развития.

По поводу соотношения конфликта и конфликта интересов надо отметить, что в юриспруденции конфликт и интересы как самостоятельные явления достаточно полно отражены в различных исследованиях. Например, Р. фон Иеринг указывает, что с формальной стороны право выступает системой норм, с содержательной – совокупностью общих и индивидуальных интересов. Он характеризует право «как юридически защищенный интерес», обосновывает идею борьбы за интересы, борьбы за право: «Цель права есть мир, но средство для достижения этой цели – борьба... Борьба есть вечная

работа права. Без борьбы нет права, как без труда нет собственности. Наряду с положением: «В поте лица твоего будешь ты есть хлеб свой» стоит одинаково верное положение: «В борьбе обретешь ты право свое» [2, с. 5, 64]. Со второй половины XX в., после работ Р. Паунда и его последователей широко распространилось представление о том, что правопорядок представляет собой баланс общественных, публичных и индивидуальных интересов [3, с. 103].

В юридической литературе конфликт интересов как теоретическое правовое понятие исследуется крайне редко, в основном затрагиваются проблемы конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе или в корпоративной среде. Отсюда наиболее распространенное мнение: конфликт интересов – это разновидность юридического конфликта или пред конфликтное состояние, противоречие между интересами, которые защищены правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного принципалом лица (поверенного, агента, директора, доверительного управляющего), и личными интересами этого уполномоченного (Д.И. Дедов, Б.С. Батаева, С.Ю. Филиппова и др.).

Таким образом, преобладает узкий подход к пониманию конфликта интересов, связанный с противодействием коррупции или недобросовестным поведением членов корпорации. Обращая на это внимание, такие видные ученые как Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.В. Габов, Н.Н. Черногор отмечают, что конфликт интересов не является юридическим конфликтом в доктринальном его понимании. Предлагают рассматривать его как самостоятельное явление и специфический предмет юридической конфликтологии [4].

Конфликты интересов представляют собой двоякое явление. С одной стороны, они выполняют позитивную роль, способствуют развитию свободомыслия, инициативности, креативности субъектов, выявлению и разрешению проблем, выработке новых и эффективных правил поведения, повышению взаимного уважения и доверия, что необходимо для дальнейшего сотрудничества и др. С другой стороны, они могут порождать потерю или снижение управляемости, распад или разрушение структур и институтов, рост враждебности и агрессивности поведения, недоверие и др.

Конфликты интересов отражаются в общественных отношениях, организационных структурах, статусе субъектов, показывая реальные процессы единства противоположностей во взаимодействии людей друг с другом. Общность интересов предопределена социальным взаимодействием, общественным характером производства и потребления, конфликтность – обособлением интересов, стремлением получить больше материальных и

других благ. Стабильность предполагает единство и общность интересов, то есть реализация интересов одной стороны предопределяет реализацию интересов другой стороны. Конфликт интересов свидетельствует о том, что создаются препятствия, не позволяющие реализовывать интересы какой-либо одной стороне (несовместимость интересов сторон, осознание этого, стремлением каждой из сторон реализовать свои цели за счет контрагента), порождая не стабильность общественных отношений, структурных образований, статусов субъектов [1].

Выделение динамики конфликта интересов обусловлено тем, что ни одно общество не может существовать, поддерживать стабильность, имея в виду потенциально присутствующие конфликты, если интересы его граждан не определяются солидарностью, внутренней лояльностью и взаимными обязательствами (Т. Парсонс). Поэтому первостепенной задачей выступает сбалансирование конфликтующих интересов, обеспечение социального порядка, что непосредственно связано с процессом упорядочивания социальных отношений, деятельности, изменений.

Таким образом, конфликт интересов как явление статики выступает основанием, пусковым механизмом и содержанием динамики, то есть процесса институализации, в результате которого создаются или преобразуются институты, в том числе происходит замена спонтанного, непредсказуемого поведения на то, которое ожидается, моделируется, одобряется. Интересы в процессе коммуникации согласовываются в виде появления новых институтов или изменения старых. Полагаем уместным здесь привести мнение Н.В. Витрука, предложившего рассматривать интересы в контексте правового статуса личности. По его словам, «В качестве самостоятельного элемента правового статуса личности правомерно выделить интересы, которые не нашли своего прямого выражения и закрепления в юридических правах и обязанностях, но подлежат правовой защите со стороны государства. Эти интересы в законодательстве и науке получили название законных интересов личности» [5, с. 28].

Сам конфликт интересов может проявляться в виде коммуникации. Складывающаяся коммуникация может выступать как причиной конфликта интересов, так, и одним из способов управления конфликтом интересов. Отсюда следует, что конфликт интересов – правовой феномен управляемый правосубъектными акторами, внутри него складывается коммуникация, регулируемая как этическими нормами, так и нормами права.

Конфликт интересов как коммуникации между различными субъектами представлены классических, неклассических и постклассических теориях права. В классических теориях права: позитивизм, исходя из сущности нормы

права, конфликт интересов регулирует, но не управляет им; в неклассических теориях права: конфликт интересов как разновидность общественных отношений формулирует запрос на правовое регулирование; в постклассических теориях права: конфликт интересов как способ коммуникации субъектов, способных формулировать (устанавливать) рамки управления самостоятельно, в ином случае адаптировать существующие нормы либо направлять запрос государству о необходимости урегулирования.

Постклассические теории права, в отличие от классических, не ограничиваются формально-логическим анализом правовых норм, а стремятся к более глубокому пониманию права как социального феномена. В этом контексте конфликт интересов рассматривается не только как юридическая проблема, но и как социальный феномен, который оказывает влияние на формирование и применение права.

Конфликт интересов в постклассическом правопонимании представляет собой важный аспект, который затрагивает многие дисциплины, включая философию, социологию, право и экономику. Постклассические теории права, в отличие от классических, акцентируют внимание на динамике взаимодействия различных социальных интересов и ценностей, а не только на жестких правовых нормах.

Необходимо отметить, что все теории правопонимания схожи в восприятии конфликта интересов – возникает, когда личные или организационные интересы противоречат или вмешиваются в выполнение обязанностей или интересов других сторон. Это может проявляться как в частной, так и в публичной сферах.

Среди прочих отличий следует отметить, что в постклассических теориях права акцентируется внимание на значимости контекста, в котором существуют правовые нормы. Конфликты интересов рассматриваются не как исключения, а как стандартная часть правового взаимодействия. Поэтому важно учитывать социальные, экономические и культурные факторы, которые могут влиять на ту или иную правовую норму. Особое внимание уделяется этической стороне конфликта интересов, что демонстрируется разработкой и принятием кодексов этики, в организациях функционируют комиссии по урегулированию конфликтов интересов, которые опираются на этические нормы. Широкое распространение получили управленческие подходы к решению конфликтов, включая использование медиации и примирительных методов, которые стремятся найти баланс между конкурирующими интересами. В процессе поиска баланса между интересами сторон именно управление демонстрирует высокие показатели в процессе рассмотрения конфликтов, урегулирование выступает одной из стадий управления на

которой стороны могут заключить соглашение, но последующие стадии предусматривают сопровождение и обеспечение этого соглашения.

В постклассической теории права конфликт интересов рассматривается не просто как неизбежное столкновение интересов, взглядов, желаний, но как сложный феномен. Признаются конфликты интересов в отношении ценностей, моральных принципов, идеологических взглядов, религиозных убеждений, которые могут возникать между разными социальными группами, классами, нациями, религиозными общинами. Не исключается, что некоторые конфликты интересов могут быть неразрешимыми и требовать компромиссов, либо нестандартных решений. При этом отдается предпочтение диалогу и поиску консенсуса между сторонами конфликта, что может привести к более справедливому и сбалансированному решению.

Законодательство стремится установить определенные правила, регулирующие конфликты интересов, например, в корпоративной сфере (законы о коррупции, законы о раскрытии информации и т. д.). Конфликт интересов может возникать в различных сферах: на государственной службе, в бизнесе (конфликт между интересами акционеров и менеджмента) или в медицинской практике. Постклассические теории права могут быть использованы для анализа таких ситуаций и поиска оптимальных решений. Поскольку они направлены на анализ эффективности устанавливаемых правил поведения, и как эти правила применяются на практике.

В перспективе это может помочь найти компромисс между экономическими интересами предприятий и экологическими интересами населения, а также разработать новые нормы и принципы, регулирующие развитие и применение искусственного интеллекта, учитывая моральные и социальные аспекты этой технологии.

Понимание и анализ конфликтов интересов в постклассических теориях права позволяет не только глубже осознать юридические аспекты, но и выявить социальные и этические проблемы, которые возникают в процессе правоприменения. Предлагается более комплексный подход к конфликту интересов, учитывая разнообразие субъектов права, их ценности и контекст ситуации, а также их социальные, этические и динамические аспекты. Они подчеркивают важность поиска консенсуса, учета интересов всех сторон и использования правовых институтов для достижения справедливости и общественного блага.

Постклассическое правопонимание направлено на комплексное управление конфликтом интересов, неуправляемый конфликт интересов способен привести к непредсказуемым отрицательным для общественного развития последствиям. Когда же конфликт интересов приобретает

управляемость, он превращается в инструмент разрешения противоречий. Управляемый конфликт интересов способствует выработке оптимальной с точки зрения учета различных интересов (социальных групп, политических партий, государства, индивидов) модели урегулированных правом общественных отношений как в правообразовании, так и в правореализации. Конфликт интересов позволяет сформироваться «правовой оппозиции», переводя процесс развития правовой системы от безальтернативного к консенсусному.

Список использованных источников

1. Федоров М. В. Конфликт интересов и его объективизация в российской правовой системе : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021. 207 с.
2. Иеринг Р. фон. Борьба за право. – М., 1991. С. 5, 64.
3. Колотова Н.В. Социальные интересы в традиции социологической теории права и современной интерпретации // Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. М. В. Немытина (г. Москва, 25-26 марта 2016 г.). – Москва: РУДН, 2017. С. 103.
4. Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Габов А.В., Черногор Н.Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 5-12.
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.

Видашев Игорь Игоревич

судья Белгородского районного суда Белгородской области
(Белгород, Россия)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В указанной статье рассматривается механизм функционирования органов правосудия в период Великой Отечественной войны на территории Советского государства. Этот исторический опыт во многом уникален, так как государству необходимо было обеспечить функционирование органов правосудия как на территории, не охваченной боевыми действиями, так и на территориях, на которых действовали законы

военного времени, при этом обеспечить принятие законных и обоснованных решений с соблюдением требований действовавшего законодательства.

Ключевые слова: правосудие, суд, трибуналы, судебная система, судоустройство

В годы Великой Отечественной войны функцию правосудия осуществляли военные трибуналы и общие суды (Верховный суд СССР) краевые, народные, областные суды, Верховные суды автономных республик.

При этом в соответствии с принятым 22 июня 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий военные трибуналы действовали при военных округах, фронтах и морских флотах, армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях.

Также линейные суды железнодорожного и водного транспорта были реорганизованы в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения, при объявлении населенных пунктов на осадное положение действующие в населенных пунктах суды также преобразовывались в военные трибуналы.

При этом военные трибуналы формировались и пополнялись, а председатели, заместители председателя и члены военных трибуналов перемещались с одной должности на другую органами исполнительной власти путем издания совместных приказов Народным Комиссаром Юстиции Союза ССР и Народного Комиссара Обороны Союза ССР и Народного Комиссара Военно-Морского Флота Союза ССР.

Военные трибуналы рассматривали дела в составе трех постоянных членов и к их компетенции были отнесены дела о контрреволюционных преступлениях, дискредитации власти, преступлениях против порядка управления, массовых беспорядках, организации и участии в бандах и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, массовом отказе от внесения денежных или натуральных налогов или от выполнения повинностей, преднамеренном сокрытии или неверном указании лицами количества подлежащих обложению или учету предметов и продуктов, уклонении в военное время или же со стороны лиц, призываемых по мобилизации в командный состав армии или флота, от воинской повинности, призыве к совершению преступлений, в том числе путем изготовления, хранения с целью распространения и распространения литературных произведений, фальшивомонетничестве, сопротивлении представителям

власти при исполнении ими своих обязанностей, воинских преступлениях, должностных преступлениях, если они имели особо тяжелые последствия, или были совершены должностным лицом с корыстной целью, особо тяжких хозяйственных и имущественных преступлениях.

Указанная компетенция военных объяснялась особой обстановкой того времени, исключительными условиями войны и теми задачами, которые решали суды – обеспечения укрепления государственной дисциплины, создания твердого правопорядка в стране, необходимых для победы над врагом [1, с. 34].

С июня 1942 года в деятельности военных трибуналов стали принимать участие народные заседатели, назначаемые политическими органами и командованием соответствующих воинских подразделений [2].

В зависимости от должности обвиняемого в совершении преступления лица определялся трибунал, рассматривающий уголовное дело по существу, при этом военный трибунал имел право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения, приговора военного трибунала кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора, приговоры военных трибуналов вступали в законную силу с момента их провозглашения и немедленно приводились в исполнение, за исключением приговоров с назначением наказания в виде расстрела [3, с. 345].

Военные советы округов, фронтов и армий (флотов, флотилий), а также их командующие имели право приостановить исполнение приговора в виде расстрела с одновременным сообщением по телеграфу Председателю Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР и Главному Военному Прокурору Красной Армии, и Главному Прокурору Военно-Морского Флота Союза ССР по принадлежности своего мнения об этом для дальнейшего направления дела.

О каждом приговоре с наказанием в виде расстрела военный трибунал обязан был немедленно сообщить с помощью телеграммы Председателю Военной Коллегии Верховного Суда СССР и Главному Военному Прокурору Красной Армии либо Главному Прокурору Военно-Морского Флота СССР и в случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения телеграммы телеграфного сообщения о приостановлении приговора приговор приводился в исполнение.

В связи с изданием Указа Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских

граждан и для их пособников» для лиц, уличенных в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионов и изменников родины из числа советских граждан введена смертная казнь через повешение, для пособников из местного населения, уличенных в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, введено наказание в виде каторжных работ на срок от 15 до 20 лет.

Рассмотрение дел в отношении указанных лиц возлагалась на военно-полевые суды при дивизиях действующей армии, состоящие из председателя военного трибунала дивизии (председателя суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (членов суда), с участием прокурора дивизии, приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждались командиром дивизии и приводились в исполнение немедленно, при этом приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях – повешения осужденных к смертной казни надлежало производить публично.

Также в первый же день Великой Отечественной войны Президиумом Верховного Совета СССР издан Указ «О военном положении» в соответствии с которым в местностях, объявленных на военном положении, либо где в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствуют местные органы государственной власти и государственного управления СССР все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов, в том числе дела о государственных преступлениях, дела об охране общественной (социалистической) собственности, все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, дела о разбое, об умышленных убийствах, о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи, об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности, сопротивлении представителям власти, о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также о хищении оружия.

Также военные власти имели право передавать для рассмотрения военным трибуналам дела о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях.

При этом на территориях, находящихся на военном положении, также функционировали народные суды, рассматривающие в основном дела в сфере хищения имущества, спекуляции, растратах, самовольном уходе с предприятия, уклонении от мобилизации в армию или на трудовые работы.

По мере освобождения временно оккупированных территорий трибуналы вновь преобразовались в обычные суды, Судьи народного суда

при этом назначались, а не избирались, как того требовал закон, эта мера была вынужденной, так как необходимо было оперативно предоставить гражданам право на защиту их прав в суде, а также обеспечить своевременное рассмотрение дел.

Краевые и областные суды, суды автономных областей, окружные суды, являющиеся апелляционной инстанцией для судей народных судов, избирались аналогично краевыми, областными или окружными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

Верховные Суды союзных и автономных республик избирались Верховными Советами союзных и автономных республик также сроком на пять лет.

Верховный Суд СССР являлся высшим судебным органом, осуществляющим надзор за судебной деятельностью судебных органов СССР, а также судебных органов союзных республик избирался Верховным Советом СССР сроком на пять лет. В состав Верховного Суда СССР входили председатели Верховных Судов союзных республик по должности. При этом Верховный Суд РСФСР не только рассматривал дела в качестве суда первой и второй инстанции, но и обобщал судебную практику, вносил предложения в наркоматы юстиции СССР и РСФСР о даче указаний судам, проводил внеплановые ревизии, принимал меры по обобщению судебной практики и повышению квалификации судей.

При этом в основу функционирования судов и трибуналов также как и в довоенное время были заложены принципы рассмотрения дел во всех судах с участием народных заседателей, открытого разбирательства, обеспечения права обвиняемому на защиту, ведения судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владевших этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать в суде на родном языке [4, с. 32].

После окончания Великой Отечественной войны постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 28 сентября 1945 года даны разъяснения, что военные трибуналы при рассмотрении уголовных дел, за исключением военных трибуналов, состоящих при оккупационных армиях, и военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении должны применять процессуальные законы мирного времени и не применять отсрочки исполнения приговоров с направлением осужденных в действующую армию и повышенные санкции военного времени, Компетенция военных трибуналов, как и до Великой Отечественной войны стала вновь определяться Указом Президиума Верховного Совета СССР от

13 декабря 1940 года «Об изменении подсудности военных трибуналов» [5, с. 436-437].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны судебная система продолжила свое функционирование с учетом реалий того времени, требующих принятия оперативных мер, направленных на обеспечение осуществления правосудия, ключевые принципы осуществления советского правосудия продолжали лежать в основе функционирования судов и военных трибуналов, при этом полномочия последних на период войны были значительно расширены, при этом после окончания Великой Отечественной войны многие из трибуналов были ликвидированы либо преобразованы, начался новый период функционирования судов на территории Советского государства.

Список использованных источников

1. Кобликов А.С. Подсудность уголовных дел военным трибуналам. Москва.1965.
2. Тимофеев М.И. Применение норм уголовно-процессуального права в деятельности военных трибуналов в условиях военного времени // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-norm-ugolovno-protsessualnogo-prava-v-deyatelnosti-voennyh-tribunalov-v-usloviyah-voennogo-vremeni> (дата обращения: 15.12.2024)
3. Петухов Н.А. История военных судов России. Москва. НОРМА, 2003. с. 345
- 4 Горный А.Г. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны. Социалистическая законность.1975. № 4.
5. Гусев Л.Н. Сборник документов по истории советской военной юстиции. Москва, 1954.

Гелуненко Валерия Вадимовна
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
старший преподаватель кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»

Севостьянова Арина Олеговна
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ТРУД ПРИ РАБОТЕ ПО СОВМЕЩЕНИЮ ПРОФЕССИЙ (ДОЛЖНОСТЕЙ)

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос реализации конституционного права на вознаграждение за труд при работе по совмещению профессий (должностей). Анализируются условия и порядок совмещения работником обязанностей или должностных инструкций. Подчеркивается важность официального назначения на совмещение обязанностей временно отсутствующего работника, согласно Трудовому кодексу Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, свобода труда, вознаграждение за труд, совмещение, права, обязанности, дополнительная оплата

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом последующих поправок), помимо прочего, провозгласила Российскую Федерацию социальным государством (ст. 7), тем самым направив свою политику на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни каждому человеку. Государственная социальная политика не только обеспечивает доступ к социальным благам, таким как бесплатное образование (ст. 43), социальное обеспечение (ст. 39), охрана здоровья (ст. 41), жилище (ст. 40), но и гарантирует каждому человеку возможность самостоятельно обеспечить себе достойное существование посредством своих способностей к труду. Данным гарантиям в Конституции уделяется немало внимания: к примеру, трудовые права упоминаются 18 раз в 7 статьях, на которых мы еще остановим свое исследовательское внимание, а пока сфокусируемся на проблеме исследования.

В осенне-зимний период наблюдается рост числа так называемых больничных (листочков нетрудоспособности), что ставит перед работодателем

задачу по поиску кандидатуры для его замены или распределению должностных обязанностей временно отсутствующего работника между его коллегами [1]. Часто работники в небольших организациях взаимозаменяемые и без официального назначения замещают друг друга, в результате чего несут бóльшую ответственность, перерабатывают, но не получают дополнительную оплату. Последнее, в том числе, связано с тем, что работодатель поручает замещающим сотрудникам подготовку документов, согласно которым будет осуществляться дополнительная оплата. Часто для подготовки этих документов требуются компетенции, которыми сотрудник в силу своей профессии не обладает. Также не будем игнорировать тот факт, что работодатель может спекулировать на незнании сотрудниками своих трудовых прав. По итогу замещающему работнику либо вообще не оплачивают переработку, либо выплачивают несоразмерное вознаграждение.

Отметим, что в Конституции Российской Федерации сформулированы фундаментальные положения, на которых должны строиться трудовые отношения (даже в период замещения) – свободное распоряжение своими способностями к труду; запрет принудительного труда; вознаграждение за труд; право на отдых, продолжительность рабочего времени, выходные (ст. 37). Исходя из этих положений, очевидно конституционное гарантирование того, что трудящийся должен получить соразмерную оплату за свой труд согласно регламенту своих должностных обязанностей. Профессор Н.В. Витрук в своей монографии «Общая теория правового статуса личности» обращал внимание, помимо прочего, на статус членов трудовых коллективов [2, с. 440-442]. Он подчеркивал, что «в статусе трудового коллектива, представляющего сторону трудового договора, должна усиливаться взаимосвязь прав и обязанностей работодателя и работника как коррелятов в целях наиболее полного осуществления принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [2, с. 442], отраженных в статье 2 Трудового Кодекса Российской Федерации.

Анализ трудового законодательства показывает, что закрепленное в конституционном праве понятие «право на вознаграждение за труд» подкрепляется системой государственных гарантий работников, указанных в ст. 130 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (далее – ТК).

В систему основных государственных гарантий по оплате труда работников включаются: «величина минимального размера оплаты труда в Российской Федерации; меры, обеспечивающие повышение уровня

реального содержания заработной платы; ограничение перечня оснований и размеров удержаний из заработной платы по распоряжению работодателя, а также размеров налогообложения доходов от заработной платы; ограничение оплаты труда в натуральной форме; обеспечение получения работником заработной платы в случае прекращения деятельности работодателя и его неплатежеспособности в соответствии с федеральными законами; федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, включающий в себя проведение проверок полноты и своевременности выплаты заработной платы и реализации государственных гарантий по оплате труда; ответственность работодателей за нарушение требований, установленных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями».

Необходимо отметить, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальков в своем докладе обращала внимание на проблему о соблюдении трудовых прав граждан Российской Федерации, значит, это проблема проявляла себя на практике. Сделан акцент на том, что «особую значимость приобретает вопрос о защите прав работников, которые были привлечены к работе без надлежащего оформления трудовых отношений. В целях повышения защищенности их прав заслуживает внимание предложение региональных уполномоченных по правам человека о перераспределении бремени доказывания по делам о признании неоформленных отношений трудовыми путем закрепления презумпции наличия трудовых отношений при доказанности факта выполнения работы» [3, с. 23].

Данное уточнение, касающееся ненадлежащего оформления сотрудника, показывает важность официального оформления совмещения профессий (должностей), расширения зон обслуживания, увеличения объема работы, исполнения обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от работы, определенной трудовым договором, для гарантированной дополнительной оплаты: «с письменного согласия работника ему может быть поручено выполнение в течение установленной продолжительности рабочего дня (смены) наряду с работой, определенной трудовым договором, дополнительной работы по другой или такой же профессии (должности) за дополнительную оплату» (ст. 60.2 ТК).

В случае, если в трудовом договоре предусмотрена обязанность выполнять работу временно отсутствующего коллеги, письменное согласие не требуется. Так как данная ситуация уже косвенно входит в ряд

непосредственных должностных инструкций, закрепленных соглашением, и она не попадает под действие ст. 60.2 Трудового кодекса Российской Федерации.

Реализация права дополнительного вознаграждения за труд будет достигнута после осуществления работником: совмещения должностей; расширения и увеличения объема работ.

Отдельно по соглашению сторон устанавливается срок и объем выполняемой работы. «Работник имеет право досрочно отказаться от выполнения дополнительной работы, а работодатель - досрочно отменить поручение о ее выполнении, предупредив об этом другую сторону в письменной форме не позднее, чем за три рабочих дня» (ст. 60.2 ТК).

В силу темы исследования необходимо обратить внимание на особенности реализации совмещения профессии (должности). Для полноценного процесса соблюдения порядка совмещения работником к трудовому договору составляется приказ, который несет в себе конкретизирующий смысл. В нем указывается причина, временной период, перечень обязанностей и размер доплаты за работу.

На практике работодатель не всегда прибегает к официальному совмещению профессий (должностей), для того чтобы не выплачивать законное дополнительное вознаграждение за труд. Он выстраивает график работы замещающего работника под график временно отсутствующего работника.

Согласно трудовому законодательству, за совмещение профессий (должностей), расширение зоны обслуживания, увеличение объема работы или исполнение обязанностей временно отсутствующего сотрудника, без изменения трудового договора, работнику положена доплата (ст. 151 ТК).

Статья 74 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает, что при временном переводе работника на другую должность оплата труда должна производиться в полном объеме за весь период перевода. Важно помнить, что максимальный срок замещения отсутствующего сотрудника составляет 1 год.

По этому вопросу высказывались и на уровне Верховного Суда Российской Федерации, в частности в Определении от 11 марта 2003 г. № КАС03-25 «Об отмене решения Верховного Суда от 01.11.2002 и признании частично недействующими подпункта «а» (абзац 3) и абзаца 4 пункта 1 разъяснения Госкомтруда СССР № 30, ВЦСПС № 39 от 29.12.1965 «О порядке оплаты временного замещения». Как следует из данного определения, если сотрудник замещает отсутствующего работника, но не является его штатным заместителем (или помощником, если таковая

должность не предусмотрена), ему дополнительно выплачивается разница между его фактическим окладом и окладом замещаемого работника, но без персональных надбавок. При наличии нескольких помощников, старший помощник считается штатным заместителем.

Таким образом, реализация конституционного права на вознаграждение за труд при работе по совместительству профессий (должностей) предполагает соблюдение законодательных норм, гарантирующих справедливое и достаточное вознаграждение за выполнение трудовых обязанностей в рамках совмещаемых должностей. Это включает не только установление оплаты за дополнительную работу, но и обеспечение соответствия заработной платы объёму и сложности выполняемых задач, а также соблюдение норм законодательства, регламентирующих трудовые отношения.

Список использованных источников

1. Сезон простуд 2022-2023: замена работников на время болезни с учетом разъяснений и практики / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Сайт. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/20758/>
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
3. Защита трудовых прав : тематический Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Москва: Студия онлайн, 2021. 64 с.

Мокроусова Ксения Анатольевна

Белгородский государственный
национальный исследовательский университета
преподаватель кафедры конституционного и международного права
(Белгород, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СВОБОДНОГО ПОРТА ВЛАДИВОСТОК

Аннотация. В данной статье автором представлен результат анализа особенностей организации местного самоуправления на территориях муниципальных образований, входящих в состав территории свободного порта Владивосток, на основании Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток».

Ключевые слова: свободный порт Владивосток, меры поддержки, органы местного самоуправления, наблюдательный совет, муниципальный контроль, перераспределение полномочий

Свободный порт Владивосток – часть территории Приморского края, на которой установлены меры государственной поддержки предпринимательской деятельности. Федеральный законодатель приравнял к территории свободного порта Владивосток также территории муниципальных образований иных субъектов Российской Федерации, определенных в статье 4 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [1].

Согласно определению, данному на официальном сайте Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, свободный порт Владивосток – «территория с особыми режимами таможенного, налогового, инвестиционного и смежного регулирования в соответствии с Федеральным законом № 212 [2].

Указанные дефиниции наделяют заявленные территории особым экономическим статусом, создающим благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности его резидентами.

Территории свободного порта Владивосток (22 муниципальных образования 5 субъектов Российской Федерации) мы относим к разновидности специальных территорий, а по специализации и присущему им правовому режиму – к экономически опосредованным территориям [3].

Одной из целей Федерального закона № 212-ФЗ, поименованных в ст. 2, является обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, органов местного самоуправления, общественности, предпринимателей и инвесторов в целях развития свободного порта Владивосток.

В Постановлении Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «О проблемах социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и путях их решения» от 15 декабря 2017 г. №525-СФ [4], Федеральный закон № 212-ФЗ охарактеризован как принципиально новый, направленный на создание максимально благоприятной среды для привлечения инвестиций, стимулирования деловой активности, улучшения демографической ситуации.

Вместе с тем, ст. 82.5 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ вносит правовую определенность в особенности осуществления местного самоуправления на указанных территориях [5]. Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 181-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» закрепил особенности осуществления отдельных полномочий органами местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом № 212-ФЗ [6]. При этом, необходимо отметить, что сам Федеральный закон № 212-ФЗ не содержит глав или норм об особенностях осуществления отдельных полномочий органами местного самоуправления.

В этой связи представляет интерес анализ специального по отношению к бланкетной статье 82.5. Федерального закона №131-ФЗ, Федерального закона № 212-ФЗ.

К территории свободного порта Владивосток относятся территории муниципальных образований Приморского края, Камчатского края, Хабаровского края, Сахалинской области, Чукотского автономного округа, перечисленные в статье 4 Федерального закона № 212-ФЗ, в том числе территории и акватории морских портов, расположенных на территориях этих муниципальных образований. При этом, законодатель, предусмотрев в качестве исключений территории, на которых создана особая экономическая зона, зона территориального развития или территории опережающего развития, тем самым, придал особый статус и правовой режим заявленной территории.

В ст. 5 названного Федерального закона регулируется финансовое обеспечение создания (модернизации) объектов инфраструктуры на территории свободного порта Владивосток.

Так, в числе средств финансирования объектов транспортной, энергетической, коммунальной, инженерной, социальной, инновационной и прочих, норма ст. 5 перечисляет средства внебюджетных источников с применением механизмов государственно-частного партнерства, за счет ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований, территории которых входят в состав территории свободного порта Владивосток.

Предусмотренный механизм финансирования за счет средств внебюджетных источников с применением механизмов государственно-частного партнерства (в данном случае было бы правильнее указать «механизмов публично-частного партнерства»), т.к. помимо государственно-

частного партнерства, Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], закрепляется муниципально-частное партнерство), является важным финансовым инструментом для муниципальных образований, тем самым, позволяя снять бремя финансовой нагрузки на требующую значительных вложений коммунальную, инженерную и прочую инфраструктуру муниципальных образований [8].

Глава 2 Федерального закона от 15 июля 2015 года № 212-ФЗ посвящена управлению свободным портом Владивосток. Так, в числе органов управления названы наблюдательный совет (ст. 7), уполномоченный федеральный орган (ст. 8), а также управляющая компания (п.п.3-5 ст. 8). Примечательно, что создание наблюдательного совета обязательно на территории каждого субъекта Российской Федерации, территории муниципальных образований которого входят в состав свободного порта Владивосток.

Наблюдательный совет является коллегиальным органом, в состав которого, в том числе входят и главы муниципальных образований, территории которых входят в состав субъекта Российской Федерации и свободного порта Владивосток. Так, в состав наблюдательного совета свободного порта Владивосток на территории Приморского края, входят: глава городского округа Большой Камень, Глава Пограничного муниципального округа, глава Партизанского городского округа, глава Артемовского городского округа и т.д. [9]. Таким образом, главы муниципальных образований, входящих в состав территорий свободного порта Владивосток, принимают участие в работе наблюдательных советов, в том числе, и голосуют по вопросам повестки дня заседания наблюдательного совета.

Деятельность наблюдательного совета осуществляется в соответствии с его регламентом (утвержденном на заседании наблюдательного совета каждого субъекта, входящего в состав территории свободного порта Владивосток), решения наблюдательного совета являются обязательными для исполнения, в том числе и для органов местного самоуправления. Так, согласно п.4.5. Регламента деятельности наблюдательного совета свободного порта Владивосток на территории Приморского края утвержденном заседанием наблюдательного совета свободного порта Владивосток на территории Приморского края от 22 ноября 2022 года №1-НС/СПВ, решения наблюдательного совета, принятые в соответствии с его компетенцией, являются обязательными для членов наблюдательного совета, федеральных

органов исполнительной власти, исполнительных органов власти Приморского края и органов местного самоуправления края [9].

К компетенции наблюдательного совета относятся такие вопросы, как: рассмотрение и принятие мер, направленных на развитие субъекта Российской Федерации, определение максимальной доли иностранных работников, привлекаемых резидентами свободного порта Владивосток, рассмотрение хода реализации инвестиционных проектов резидентов и прочие. В целом, их можно охарактеризовать как вопросы, связанные с экономическим режимом заявленной территории.

Фактически, органы местного самоуправления включены в работу именно наблюдательного совета, поэтому на функциях уполномоченного федерального органа и управляющей компании мы подробно не будем останавливаться.

Следующая норма, которая формализует особенности осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления на территории свободного порта Владивосток, содержится в ст. 15, устанавливающей особенности осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

Так, п. 1 данной статьи легализует осуществление контроля в соответствии с соответствующим нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации, а именно, Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2024 года № 698 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на территориях опережающего развития и на территории свободного порта Владивосток» [10].

В качестве особенностей проведения государственного или муниципального контроля (надзора), указанное Постановление называет следующие:

– в планы проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий не включаются плановые контрольные (надзорные) мероприятия и проверки в отношении резидентов территории свободного порта Владивосток;

– в отношении резидентов, объекты контроля которых отнесены к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасным производственным объектам II класса опасности, гидротехническим сооружениям II класса, проводится профилактический визит, не предусматривающий возможность отказа от его проведения.

Особый интерес представляет ст. 28 Федерального закона № 212-ФЗ, устанавливающая особенности осуществления градостроительной

деятельности на территории свободного порта Владивосток. Положения названной статьи представляют особую актуальность, так как благоприятная среда для привлечения инвестиций опосредует цель создания территории свободного порта Владивосток, как территории со специальным правовым режимом.

Названная статья закрепляет максимальные сроки проведения градостроительных процедур, а также легализует полномочия органов местного самоуправления в данной сфере в соответствии со специальным правовым регулированием в области градостроительной деятельности. Вместе с тем, п. 16 ст. 28 рассматриваемого нами закона, введенный Федеральным законом от 30 октября 2017 г. № 306-ФЗ «О внесении изменений в статью 28 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» [11], допускает перераспределение полномочий органов местного самоуправления муниципального района, муниципального округа, городского округа в области градостроительной деятельности, предусмотренные настоящей статьей между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в порядке, предусмотренном частью 1.2 ст. 17 Федерального закона №131-ФЗ.

Принятие поправок в ст. 28 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» назревало в связи с появлением прецедентов о признании недействительными некоторых положений законов субъектов, входящих в территорию свободного порта Владивосток о перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований и органами государственной власти.

Так, согласно апелляционному определению Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 года №56-АПГ16-17 [12], по иску прокурора Приморского края в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц и муниципальных образований, оставлено в силе решение Приморского краевого суда от 12 мая 2016 г. о признании частично недействующим Закона Приморского края от 18 ноября 2014 года №497-КЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Приморского края и органами государственной власти приморского края и внесении изменений в отдельные законодательные акты Приморского края» [13]. Суд указал на отсутствие специальных положений, допускающих возможность перераспределения полномочий в области градостроительства в рассматриваемом нами Федеральном законе №212-ФЗ, в связи с чем требования прокурора Приморского края были удовлетворены.

Мы солидарны с выводами некоторых авторов о контроле субъекта федерации над муниципальным образованием в сфере градостроительной деятельности после принятия названных поправок в Федеральный закон, но при этом, следует отметить, что это именно право, а не обязанность регионального законодателя [14, 15].

Подводя итоги исследования особенностей организации местного самоуправления на территории свободного порта Владивосток, следует отметить следующую его специфику:

– отсутствие глав или норм об особенностях осуществлении отдельных полномочий органов местного самоуправления в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. №212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»;

– участие глав муниципальных образований, входящих в состав территории свободного порта Владивосток в деятельности наблюдательного совета;

– особенности проведения муниципального контроля на заявленных территориях;

– легализованное закрепление в специальном законе от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ возможности перераспределения полномочий органов местного самоуправления муниципального района, муниципального округа, городского округа в области градостроительной деятельности, между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // Правовая система «Консультант плюс» //URL: <https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024 г.)
2. Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL:<http://minvr.gov.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/>.
3. Мокроусова К.А., Нифанов А.Н. Российские специальные территории с особенностями организации местного самоуправления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 2 (136). С. 56-60.
4. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/87422/>.
5. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» // Правовая система «Консультант плюс» //URL: <https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024г.)

6. Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 181-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» // Правовая система «Консультант плюс»//URL: <https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024г.)
7. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Правовая система «Консультант плюс» //URL:<https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024г.).
8. Абрамова М.А. Муниципально-частное партнерство: проблемы и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 37-40.
9. Официальный сайт Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. URL:<https://erdc.ru/about-spv/spv-supervisory-board/>.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2024 г. № 698 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на территориях опережающего развития и на территории свободного порта Владивосток» (вместе с Правилами проведения профилактических визитов, не предусматривающих возможность отказа от их проведения, в отношении резидентов территорий опережающего развития и резидентов свободного порта Владивосток) // Правовая система «Консультант плюс» //URL:<https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024г.).
11. Федеральный закон от 30 октября 2017 г. № 306-ФЗ «О внесении изменений в статью 28 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» //Правовая система «Консультант плюс» // URL: <https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024г.)
12. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 56-АПГ16-17 «Об оставлении без изменения решения Приморского краевого суда от 12 мая 2016 г., которым удовлетворено заявление о признании недействующими пунктов 6, 19, 20 части 1, пунктов 4, 6, 19, 20 части 3 статьи 2 Закона Приморского края от 18.11.2014 № 497-КЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Приморского края и органами государственной власти Приморского края и внесении изменений в отдельные законодательные акты Приморского края» // Правовая система «Консультант плюс»//URL: <https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.12.2024г.).

13. Закон Приморского края от 18 ноября 2014 г. №497-КЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Приморского края и органами государственной власти приморского края и внесении изменений в отдельные законодательные акты Приморского края» // Информационно-правовая система Гарант// URL:<https://base.garant.ru/30186460/> (дата обращения 01.12.2024г.)
14. Фисенко А.И., Кулешова Е.А. О предполагаемом дополнении в Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» // Транспортное дело России. 2016. № 6. С. 156-157.
15. Гаврилов Е.В. О некоторых проблемах федерального законодательного регулирования перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 4. С. 17-20.

Сафронов Никита Алексеевич

Юго-Западный государственный университет
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
(Курск, Россия)

ИДЕИ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию политических проектов государственно-церковного переустройства Российской империи, сторонниками которого были Вл.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.С. Глинка (Волжский), П.И. Новгородцев, В.П. Свенцицкий, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, С.Л. Франк. Практические проекты были предложены С.Н. Булгаковым, В.Н. Свенцицким и Н.А. Эрном. Автор пришел к выводу, что идея преобразования государственности, основываясь на христианской аксиологии, было обращена преимущественно в социально-экономическую сферу. Сторонники обновления государственно-церковных отношений впервые в религиозной политико-правовой мысли выступили за отделение церкви от государства, не считая самодержавную монархию идеальной формой реализации христианских ценностей.

Ключевые слова: государство, церковь, политика, христианская политика, самодержавие, государственность С.Н. Булгаков, В.Н. Свенцицкий, Н.А. Эрн

Сегодня снова, как и в начале XX в. и 90-е годы, политико-правовая мысль озадачена темой преобразования России. В начале двадцатого века говорили – «обновления», в конце – «обустройства», а сегодня – «модернизации». Именно темой обновления была озадачена российская интеллигенция в начале XX века. Одним из идейных направлений явились проекты преобразования государства в соответствии с христианскими идеалами.

Идейным вдохновителем преобразования российской государственности на основе христианских идеалов был Вл.С. Соловьев. Именно его идеями о широком религиозном общественно-политическом движении вдохновлялась русская христианская интеллигенция. Дефиниции «христианская политика», а также «христианская общественность» в России впервые употребил именно [5, 6].

Развивая теорию о Богочеловечестве, он доказывал, что процесс созидания Царствия Божия – есть процесс сотворчества человеческой воли и божественной благодати. Соловьев писал: «идея царствия Божия необходимо приводит нас ... к обязанности действовать – в пределах своего призвания – для реализации христианских начал» [5, с. 337]. Задачей христианской политики он считал совершенствование социальных и государственных форм, приведение их в соответствие с христианскими началами, однако сам политикой не занимался.

Последователями идеи «христианской политики» Вл.С. Соловьева были С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.С. Глинка (Волжский), П.И. Новгородцев, В.П. Свенцицкий, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др. Основными темами их обсуждений и устремлений явились христианизация российской интеллигенции с целью последующего духовного преобразования общества; реформирование Русской православной церкви и отделение ее от государства; правовое закрепление прав и свобод человека; преобразование экономического строя страны на основе социалистических и марксистских идей.

Наиболее значимой идеей явилась идея христианского социализма выпускника юридического факультета Императорского Московского университета, видного философа и богослова С.Н. Булгакова, воплотившаяся в политические проекты государственно-церковного переустройства: «Христианское братство борьбы» и «Союз христианской политики».

Реализацию идеи христианского социализма С.Н. Булгаков связывал с преображением «государственного Левиафана» на основе христианских ценностей. В 1905 г. С.Н. Булгаков опубликовал статью «Неотложная задача», где изложил свои основные идеи по преобразованию

государственно-церковных отношений. В ней он разразился критикой в отношении «официального православия», запятнавшего себя «союзом с господствующей формой государственности, унижаясь до роли не только атрибута этой государственности, но и прямо полицейского средства» [1, с. 28.]. Он доказывал, что в идеях марксизма атеизм сочетается с христианской правдой социальной жизни, тогда как в официальной церкви реальное безбожие выдается за христианское учение. Неотложную задачу он видел в исправлении сложившейся ситуации – подчинении «государственного Левиафана христианским задачам» [1, с. 33].

Близкими к Булгакову по идеи практического воплощения идей христианской политики были Валентин Павлович Свенцицкий – священник русской православной церкви, общественно-политический деятель, писатель и Владимир Францевич Эрн – видный философ, профессор Императорского Московского университета.

В.П. Свенцицкий и В.Ф. Эрн, как и С.Н. Булгаков были идейными поклонниками творчества Вл. Соловьева, участвовали в организации Религиозно-философского общества его памяти. Все они развивали идеи христианского социализма. Так, в 1905 г. молодой ученый В.Ф. Эрн пишет статью «Христианское отношение к собственности» [7], которая позднее в 1906 г. будет опубликована отдельной брошюрой. В ней он доказывает, что «признание частной собственности противоречит христианскому учению о благодати» [7, с. 14.]. Весь лейтмотив его повествования – свобода личности, а частная собственность лишает ее, порождая идолопоклонство мамоне и атеизм. Эрн считал идею свободы главной идеей учения о социализме. Христианское отношение к собственности отвечает идеям социализма.

Общественная деятельность В.П. Свенцицкого и В.Ф. Эрна была связана с организацией «Христианского братства борьбы». Идея братства появилась у Свенцицкого в связи с событиями 9 января 1905 года.

Необходимо отметить, что январская трагедия не оставила равнодушными многих священников. Именно тогда оформилась первая общественная группа, потребовавшая от Синода дать оценку событиям, встав на сторону жертв. Группа 32-х православных священников создала «Братство ревнителей церковного обновления» (позднее – «Союз церковного обновления»). Петербургские священники требовали созыва Поместного собора, который, по их мнению, призван реформировать Российскую православную церковь. Направление этих реформ было протестантским: демократизация церковного управления, отделение от государства, модернизация обрядовой стороны.

Идея священства, стоявшего на обновленческих позициях, была поддержана радикальной христианской молодежью. После январских событий В.П. Свенцицкий и В.Ф. Эрн стали призывать к отделению православной церкви от государственной власти, виновной, по их мнению, в кровопролитии. Они доказывали, что Церковь должна жить по Божьим законам и помогать людям своим участием в борьбе за их социальное благополучие.

В.П. Свенцицкий и В.Ф. Эрн, как и С.Н. Булгаков были идейными поклонниками творчества Вл. Соловьева, участвовали в организации Религиозно-философского общества его памяти. Все они развивали идеи христианского социализма. В отличие от С.Н. Булгакова В.Ф. Эрн более категоричен, в экономическом плане он близок к большевикам, выступая с идеей упразднения института частной собственности и обобществления имущества.

В.Ф. Эрн и В.П. Свенцицкий стали главными идеологами создания христианской общественно-политической организации, полагая, что православная церковь должна принять активное участие радикальном преобразовании общества и государства, опираясь на евангельское понимание свободы и достоинства человека.

Автором проекта программы стал В.П. Свенцицкий. На собрании радикальной православной интеллигенции в Москве в феврале 1905 г. политическая партия – «Христианское братство борьбы» – была создана. Ее возглавили Свенцицкий и Эрн. В разработанном В.П. Свенцицким проекте Братства говорилось: «Христианское братство борьбы имеет целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Ближайшие, частные задачи Братства, необходимо вытекающие из общей основной:

1. Борьба с самым безбожным проявлением светской власти – с самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом Церкви ...
2. Борьба с пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти. ....
3. Утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, содействующего переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой» [4, с. 42].

В 1906-1908 гг. Булгаков, Свенцицкий и Эрн объединенными усилиями выпускают новый журнал «Вопросы религии», посвященный вопросам христианской политики, темам христианской общественности и государственности, вопросам государственно-церковных отношений. В опубликованных работах раскрывается отношение «христианских революционеров» (или «христианских обновленцев») к государству,

государственной власти, государственному принуждению, а также проблему обновления и реформирования православной церкви.

Свенцицкий доказывал, что официальная Церковь впала в искушение, когда стала требовать безусловного подчинения государственной власти, и, когда увидела во власти божественное содержание. Христианство не связано ни с какой формой правления, никакая форма государства не является идеальной. Различные исторические периоды могут рождать разные модификации. Однако есть форма власти, утверждал он, которая ему принципиально противоречит, ее существование не оправдано никакими причинами и временными условиями. «Такая форма существует только одна – самодержавие» [3, с. 18.]. В неограниченности самодержавной власти Свенцицкий видел главное противоречие христианству. Такое же неприятие самодержавия в этот период мы находим и у С.Н. Булгакова. Свенцицкий доказывал, что христианство, не абсолютизируя власть и государственные учреждения, допускает борьбу за изменение государственного строя. Запрещение таких устремлений, преследование общественных союзов, ратующих за обновление, он рассматривал как насилие – препятствование свободного поиска истины.

Все авторы «Вопросов религии» были сторонниками отделения церкви от государства. Большинство авторов журнала «Вопросы религии», поднимая тему государственно-церковных отношений и проблему обновления церкви, обсуждали вопрос созыва Поместного собора.

Необходимо отметить, что в религиозно-философских кругах довольно строго отнеслись к содержанию ряда статей, появившихся в «Вопросах религии». Нельзя не согласиться с одним из авторов, что «Если бы наша церковь, послушав Булгакова, Эрна, Свенцицкого и др., произвела бы все требуемые ими реформы, ... то она перестала бы быть православной» [2, с. 233].

Список использованных источников

1. Булгаков С.Н. Неотложная задача // Христианский социализм (С. Н. Булгаков). Новосибирск: Наука, 1991. С. 12-24.
2. Колеров М.А. Не мир, но меч: Рус. религиоз.-филос. печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902-1909 / М. А. Колеров. – СПб. : Алетейя, 1996. – С. 233-236.
3. Свенцицкий В.П. Христианское отношение к власти и насилию // Вопросы религии. Выпуск первый. М., 1906. С.5-37.
4. Свенцицкий В. Христианское братство борьбы и его программа // Собрание сочинений. Т. 2. М., 2010. С. 40-64.

5. Соловьев в своих трудах 80-90-х гг. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Собр. соч., в 10 т. СПб. 1912. Т. 4. С. 1-114.
6. Соловьев В.С. О подделках // Собр. соч., в 10 т. СПб. 1912. Т. 6. С. 327-339.
7. Эрн В. Ф. Христианское отношение к собственности [Текст] / В.Ф. Эрн. – Москва : Труд и воля, 1906. 54 с.

Черенкова Анна Игоревна

Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
(Луганск, Россия)

ЛЕГИТИМНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ ГАРАНТИОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос целесообразности закрепления на законодательном уровне «явочного порога» для признания выборов состоявшимися. Рассматриваются резоны возвращения в содержание бюллетеней графы «против всех».

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, легитимность, власть, явочный порог, выборы, демократия, волеизъявление народа, электорат, абсентеизм

Россия продолжает последовательно придерживаться «курса на дальнейшую демократизацию избирательного законодательства, способствующего гарантированию реализации гражданами всего спектра избирательных и в целом политических прав» [1, с. 98]. Однако, это не означает, что тем для научных дискуссий по поводу вариантов совершенствования электорального поля нет.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что наше государство является демократическим и правовым (ст. 1), а многонациональный народ выступает единственным источником власти (ч. 1 ст. 3), которую он реализует посредством двух высших форм – референдума и свободных выборов (ч. 3 ст. 3). В соответствии с ч. 2 ст. 32 Конституции России ее граждане имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. К приведенным конституционным электоральным основам нет никаких вопросов, чего не скажешь о конкретизирующих их федеральных законах. В процессе их оптимизации оказалось упраздненным, как представляется, важное подспорье

легитимности власти. Речь идет о «пороге явки» избирателей на выборы и о графе «против всех» в избирательных бюллетенях.

Как известно, при любом демократическом режиме власть должна обладать важнейшим признаком – легитимностью, то есть её должна поддерживать и признавать большая часть населения, поскольку главная заявляемая цель избираемых органов публичной власти – это воплощение воли граждан.

Профессор Г.В. Мальцев отмечал, что к «XXI веку люди пришли с полным осознанием того, что пути развития современного права проходят не столько через государственную сферу, сколько через гражданское общество с его колоссальными возможностями и ресурсами» [2, с. 310]. Наиболее внятно это проявляется в электоральной сфере.

Относительно видения проблемы организации власти Н. М. Коркунов говорил: «Государственная власть, ... не есть надо всем господствующая единая воля, проявляющаяся в деятельности органов власти. Государственная власть есть сила, основанная на сознании людьми своей зависимости от государства. Поэтому носителем государственной власти являются не одни органы власти, а всё государство, все граждане» [3, с. 78].

Однако на пути к данному идеалу государства нередко встречаются с рядом трудностей. Так, Российская Федерация сталкивалась с проблемой абсентеизма – осознанным неучастием граждан в избирательном процессе. Это вполне могло быть причиной отмены явочного порога для признания выборов состоявшимися. Явочный порог отсутствует, но показатели явки избирателей на выборы всегда мониторятся, чем подтверждается значимость этой электоральной активности. Напомним, что на выборах Президента России в марте 2024 г. в среднем по стране составила 77,44% (<https://tass.ru/politika/20269313>), а общая явка на выборы в Единый день голосования 2024 составила более 47% (<https://ria.ru/20240911/yavka-1972046551.html>).

Казалось бы, при такой явке нечего беспокоиться о «пороге явки», но научные дискуссии по поводу его возвращения продолжаются. Так, у явочного порога можно выделить ряд преимуществ: во-первых, его можно признать свидетельством того, что избираемая власть обладает легитимностью; во-вторых, он может послужить популяризация самих выборов как масштабного и значимого события; в-третьих, может сыграть против абсентеизма.

При исследовании причин абсентеизма называются юридическая неграмотность населения, отсутствие чувства гражданского долга, неразвитость электронной системы голосования, однако упускается очень

важная юридическая деталь – отмена графы «против всех». Эта графа являлась уникальным институтом национальных правовых систем на постсоветском пространстве, аналога которой не было и нет ни в одной зарубежной правовой системе. Впервые графа «против всех» на выборах всех уровней была отражена в 1994 году в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации».

Факт уникальности данного феномена в избирательных правоотношениях вызывал критику со стороны политиков, однако мало кто задумался о том, что графа «против всех» была одним из наиболее прогрессивных инструментов демократического избирательного процесса. Интересно, что в отличие от парламента судебная власть не увидела ничего опасного в данной графе. Правомерность нормы о решающем значении графы «Против всех» была признана Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 10 июня 1998 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В нем резюмировалось, что «Факт негативного отношения большинства избирателей ко всем кандидатам, подтвержденный голосованием «против всех кандидатов» большим числом избирателей, чем проголосовало за набравшего большинство голосов кандидата, означает, что и данный кандидат не получил поддержки избирателей, необходимой и достаточной для обеспечения подлинного представительства народа, которое согласно статье 3 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации должно быть результатом свободных выборов. Поэтому признание выборов в таких обстоятельствах не состоявшимися в наибольшей степени отвечает принципу народовластия». Конституционный Суд также постановил, что разрешена агитация против всех партий и против всех кандидатов, если подобная норма закреплена в законе. Изучив нормы законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Совета Федерации Российской Федерации», судьи пришли к выводу, что критерии предвыборной агитации не прописаны достаточно ясно, как, впрочем, и критерии неправомерной предвыборной агитации.

В настоящее время избиратели лишены возможности высказать мнение по поводу недоверия всем кандидатам. Поэтому можем предположить, что неявка на выборы в какой-то степени является яркой демонстрацией неодобрения списка предложенных кандидатур, а не лишь причиной

отсутствия у граждан желания принять участие в судьбе своей Родины. Думается, возвращение графы «против всех» вызвало бы было больше желания принять участие в выборах. Данная графа может даже не учитываться при подведении результатов выборов в качестве официального результата, однако, как представляется, она обязательно должна быть публично озвучена и принята к сведению кандидатами и действующей властью.

Отметим, что одним из значимых электоральных принципов является альтернативность, скажем так, чтобы было из кого выбирать. В отечественном избирательном праве принцип альтернативности оказался формализованным Законом СССР от 01 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР», который на экспериментальном уровне фактически допускал проведение альтернативных выборов.

Отмена явочного порога и графы в бюллетене «против всех» лишила избирателей инструментов для высказывания своего мнения в отношении кандидатов, которые им абсолютно не импонируют. Остается либо не участвовать в выборах, либо выбирать «меньшее из зол», либо, «погасив» свой голос, испортить бюллетень. Испорченные бюллетени в данном случае будут выступать лишь технической ошибкой, поскольку причины их недействительности могут быть абсолютно любыми.

Выбор любого, но «не любимого» кандидата обесценивает смысл проведения выборов. Игнорирование избирательного процесса абсолютно неэффективно ввиду того, что по действующему законодательству при любой явке выборы будут считаться состоявшимися.

На наш взгляд, нынешний отраженный в законодательстве подход не отвечает всем представлениям о демократичности выборов, особенно местных или региональных властей, личность которых известна большинству граждан.

Выборы как форму народовластия, отнесенного Н.В. Витруком к «универсальным конституционным принципам» [4, с. 30], нельзя сводить к формальной процедуре. Они, как ожидается, должны отражать реальную волю и интересы электората для формирования органов государственной власти из личностей, которым действительно доверяет население.

Резюмируя, отметим, что выборы – важнейший инструмент народовластия, посредством которого формируются органы публичной власти. Реальную демократию отличает легитимная, поддержанная большинством электората власть. Однако, ряд законодательных решений в упорядочении избирательного процесса, например, упразднение «порога явки» и отмена графы «против всех», не способствуют воплощению этого. В

этой связи предлагается возвращение указанных изъятий для укрепления позиций главного народовластного ресурса.

Список использованных источников

1. Мархгейм М.В., Черенкова А.И. Открытые партийные списки: народовластные ресурсы и сопряженные электоральные риски // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2020. Т. 45. № 1. С. 98-102.
2. Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2010.
3. Указ и закон : Исслед. Н.М. Коркунова. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – VIII, 408 с.
4. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. – М.: РАП, 2008. 227 с.

Агарков Денис Евгеньевич

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

аспирант кафедры конституционного и международного права,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГЕНЕЗИС ЭЛЕМЕНТОВ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В данной статье представлены результаты анализа текстов конституций РСФСР 1918-1978 г.г., раскрывающие развитие формализации отдельных элементов конституционно-правовой системы экономического пространства. В частности, уделено внимание таким элементам, как государственный бюджет, экономическая основа и экономическая система.

Ключевые слова: экономическое пространство, государственный бюджет, экономическая система, экономическая основа, государственный план

Современная российская Конституция в числе важнейших основ государственной и общественной жизни «регламентирует и экономический строй государства, признавая, что свободная экономика есть тот фундамент..., который дает возможность реализовать потенциал демократии, сформировать гражданское общество. Экономика также выступает объединяющим фактором, особенно в условиях федеративного государства...» [1, с. 14-16].

Представляется, именно интегрирующая роль в ч. 1 ст. 8 Конституции России отведена экономическому пространству: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [2]. На наш взгляд, заявленный конституционный принцип единства экономического пространства является ключевой, но не единственной категорией или даже элементом конституционно-правовой системы экономического пространства России. Заявленную систему предлагаем пониманием в широком содержательном смысле, включая в нее не только конституционные принципы, но и иные конституционные нормы-параметры (элементы), составляющие суть экономического пространства России. Познание любого правового явления целесообразно в динамике. В нашем случае – это анализ конституционных норм Российского государства (с 1918 г. по 1978 г. с учетом внесенных поправок), направленный на установление генезиса некоторых элементов конституционно-правовой системы экономического пространства России. В рамках данной работы исследовательское внимание уделено непосредственно «экономическому элементу» в аспекте основ, субъективных прав и пр.

Итак, в Конституции РСФСР 1918 г. отсутствовала формулировка экономических основ, но был самостоятельный Раздел пятый «Бюджетное право». Не вдаваясь в детали его содержания, тем не менее, укажем, что на конституционном уровне зафиксированы такие важные формулировки, как «финансовая политика государства», «государственные доходы», «государственные расходы», «общегосударственный бюджет», «налоги и сборы», «государственное казначейство», «сметные подразделения» [3].

В Конституции РСФСР 1925 г. сохраняется глава, посвященная бюджетному праву. Ее содержание по набору базовых терминов аналогично тексту Конституции 1918 г. Из вновь включенных следует выделить термин «единый государственный бюджет».

В части приращения укажем на упоминание термина «экономическая жизнь» в качестве предмета правового регулирования в правовых актах,

которые обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ст. 26) [4].

Особо стоит заметить, что именно в Конституции РСФСР 1937 г. впервые была легализована формулировка экономической основы государства. Согласно ст. 4, «экономическую основу РСФСР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» [5].

О важности экономического компонента в государстве того времени свидетельствует конституционная ст. 13, отметившая, что «в целях осуществления взаимопомощи по линии экономической и политической жизни, равно как и по линии обороны Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика добровольно объединилась с равноправными Советскими Социалистическими Республиками...» [5]. Как видно, экономическая линия – одна из трех заявленных целей взаимопомощи советских республик.

Сохранившаяся самостоятельная глава о бюджете РСФСР уже не включала прежнее терминологическое многообразие, а ограничилась такими категориями, как «государственный бюджет» и «бюджетная комиссия».

Далее представим результаты анализа Конституция РСФСР 1978 г. (с внесенными изменениями) по поводу заявленного аспекта. В этом Основном законе появляется самостоятельная глава 2 «Экономическая система», регулирующая следующие ключевые элементы [6]:

- признание и защита различных форм собственности (ст.ст. 10, 11.1, 12, 13), в том числе, на природные ресурсы (ст. 11);
- субъективные права гражданина распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду (ст. 14);
- высшую цель общественного производства (ст. 15);
- поощрение государством «хозяйственной инициативы, направленной на динамичное развитие производства, рост производительности труда и повышение благосостояния общества и каждого труженика» (ст. 17) [6];
- государственное регулирование хозяйственной деятельности и государственное обеспечение развития рыночного механизма и пр. (ст. 17).

В иных частях Конституции РСФСР 1978 г. легализованы:

- принцип отказа от применения экономических и любых других методов давления, лежащий в основе внешнеполитической деятельности Российской Федерации (ст. 28);

– предписание Республике – обеспечивать комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории (ст. 79);

– экономическая основа местного самоуправления – муниципальная собственность, порядок образования, владения, пользования и распоряжения которой регулируется законом (ст. 138).

Отдельного внимания заслуживает самостоятельная Глава 19 «Государственный план экономического и социального развития Российской Федерации». В ней консолидированы материальные и процессуальные нормы о государственных планах экономического и социального развития. В частности, определены их цель – «обеспечение комплексного экономического и социального развития на территории республики» (ст. 152), задачи и структура (ст. 153) [6].

В процессуальном плане легализованы субъекты и участники разработки государственного плана экономического и социального развития Российской Федерации (ст.ст. 154, 155); субъекты его реализации (ст. 156) и отчетности (ст. 157).

В сохранившейся обособленной главе о государственном бюджете Российской Федерации ключевым термином выступила «государственная бюджетная система Российской Федерации».

Приведенные этапы конституционной формализации характеристик экономического пространства можно связать и с формированием экономических гарантий правового статуса личности, что отмечал Н.В. Витрук. Экономические гарантии он относил к разновидности общесоциальных гарантий и отмечал, что экономические гарантии «... создают объективные условия, при которых личность получает все более широкие материальные возможности для свободного осуществления своих прав и свобод» [7, с. 310].

Осуществленный анализ дает основания полагать, что с конституционным развитием Российского государства развиваются и нормы об элементах его экономического пространства. Приращение таких норм мы связываем с задачами, решаемыми конституциями разных периодов развития нашей страны, а также с трансформацией политического режима и различных сторон государственной деятельности, включая экономическую.

Список использованных источников

1. Кузовкин Д.В. Единство экономического пространства в контексте проблем российского федерализма // Российский юридический журнал. 2004. № 2 (42). С. 14-16.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от

05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

4. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

5. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

6. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

7. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.

Андреев Данил Романович
Белгородский государственный
национального исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Нифанов Алексей Николаевич
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

СИСТЕМА ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей системы органов законодательной власти в субъектах Российской Федерации. В статье анализируются аспекты становления и развития законодательной власти в российских регионах. Приводятся законодательные

и иные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательная власть, субъекты Российской Федерации, парламентаризм, публичная власть, Конституция.

Система законодательных органов субъектов Российской Федерации является одной из основных составляющих единой системы публичной власти в России. Она включает в себя законодательные (представительные) органы страны – парламенты (законодательные собрания), созданные конституциями и уставами субъектов Российской Федерации.

Система законодательных органов в субъектах Российской Федерации формировалась на протяжении длительного времени. В 1993 году была принята Конституция Российской Федерации, которая стала основным документом для создания законодательных органов власти в российских регионах. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 11 Конституции Российской Федерации: «Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти» [1].

В тексте Конституции Российской Федерации 1993 года использованы два термина выборного органа – «представительный» и «законодательный», но чаще всего фигурирует название «орган законодательной власти». Это видно из положений ч. 2 ст. 125, ст. 136 и других норм Конституции [2, с. 6].

На протяжении многих лет в процессе реформирования в конституции и уставы субъектов Российской Федерации вносились изменения с целью совершенствования и укрепления законодательных структур. Были приняты соответствующие законы и установлены правила взаимодействия между центром и регионами. Этот процесс демонстрирует необходимость соблюдения принципов федерализма и суверенитета, гарантирующих равные права и полномочия субъектов федерации.

Начали активно формироваться региональные законодательные собрания – парламенты. Они стали основным законодательным органом власти на уровне субъектов Российской Федерации и получили широкие полномочия в решении вопросов внутреннего устройства и развития регионов. С течением времени институциональная структура законодательных органов совершенствовалась и укреплялась. Были утверждены законы о статусе и полномочиях законодательных органов власти субъектов, определены принципы и процедуры выборов, разработаны правила взаимодействия с федеральными органами власти [3, с. 113].

Правовые основы формирования законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации заложены в следующих нормативных правовых актах:

- Конституция Российской Федерации [1];
- Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4];
- Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [5];
- конституции (уставы) субъектов Российской Федерации;
- законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации.

Сегодня система законодательных органов власти субъектов Российской Федерации представлена законодательными (представительными) органами, которые имеют различные наименования (например, Законодательное Собрание, Дума, Совет и т.д.). Они избираются населением региона и принимают региональные законы, регулирующие общественные отношения на территории субъекта. Законодательные органы участвуют в формировании бюджетов, принятии решений по вопросам социального обеспечения, образования, здравоохранения, налогообложения и других сфер [6, с. 138].

Законодательные органы в российских регионах осуществляют свою деятельность в соответствии с уставами, конституциями и другими нормативными актами, определяющими их структуру и функции. Они разрабатывают и принимают законы, контролируют деятельность исполнительной власти, утверждают бюджет и другие правовые акты, обеспечивающие работу государственной системы и защиту прав граждан. Парламент или законодательное собрание являются главными представительными органами в регионах, выражающими интересы населения [7, с. 69].

Название и структура законодательного органа субъекта Российской Федерации устанавливаются конституциями (уставами) этих субъектов с учётом их исторических, национальных и других региональных особенностей. Во всех субъектах Российской Федерации действуют однопалатные высшие законодательные органы.

Органы законодательной власти субъектов Российской Федерации играют важную роль в укреплении единой системы публичной власти в России. В соответствии с Конституцией, субъекты Российской Федерации имеют право на установление и осуществление собственных законов и иных нормативных правовых актов в пределах их компетенции.

Однако, несмотря на самостоятельность в законодательном процессе, органы законодательной власти субъектов Российской Федерации несут ответственность за соблюдение Конституции и федеральных законов. Законы, принятые на уровне субъекта, не могут противоречить федеральным законам и не могут ограничивать или нарушать права и свободы граждан России.

Разграничение полномочий между федеральными и региональными органами власти является одним из ключевых вопросов федеративного устройства Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации имеют свои законодательные органы – парламенты или законодательные собрания, которые избираются населением, представляют интересы региона, принимают законы, которые обязательны для исполнения на территории субъекта. Федеральный центр определяет общегосударственные принципы и принимает законы, касающиеся всей страны в целом. Таким образом, сохраняется баланс между централизацией и децентрализацией власти.

Следует отметить, что современные особенности развития системы законодательной власти субъектов России связаны с укреплением вертикали и централизации власти. В последние годы наблюдается усиление координации действий между федеральным и региональным уровнями власти, что позволяет эффективнее реализовывать общегосударственные программы и проекты. Это также способствует повышению эффективности управления и сокращению бюрократических барьеров [8].

Важным аспектом современного развития органов законодательной власти в субъектах Российской Федерации является внедрение цифровых технологий и информационных систем. В эпоху цифровой трансформации информационные технологии становятся эффективным инструментом взаимодействия законодателей, граждан и общественных организаций. Дистанционное участие в заседаниях, электронное голосование, личные приёмы граждан в онлайн-формате, онлайн-консультации с избирателями, стало реальностью для современной системы законодательной власти страны. Цифровизация позволяет сделать процессы более открытыми, удобными и доступными для граждан, повысить уровень принятия обоснованных и общественно значимых решений. Внедрение современных информационных технологий помогает повысить эффективность работы законодательных органов и обеспечить более открытый и прозрачный процесс принятия решений [9, с. 86-87].

Таким образом, процесс становления и развития системы органов законодательной власти субъектов Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный механизм, учитывающий как исторические традиции, так и современные реалии. Установление чёткой структуры,

полномочий и взаимодействия между различными уровнями власти способствует улучшению качества законотворческой деятельности и повышению ответственности перед избирателями. Система органов законодательной власти субъектов Российской Федерации продолжает совершенствоваться, что имеет важное значение для укрепления федеративных основ государства и обеспечения прав граждан.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.10.2024).
2. Лебедев В. А. Законодательные (представительные) органы государственной власти в субъектах Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2002. № 2.
3. Белянина И. В. Взаимодействие российских регионов и Центра в условиях реформирования федеративных отношений // Вестник государственного и муниципального управления. 2011. № 2.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 28.10.2024).
5. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070 (дата обращения: 29.10.2024).
6. Демидов М. В. Региональный парламент в системе публичной власти субъекта Российской Федерации // Вестник РУК. 2022. № 1 (47).
7. Шабанов Х. М. Особенности организации законодательной власти в субъектах РФ // Sciences of Europe. 2020. № 59-3 (59).
8. Заякин В. Г. Современные проблемы распределения полномочий между органами власти Российской Федерации и ее субъектов // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 202-204.
9. Рагимханова К. Т. Понятие и характеристика цифровой трансформации органов законодательной власти // Закон и право. 2024. № 1. С. 85-87.

Артыков Джафар Зафаржонович
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права
(Таджикистан)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СТРАН СНГ

Аннотация. Опираясь на научно-теоретические и конституционно-правовые положения, связанные с институтом помилования, рассмотрены общие и особенные черты данного института. Сделан вывод об отражении общих черт института помилования в модельном Уголовном кодексе (Рекомендательном законодательном акте для Содружества Независимых Государств). Особенности конституционные черты института помилования дополняют его исходные смыслы.

Ключевые слова: Конституция, страны СНГ, право прощения о помиловании, глава государства, осуществление помилования

Помилование как конституционный институт в своем преимуществе включает право каждого осужденного просить о помиловании или смягчении наказания и полномочие главы государства принимать решение о помиловании. Это дает основание говорить о помиловании как о конституционном правоотношении, инициируемом определенным социальным субъектом. Конституция России дает основания отметить специфику этого правоотношения, и состоит она в том, что правом на такого рода обращение (прошение о помиловании) обладает «каждый осужденный за преступление» (ч. 3 ст. 50), а конституционным правом на обращение вообще обладают «граждане Российской Федерации» (ст. 33). То есть юридическое состояние «осужденности за преступление» характеризует иной правовой статус личности, который в своей монографии «Общая теория правового положения личности» рассматривал Н.В. Витрук [1, с. 293].

Таковой поименован им как «охранительно-защитный правовой статус личности» [1, с. 293].

Используя критерии взаимоотношений человека с органами государственной власти, С.Ф. Кечемян аргументировал обоснованность выделения прав и обязанностей, направленных на защиту прав – право жалобы, право на предъявление иска в гражданском и уголовном суде, право на защиту в уголовном процессе и иные процессуальные права [2, с. 73], продолжив идею, – право на прощение о помиловании или смягчении наказания.

Помилование, судя по тезису А.Ф. Кистяковского, можно расценивать и как компенсаторный правозащитный механизм. Он, в частности, подчеркивал, что «право помилования имеет свой глубокий смысл и свое разумное основание в природе уголовного закона и правосудия. Как бы закон ни был совершенен, он не может объять всех случаев действительной жизни» [3, с. 279].

С точки зрения Г.Е. Колоколова, помилование решает корректирующую задачу. По его мнению, «Помилование есть акт верховной власти, устанавливающий отмену или смягчение наказания... когда применение наказания представляется не целесообразным, излишним, например, состояние крайней необходимости. Таким образом, в действительной жизни могут быть нередко случаи, где уголовная кара не должна иметь места, а между тем, суд не может устранить ее, не выходя из пределов предоставленной власти, как корректив, восполняющий пробелы уголовного законодательства» [4, с. 520].

Профессор Н.В. Витрук в своей монографии «Общая теория юридической ответственности» [5], рассматривая вопросы освобождения от ответственности, определил помилование как «специальное основание освобождения от уголовного наказания либо смягчения наказания индивидуально определенного лица» [5, с. 344]. Обращаясь в своей аргументации к композиционному расположению ст. 85 Уголовного кодекса России, Н.В. Витрук отметил, что «Определение в порядке помилования более мягкого наказания не относится к стадии назначения наказания за содеянное...», а есть освобождение «от уголовной ответственности и от наказания» [5, с. 346].

Уточним, что И.Я. Фойницкий, понимая под помилованием «... погашение всего или части наказания волей государственной власти, объявляемой по отношению к данному конкретному случаю...» [6, с. 121], имел в виду «конкретный» персонифицированный случай, а не категорию

прав для «конкретного случая», на чем акцентирует внимание М.В. Мархгейм [7].

Также мы согласны и поддерживаем определение помилования как права *ad hoc*, предложенное М.В. Мархгейм [7, с. 92]. По ее мнению, «право на помилование и право амнистии, в отличие от других конституционных прав, могут быть реализованы лицами, нарушившими закон: «каждый осужденный», «каждый приговоренный к смертной казни» и т.д., то есть специально именно «для такого случая» [8, с. 48].

Таким образом, «помилование прежде всего представляет собой и конституционное право осужденного, и конституционную прерогативу» главы государства» [9, с. 121].

Научные аргументы, приведенные выше, являются опорной точкой выработки формализованных положений, касающихся вопросов помилования. При этом каждое государство СНГ по-своему реализуют это. Координирующую для уголовных законов роль здесь призван играть модельный Уголовный кодекс для государств СНГ, который был утвержден на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств Содружества Независимых Государств (Постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 года) [10, с. 350]. Согласно ч. 1 его ст. 85 «актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть полностью или частично освобождено от наказания, как основного, так и дополнительного, либо освобождено от наказания условно, либо не отбытая часть наказания может быть заменена более мягким или снята судимость». При этом ч. 2 указанной статьи предписано следующее: «Если лицо, которому условно было предоставлено помилование, совершает новое преступление в течение не отбытого срока, суд назначает ему наказание в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 70 модельного Уголовного кодекса».

Отметим, что Уголовный кодекс России №63-ФЗ, принятый 13 июня 1996 г. (через четыре месяца после модельного кодекса), своей статьей 85 «Помилование», по сути, воспроизвел определение модельного акта за исключением конкретизации преступления «как основного, так и дополнительного».

Обратившись к официальным сайтам, рассмотрим на предмет закрепления норм, связанных с помилованием, конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г., Республики Армения от 27 ноября 2005 г., Республики Беларусь от 15 марта 1994 г., Республики Казахстан от 30 августа 1995 г., Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г., Республики Молдова от 29 июля 1994 г., Республики Таджикистан от 26 сентября 1999 г. и Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 г.

Анализ актуальных текстов конституций названных стран СНГ дал возможность выявить общие черты института помилования, а также некоторые конституционные нюансы.

Общим знаменателем для всех конституционных текстов заявленных стран СНГ является типичное по формулировке конституционное установление полномочного для «осуществления помилования» лица, а именно «президента» страны. В большинстве конституций этой группы стран конституировано право каждого осужденного просить о помиловании или смягчении наказания, исключение составляют конституции Беларуси, Казахстана и Таджикистана. В этих странах помилование не связано с конституционным правом соответствующего лица.

Приведем и особенные конституционные характеристики института помилования. Так, в Главе I. «Власть народа» Раздела первого: общие положения Конституции Азербайджана установлено, что по вопросу помилования (равно как и амнистии) референдум проводится не может (п. 2) ч. III ст. 3), а статьей «65. Право повторного обращения в суд» определено право каждого лица, осужденного судом «обратиться в установленном законом порядке в вышестоящий суд по поводу... помилования и смягчения наказания». То есть адресатом обращения является не глава государства, а суд.

В соответствии со ст. 95 Конституции Армении «Совет правосудия в установленном законом порядке: ... «4) по запросу Президента Республики высказывает мнение по вопросам помилования;».

Согласно ч. 5 ст. 20 Конституции Киргизии право «2) просить о помиловании или смягчении наказания» не подлежит никакому ограничению.

Как следует из ст. 72 «Виды законов» Конституции Молдовы «(3) Органическим законом регламентируются: ... о) объявление амнистии и помилования;», а «е) осуществление помилования» отнесено к «иным полномочиям Президента (ст. 88).

Приведенные конституционные особенности, касающиеся помилования, дополняют характеристики данного института. Судя по тому, что в большинстве (в пяти из восьми) конституционных текстов рассмотренной группы стран помилование связано с правом осужденного на прошение о нем или о смягчении наказания, данный институт играет правозащитную роль. Усиление этой роли отражено в Конституции Киргизии путем запрета на ограничение права такого прошения.

Осуществление помилования на конституционном уровне всех рассмотренных стран СНГ представлено прерогативой президента. Однако в

некоторых странах установлены вышеприведенные особенности: в Азербайджане адресатом обращения является не глава государства, а суд; в Армении по запросу Президента Совет правосудия высказывает свое мнение по вопросам помилования; в Молдавии объявление помилования регламентируется органическим законом.

Итак, в каждой из перечисленных стран СНГ помилование возведено в ранг конституционного института, представляющего всегда как полномочие главы государства и, как правило, право каждого осужденного. Эти конституционные позиции рассмотренной группы стран СНГ отражены в модельном Уголовном законе стран СНГ. Поэтому есть основания для вывода, что «моделирующая» роль в данном отношении принадлежит конституционным актам.

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. – 448 с.
2. Кечекян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. – 187 с.
3. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права / изд. в унив. тип. Киев. 1875. – 524 с.
4. Колоколов Г.Е. Уголовное право: курс лекций 1894-1895. М. – 1895. 640 с.
5. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: Норма, 2009. 432 с.
6. Амнистия. Помилование. Судимость. / Гришко А.Я. Потапов А.М. – М.: университетская книга: Лотос, 2009. – 272 с.
7. Мархгейм М.В. Права ad hoc: нюансы конституционной идентификации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4 (143). С. 90-94.
8. Мархгейм М.В. Право на помилование и право на амнистию в конституционном ad hoc ракурсе // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. Десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 45-49.
9. Артыков Д.З. Помилование: ракурсы конституционного феномена // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – X Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора

юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 21-22 апреля 2023 г.). – Белгород, 2023. С. 117-122.

10. Модельный уголовный кодекс для государств — участников СНГ (с изм. на 16 ноября 2006 г.). Рекомендательный законодательный акт для СНГ. Принят на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10.

Бархатов Егор Дмитриевич

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

аспирант кафедры конституционного и административного права
(Пермь, Россия)

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ЗА ПРАВА МУЖЧИН С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ

Аннотация. В статье на основе научных, нормативных и эмпирических источников рассмотрены наличествующие проблемы дискриминации по половому признаку и возникновения в этой связи «трендов» нарушения социальной справедливости в отношении мужчин.

Ключевые слова: права мужчин, мизогиния, харассмент, абьюз, мизандрия

Права мужчин, в том числе и репродуктивные, это относительно новое направление в юридической науке. Предполагается, что данный вопрос необходимо рассматривать посредством постклассической картины. В современном мире, как представляется, превалируют многогранность социальных явлений, ментальная и психическая активность индивидов, постоянная изменчивость и стохастичность социальных норм.

Не стоит забывать, что реализация прав мужчин, с учетом всех новых общественных тенденций «равноправия» должна предполагать диалог. Нельзя не согласиться с мыслями И.Л. Честнова, который утверждает, что диалог в праве представляет собой взаимообусловленность противоположных моментов через взаимодействия конкретных людей, реализующих индивидуальные экспектации [1].

Современному обществу свойственна подмена понятий, нередко основанная на тенденциозном восприятии тех или иных явлений и процессов. Люди, так активно и яростно выступающие за права уязвимых

категорий населения, абсолютно не вникают в суть явлений, что приводит к ситуациям позитивной дискриминации через предоставление исключительного спектра прав данным меньшинствам, который нарушает всеобщий баланс в праве.

В последнее время мы наблюдаются немало нововведений, в том числе терминов и общественных движений, которые в перспективе могут негативно затронуть правовое положение мужчин. С большой долей иронии можно сказать, что современные правовые тенденции Запада двигаются к тому, что сейчас выгодно быть черным трансгендерным гомосексуалом альбиносом азиатского происхождения. Добавим сюда бесконечный рост уязвимых групп населения. Действительно, куда не посмотри – все стали уязвимыми. Вот только обычный мужчина себя таковым не считает, что делает его наиболее уязвимым во всем этом «театре абсурда».

Почему мы используем данное выражение? Для объяснения предлагаем обратиться к популярным в современном обществе терминам.

Сексизм – это предубеждение, негативное отношение или антипатия по отношению к людям определённого пола. При проведении социальных опросов, данный термин ассоциируется с угнетением женщин, но никак не мужчин. Интернет просто переполнен статьями как распознать и защитить себя от сексизма, адресованного женщинам. Термин, по своей сути, невероятно широкий. Под его определение могут попасть любые ситуации.

«Мизогиния» – новый термин, отражающий ненависть, неприязнь или укоренившееся предубеждение по отношению к женщинам. Это форма сексизма, которая предполагает сексуальную объективацию женщин, насилие, принижение и дискриминацию. В Европе мужчинам запрещено смотреть на женщин направленным взглядом. Это расценивается как домогательство. Подобные законы уже одобрены в некоторых европейских странах [2]. Данные ситуации еще могут называть «харассментом». В психологической теории, приставанием и домогательством является любое навязчивое внимание с одновременным склонением к каким-либо действиям. Есть еще понятие «абьюз» как модель отношений между партнерами «агрессор – жертва». Применяется не только к женщинам, но и к мужчинам.

Данные нововведения законодательства действительно могут предостеречь попытки покушения на честь и достоинство личности и выявить социально опасных и нестабильных субъектов. Однако проблема заключается в том, что толкование данных ситуаций слишком широкое. Под харассмент или мизогинию могут попасть совершенно неумышленные ситуации, ведущие к ложному обвинению мужчин под влиянием заблуждения, страха и психической нестабильности. Все эти тенденции ведут

к «мизандрии» – устойчивому убеждению касаясь ненависти, враждебности и понижения значимости по отношению к мужчинам.

Мизандрия основана на перенесении негативных, но общественно допустимых характеристик «гегемонной мужественности» на мужчин как социальную группу, а также на закреплении этих характеристик в реформирующихся гендерных стереотипах [3]. Такие стереотипы начинают приобретать все более заметный характер, подавляя мужчин и переопределяя их собственные представления о мужской гендерной идентичности, как и представления женщин о нормативной маскулинности [4].

По статистике, у мужчин в России выше смертность. Мужчины умирают в 4,23 раза чаще женщин, при этом нормы о уравнивании пенсионного возраста все еще остаются без внимания [5]. У мужчин выше число самоубийств [6].

Самое интересное, что несмотря на все направления защиты женщин от «угнетателей» мужчин, в случае домашнего насилия – мужчины погибают в два раза чаще [7].

Подводя итог изложенному, отметим, что мужчина продвигается обществом как «сильный пол». В силу этого, как представляется, достаточного внимания не уделяется психическому здоровью современного мужчины. Возникают все новые термины, определяющие «угнетение» женщин. Полагаем, что это не борьба за равноправие, а уничтожение мужского достоинства. При этом, согласно ч. 1 ст. 21 Конституции России, достоинство связывается с личностью без каких-либо дополнительных условий или исключений, и вполне четко определено: «...Ничто не может быть основанием для его умаления». Тем самым подчеркнут общий конституционный принцип ст. 19, согласно которому «3. Мужчина и женщина имеют равные права и равные возможности для их реализации». При этом, словам Н.В. Витрука, конституционный «принцип равенства всех перед законом и судом не исключает наличия специальных прав, льгот и преимуществ для отдельных категорий лиц, наиболее слабо защищенных в социальном отношении. Их существование основано на исключении каких-либо привилегий, так же, как и дискриминации по отношению к кому бы то ни было» [8, с. 96]. Однако в реальности, в том числе под влиянием ложных стереотипов и образцов, мужчины, которых в России численное меньшинство и которые исторически наделены званием «сильного пола», оказались в непропорциональной ситуации: прояви себя как «сильный пол», можешь быть неверно понят; прояви себя иначе, – «слабак». Ладно, взрослые как-то разберутся. А вот как воспитывать детей мужского пола? Тип «не проявляй же себя никак» или все-таки в лучших традициях?

Подытоживая, отметим, что в современных реалиях, мужчина подобен фэнтезийному войну-мечнику, который постоянно дает отпор не только своим внутренним демонам, но и внешним, при этом уже склонившись на одно колено после бесконечных битв. Все нормы навязываемого «мужского» поведения основаны на беспрекословном повиновении. Правовые активисты придумывают ложные и подменные понятия. Наблюдается коллективная «атака» на мужчин. Общество пришло к ситуации, когда, образно говоря, стая волков нападает на овец, утверждая, что последние их угнетают. В свете изложенного вопрос: «А мужчина действительно «сильный» пол?»

Список использованных источников

1. Честнов И.Л. Что есть право? // Правоведение, 2013. №3 (308). С. 229 – 236.
2. Законы о сексуальном и гендерном насилии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b63e8729a7947828a0c1d2d> (дата обращения: 12.11.2024).
3. Connell R. W. Masculinities. Cambridge; Oxford: Polity Press, 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://lulfmi.lv/files/2020/Connell_Masculinities.pdf (дата обращения: 12.11.2024).
4. Nathanson P., Young K. K. Legalizing Misandry: from Public Shame to Systemic Discrimination against Men. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press-MQUP, 2006. [Электронный ресурс]. https://doi.org/10.1111/j.1744-1617.2007.177_1.x. дата обращения: 12.11.2024).
5. Смертность женщин и мужчин по причинам смерти [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_50/IssWWW.exe/Stg/08-05.htm (дата обращения: 12.11.2024).
6. Мужские самоубийства в России объяснили женским поведением [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/01/07/muzhskie-samoubiystva-v-rossii-obyasnili-zhenskim-povedeniem.html> (дата обращения: 12.11.2024).
7. Статистика домашнего насилия в России [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 12.11.2024).
8. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.

Бойченко Елена Михайловна
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и
международного права

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье, основываясь на нормах отечественных конституций, представлены подходы к конституированию власти в различные исторические периоды. Представлены конституционные трансформации организационного оформления власти. Сделан вывод, что на всем протяжении конституционного строительства России вопросам организации и функционирования власти в различных вариациях ее наименования и совокупности органов, ее осуществляющих, уделялось самое пристальное внимание. Поэтому исследование российского конституционализма сквозь призму власти представляется и продуктивным, и показательным.

Ключевые слова: публичная власть, государство, Конституция, советский период, закон, партийная элита

Современное конституционное строительство России взяло выраженный курс на формирование единой системы публичной власти. Обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия входящих в нее органов отнесено к статусным полномочиям Президента Российской Федерации (ч. 2 ст. 80). Поскольку ранее термин «публичная власть» в конституционном тексте России не использовался, постольку потребовалось его формализованное определение. Федеральным законом от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» установлено, что «1. Под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной

власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» (ст. 1).

Примерно через год аналогичное, но более компактное определение представлено в ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В ней закреплено, что «1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Исходя из этого следует, что понятие «публичная власть» является наиболее общим по отношению ко всем конституированным и формализованным на ином уровне органам; что публичная власть структурирована по природе власти – государственная и муниципальная; по уровням власти – федеральная, субъектов Российской Федерации и муниципальная; по наличию властных полномочий – органы власти и иные публичные органы. Таковы конституционно-правовые структурные черты современной публичной власти России.

Различные конституционные аспекты публичной власти исследовались с позиции ее системы [1, 2] и конституционно-правового содержания [3], в контексте публичного правопорядка Российской Федерации [4] и в сопоставлении и советской властью [5], др.

Обращение к отечественным конституциям дадут, как представляется, основания для иных выводов о формировании публичной власти с учетом конкретно-исторического подхода.

Революционный переход власти к Советам народных депутатов являл радикальную без преемственности форму организации власти. При этом функциональные наименования органов присутствовали.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года) исходной Главой Первой «объявила» Россию «1...Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам», Российскую Советскую Республику «учредила» «2...на основе свободного союза свободных наций...» как федерацию «Советских национальных республик».

Согласно пятой главе Конституции РСФСР 1918 г., основная задача, рассчитанная «9... на настоящий переходный момент ... заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы ни государственной власти».

Конституция РСФСР 1918 г. содержала специальный Раздел Третий «Конструкция Советской власти», включавший два подраздела «А. Организация Центральной власти» и «Б. Организация Советской власти на местах». Первый из них посвящался Всероссийскому Съезду Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов; Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов; Совету Народных Комиссаров; а также предметам их ведения; а второй Съездам Советов, Советам Депутатов и предметам ведения органов Советской власти на местах.

Таким образом, конструкция советской власти по Конституции 1918 г. была обусловлена, с одной стороны, республиканской формой правления и федеративным устройством, с другой – совокупностью государственных органов (центральных и местных), предназначенных для решения соответствующих задач. Функциональную триаду – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган – объединил в себе Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов.

Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года) также содержала специальный раздел, касающийся власти. Так, Раздел третий «Об устройстве Советской власти» включал Главу третью «О центральной власти», которая включала положения «А. О Всероссийском Съезде Советов», «Б. О Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов»; «В. О Совете Народных Комиссаров»; «Г. О Народных Комиссариатах Российской

Социалистической Федеративной Советской Республики»; Главу четвертую «Об автономных советских социалистических республиках и областях», которые также имели свои аналогичные органы с установленным кругом полномочий. Глава пятая «О местной власти» включала следующие блоки «А. О съездах советов», «Б. Об исполнительных комитетах», «В. О советах депутатов», «Г. О предметах ведения местных органов власти».

Аналогично с предыдущей Конституцией Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов в конституционно установленных пределах, являлся «законодательным, распорядительным и контролирующим органом» РСФСР, но не высшим, а «верховным». Это было связано с тем, что «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти» в период между сессиями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР являлся избираемый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом его Президиум. Как и в Конституции 1918 г. упоминается «судебный приговор», но собственно судебных органов не было учреждено.

Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года) по традиции содержала специализированные главы, посвященные власти с учетом и функционального деления, и федеративного устройства, и уровня фактора. Так, Глава III «Высшие органы государственной власти Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», Глава IV «Органы государственного управления Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», Глава V «Высшие органы государственной власти Автономных Советских Социалистических Республик», Глава VI «Органы государственного управления Автономных Советских Социалистических Республик», Глава VII «Органы государственной власти автономных областей», Глава VIII «Местные органы государственной власти».

Наряду с законодательными (ст. 24. Верховный Совет РСФСР являлся «единственным законодательным органом РСФСР»; ст. 58. Верховный Совет Автономной республики являлся «единственным законодательным органом АССР»), исполнительным и распорядительными (ст. 41. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти РСФСР являлся Совет Народных Комиссаров РСФСР; ст. 65. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти АССР являлся Совет Народных Комиссаров АССР; иные исполнительные комитеты), как и в СССР, были конституированы органы, осуществлявшие в

РСФСР правосудие, а именно, как следует из ст. 107, Верховный Суд РСФСР, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные суды, суды автономных областей, суды национальных округов, суды административных округов, специальные суды СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народные суды. Была учреждена и прокуратура (ст.ст. 118-121).

Соответственно, в Конституции РСФСР 1937 г. наряду с преемственным уровневым делением государственной власти обозначилось и ее функциональное разделение.

Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 года) в своей первоначальной редакции закономерно содержит положения об организации государственной власти. Так, раздел V «Высшие органы государственной власти и управления РСФСР» включал главы «13. Верховный Совет РСФСР» и «14. Совет Министров РСФСР». Было установлено, что «Высшим органом государственной власти РСФСР является Верховный Совет РСФСР» (ст. 104), а «Совет Министров РСФСР – Правительство РСФСР – является высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти РСФСР (ст. 122).

С учетом федеративного устройства в Конституции 1978 г. содержался Раздел VI. «Высшие органы государственной власти и управления автономной республики», включавший главы «15. Верховный Совет автономной республики» и «16. Совет Министров автономной республики», которые являлись высшими органами – законодательным и исполнительным (распорядительным) – автономной республики.

С учетом уровней государственной власти отдельным разделом «VII. Местные органы государственной власти и управления в РСФСР» были представлены и ее местные органы двумя главами: «17. Местные Советы народных депутатов» и «18. Исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов».

Примечательно отметить, что раздел «IX. Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» по сравнению с предыдущей Конституцией РСФСР (Глава X. Суд и прокуратура) изменил свое наименование в пользу не организационных, а функциональных характеристик.

Применительно к судебным органам, отметим, что правосудие в РСФСР осуществлялось только судом, а судами РСФСР являлись «Верховный Суд РСФСР, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей, суды автономных

округов, районные (городские) народные суды» (ст. 163). Наряду с ними Верховным судом РСФСР и подчиненными ему судами для разрешения хозяйственных споров были учреждены «органы государственного арбитража» (ст. 175).

В ходе последующих изменений Конституция 1978 года стала именоваться Конституцией (Основным законом) Российской Федерации – России (от 12 апреля 1978 г. с изм. и доп. от: 27 октября 1989 г., 31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г., 24 мая, 3 июля, 1 ноября 1991 г., 21 апреля, 9, 10 декабря 1992 г.). Принципиальные изменения в организации власти выразились в учреждении нового органа, а именно Президента Российской Федерации. Глава «13-1. Президент Российской Федерации» включала одиннадцать статей, определявших его статус, полномочия и взаимоотношение с иными государственными органами. Так, Президент Российской Федерации являлся «высшим должностным лицом Российской Федерации и главой исполнительной власти в Российской Федерации» (ст. 121-1). Наряду с Президентом Российской Федерации и одновременно с ним избирался вице-президент (ст. 121-7).

Глава, посвященная исполнительной власти, сохранилась – «14. Совет Министров Российской Федерации». Определялось, что «Совет Министров - Правительство Российской Федерации – орган исполнительной власти, подотчетный Съезду народных депутатов Российской Федерации, Верховному Совету Российской Федерации и Президенту Российской Федерации (ст. 122).

В отношении судебных органов и прокуратуры необходимо подчеркнуть закрепление функционального подхода в наименовании соответствующего раздела «IX. Правосудие и прокурорский надзор». При этом в нем появилась новая глава «21. Судебная система Российской Федерации», определяющая, что в судебную систему Российской Федерации составляют: «Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший арбитражный суд Российской Федерации, Верховные Суды и Высшие арбитражные суды республик в составе Российской Федерации, краевые, областные, городские суды и арбитражные суды, суды и арбитражные суды автономных областей и автономных округов, районные (городские) народные суды, мировые судьи и военные суды» (ст. 163).

Вновь учрежденные Конституционный и Высший арбитражный суды Российской Федерации именовались как высшие «орган судебной власти по защите конституционного строя» и «экономическим судебным органом Российской Федерации» (ст. 165).

Значимым изменением в контексте нашего исследования является учреждение новой формы власти, а именно местное самоуправление. Согласно обновленному тексту Конституции 1978 г., в раздел «VII. Местное самоуправление в Российской Федерации» были включены главы «17. Местные Советы народных депутатов и органы территориального общественного самоуправления» и «18. Местная администрация». Как следовало из конституционной ст. 138, «Местное самоуправление осуществляется населением через представительные органы власти – местные Советы народных депутатов (районные, городские, районные в городах, поселковые, сельские); соответствующие органы управления – местную администрацию; местные референдумы, собрания (сходы) граждан, иные территориальные формы непосредственной демократии, а также органы территориального общественного самоуправления населения». Это позволяет сделать вывод о появлении прообраза современного уровня публичной власти – местного самоуправления.

Таким образом, в рамках действия Конституции РСФСР 1978 г. произошло не только изменение наименования нашей страны на Российскую Федерацию – Россию, но и учреждение принципиально новых органов государственной власти, как то: Президент и вице-президент Российской Федерации, Совет Министров Российской Федерации, Конституционный и Высший арбитражный суды Российской Федерации. Уровень местной государственной власти был замещен более широким по формам осуществления власти местным самоуправлением.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. ряд позиций, касающихся структурирования власти, был сохранен, но не оказался неизменным. Конституционное строительство и принципы российского конституционализма актуализировали внесение поправок, непосредственно связанных организацией и функционированием власти в России. Первый поправочный шаг был осуществлен в 2008 г. и касался главы государства, палаты парламента и федерального органа исполнительной власти. Так, Законом Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» Президент Российской Федерации стал избираться не на 4, а на 6 лет; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации – не на 4, а на 5 лет. А Законом о поправке к Конституции России от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» последнее обязывалось представлять

Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации ежегодные отчеты о результатах своей деятельности.

Второй поправочный шаг также в два этапа был предпринят в 2014 г. Он коснулся судебной власти и другой палаты парламента. Так, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции России от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», помимо прочего был упразднен Высший Арбитражный Суд, а его полномочия переданы Верховному Суду Российской Федерации. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» был изменен порядок формирования Совета Федерации, в частности, Президент Российской Федерации получил полномочие делегировать в этот орган представителей Российской Федерации (до 10% от общего числа членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации).

Соответственно, в течение 2008 и 2014 гг. поправки коснулись всех функциональных ветвей государственной власти.

Наиболее масштабные изменения, касающиеся организации и функционирования власти в России произошли в 2020 г. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» была предложена обобщающая категория «публичная власть», которая после одобрения в ходе общероссийского голосования и соответствующего заключения Конституционного Суда Российской Федерации была конституирована.

Наряду с категорией «публичная власть», упоминаемой, например, в ч. 1 ст. 67, п. «г» ст. 71, п. «е.5» ст. 83 и др.) п. «б» ч. 5¹ ст. 125, ч. 3 ст. 131, ст. 133 и др.) в Конституции России появилось понятие «единая система публичной власти» (ч. 2 ст. 80), куда, согласно ч. 3 ст. 132, входят органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Конституционные поправки 2020 г., равно как и процедура их одобрения, вызвали неоднозначную реакцию, что и было отражено в научных статьях по юриспруденции [6, с. 151]. Наличие критического взгляда есть действенный способ для дальнейшего познания организации и функционирования публичной власти в России. Как известно власть является атрибутом государства. Помимо этого, как утверждал Н.В. Витрук, «власть

выступает в качестве обязательного элемента для любой социальной организации людей [7, с. 9].

Подытоживая, отметим, что на всем протяжении конституционного строительства России вопросам организации и функционирования власти в различных вариациях ее наименования и совокупности органов, ее осуществляющих, уделялось самое пристальное внимание. Поэтому исследование российского конституционализма сквозь призму власти представляется и продуктивным, и показательным.

Список использованных источников

1. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.
2. Мархгейм М.В., Бойченко Е.М. Местное самоуправление в системе публичной власти // В сборнике: WISSENSCHAFT UND BILDUNG: IN- UND AUSLÄNDISCHE ERFAHRUNG. 3. Konferenz. Andreas Henze. Gelsenkirchen, 2023. С. 58-62.
3. Иванов И.В. Публичная власть в Российской Федерации: конституционно-правовое содержание // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 24-27.
4. Мархгейм М.В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3 (103). С. 24-31.
5. Иванов И.В. Публичная власть vs советская власть: конституционно-правовая ретроспектива // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 7. С. 41-44.
6. Медушевский А.Н. Российская конституционная реформа в контексте правовой глобализации // Конституционный вестник. 2021. № 6 (24). С. 150-168.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. – М.: изд-во РАП, 2008. 304 с.

Бутов Андрей Юрьевич
Белгородский государственный
национального исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:
Нифанов Алексей Николаевич
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАРОДА В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В данной статье на основе сравнительно-правового метода осуществлен анализ текстов конституцией стран Восточной Европы (Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Северная Македония, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония) с целью выявления в них норм, формализующих народ как субъект правоотношений.

Ключевые слова: народ, единство народа, власть, суверенитет, народности, референдум, выборы.

Категория «народ» относится к числу конституционных, поскольку формализована Базовыми законами различных государств. Придерживаясь широкой смысловой интерпретации [1, с. 46-50; 2, с. 570-578], в рамках данной работы представим результаты анализа текстов конституций Восточной Европы на предмет легализации в них категории «народ» с учетом пространственного и национального измерений.

Проведенный анализ показал, что категория «народ» отражена в различных вариациях в различных частях конституций. В частности, это: преамбула (Албания, Болгария, Латвия [3], Литва, Польша, Северная Македония, Словения, Эстония); Основные принципы / начала / Общие положения (Албания, Болгария, Латвия, Румыния, Северная Македония, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония); Государство / Республика / Государственное устройство (Литва, Литва, Польша, Словения); Основные права и свободы человека / обязанности граждан (Албания, Болгария, Словения, Хорватия, Эстония); Народ (Эстония); Публичные власти (Румыния); Организация государственной власти (Хорватия);

Законодательная власть (Чехия); Кувенд, Сейм, Государственное Собрание (Албания, Латвия, Эстония); Депутаты и сенаторы (Польша); Законодательство (Латвия); Президент (Албания, Болгария, Латвия, Литва, Польша, Эстония); Исполнительная власть (Чехия); Совет Министров (Албания); Судебная власть (Болгария); Местное управление (Албания); Референдум (Албания); Свобода и ответственность (Венгрия [4]), Народное хозяйство и труд (Литва); в Конституции Словакии заявленной категории не обнаружено.

Что касается преамбулы, то в конституциях Албании, Болгарии, Латвии, Литвы, Польши, Северной Македонии, Словении и Эстонии народ указан в качестве субъекта, принимающего конституцию, а также в качестве ключевого субъекта, с которым связаны история и развитие государства. В аналогичном смысловом ключе упоминается народ в Основной конституционной хартии самостоятельности и независимости Республики Словении, как неотъемлемой части Конституции.

В Конституции Хорватии отсутствует преамбула, но предусмотрены «I. Исторические основы», в которых фактически воспроизведен текст, характерный для преамбулы, в том числе, в части, подчеркивающей «тысячелетнюю национальную самобытность и государственность хорватского народа», «историческое право хорватского народа» и пр.

Закономерна конституционная легализация народа на уровне норм-принципов. Здесь примерами являются выявленные установления в конституциях Венгрии и Румынии. В частности, принцип сотрудничества со всеми народами и странами мира отражен в ч. 1 ст. P Конституции Венгрии.

В Конституции Румынии имеется специальная статья «Единство народа и равенство между гражданами» (ч. 1 ст. 4), согласно которой «в основе государства лежит единство румынского народа» [5].

Самым распространенным конституционным принципом-установлением о народе является принцип народовластия – положение о народе, как источнике государственной / суверенной / верховной власти (ч. 2 ст. 1 Конституции Болгарии, ст. 2 Конституции Латвии, ст. 4 Конституции Польши, ст. 2 Конституции Словении, ч. 1 ст. 2 Конституции Чехии, ст. 1 Конституции Эстонии). В Конституции Хорватии народ заявлен и как источник власти, и как ее держатель: «в Республике ... власть исходит от народа и принадлежит народу как содружеству свободных и равноправных граждан» (ст. 1).

В Румынии обозначена принадлежность национального суверенитета румынскому народу (ч. 1 ст. 2).

В Конституции Албании народ представлен «носителем суверенитета в Республике» [6] (ч. 1 ст. 2). Такая же норма есть в Конституции Литвы (ст. 2) с дополнением о создании Литовского государства Народом.

В логике реализации власти народом отражены соответствующие формы и субъекты:

– «через своих представителей или непосредственно» [6], «избранных демократическим путем» [7] (ч. 2 ст. 2 Конституции Албании, ст. 4 Конституции Польши, ст. 4 Конституции Литвы);

– «непосредственно и через органы, предусмотренные настоящей Конституцией» [8] (ч. 2 ст. 1 Конституции Болгарии);

– «через свои представительные органы и путем референдума» [5] (ч. 1 ст. 2 Конституции Румынии);

– «непосредственно и путем выборов» [9] (ст. 3 Конституции Словении);

– «через выборы своих представителей и непосредственным принятием решений» [10] (ст.ст. 1 и 2 Конституции Хорватии);

– «через органы законодательной, исполнительной и судебной власти» [11], а «конституционный закон может определить, когда народ осуществляет государственную власть непосредственно» [11] (ч. 2 ст. 2 Конституции Чехии).

– «через граждан, обладающих правом голоса: 1) путем выборов в Государственное Собрание; 2) путем референдума (всенародного голосования)» [12] (ст. 56 Конституции Эстонии).

Считаем обоснованными конкретизирующие конституционные нормы о непосредственном волеизъявлении населения через референдум. В Конституции Албании народ формализован как инициатор референдума. В ч. 1 ст. 150 указано на то, что «народ, через посредство 50 000 граждан с правом голоса, имеет право на референдум об отмене закона, а также может просить Президента Республики о проведении референдума по вопросу особой важности» [6].

В ст. 9 Конституции Литвы подчеркивается, что «важнейшие вопросы жизни Государства и Народа решаются путем референдума» [7].

Исходя из ст. 90 Конституции Румынии, «Президент Румынии может после консультации с Парламентом потребовать от народа выразить на референдуме свою волю по проблемам, представляющим национальный интерес» [5].

Здесь же следует привести ст. 64 Конституции Латвии, согласно которой устанавливается право законодательной инициативы народа.

Многочисленны нормы, определяющие субъекты, представляющие народ. В Албании – депутаты» (ч. 1 ст. 70); в Болгарии – народные представители (ч. 1 ст. 67); в Латвии и Литве – представители народа в Сейме (ст. 5 и ст. 55 соответственно); в Словении и Польше – депутаты (ст. 82 и ст. 104 соответственно).

Интересно, что в Конституции Румынии указаны не парламентарии, как представители народа, а Парламент, как верховный представительный орган румынского народа (ч. 1 ст. 58). К парламентариям применимо положение о то, что «при осуществлении мандата депутаты и сенаторы находятся на службе народа» [5] (ч. 1 ст. 66). Аналогичное положение только в части службы государственными служащими народу, закреплено в ч. 1 ст. 107 Конституции Албании.

Стоит отметить политические партии, которые участвуют в формировании и выражении воли народа (ч. 3 ст. VII Конституции Венгрии).

Интересна формулировка ст. 118 Конституции Болгарии, согласно которой «правосудие осуществляется именем народа» [8], но не государства, как это традиционно принято.

Противоположны приведенным нормы, ограничивающие и запрещающие представление народа иными, нежели конституционно предусмотренными субъектами.

Так, «никакая часть народа, политическая партия или другая организация, государственное учреждение или отдельная личность не могут присвоить себе осуществление народного суверенитета» [8] (ч. 3 ст. 1 Конституции Болгарии).

В Литовской Конституции содержатся положения о том, что «Никто не может ущемлять или ограничивать суверенитет Народа, присваивать суверенную волю, принадлежащую всему Народу» [7] (ст. 3);

«Народ и каждый гражданин вправе оказывать противодействие любому, кто насильственным путем посягает на независимость, территориальную целостность, конституционный строй Литовского государства» [7] (ст. 3).

В продолжение раскрытия принципа народовластия представим выявленные единичные конституционные нормы об участии граждан в формировании органов публичной власти и выборах должностных лиц.

Так, согласно ст. 127 Конституции Польши «Президент Республики избирается Народом» [13].

В Конституции Албании применительно к местному управлению указано, что «функции исполнительного органа муниципалитета или

коммуны выполняет председатель, который избирается непосредственно народом» [6] (ч. 2 ст. 109).

Более распространены нормы об упоминании народа в присягах избранных глав государств или парламентариев.

В частности, в текстах присяги избранных Президентов формализована клятва «служить всеобщим интересам и прогрессу Албанского Народа» [6] (ч. 3 ст. 86 Конституции Албании); осуществления деятельности во благо народа Латвии (ст. 40); «непоколебимо стоять на страже достоинства Народа...» [13] (ст. 130 Конституции Польши); «действовать в интересах всего народа» [11] (ч. 2 ст. 59 Конституции Чехии); «прилагать все свои силы и способности во имя блага народа Эстонии и Эстонской Республики» [12] (ст. 81 Конституции Эстонии).

В Конституции Литвы предусмотрена присяга Народу хранить верность Литовской Республике и Конституции (ст. 82).

В текстах присяги избранных парламентариев также упоминается клятва народу государства (ст. 18 Конституции Латвии); руководствоваться интересами народа во всех своих действиях (ч. 2 ст. 67 Конституции Болгарии); «добросовестно выполнять обязанности перед Народом» [13] (ст. 104 Конституции Польши); посвящения всех своих сил и умения «духовному и материальному процветанию румынского народа...» [5] (ч. 2 ст. 82 Конституции Румынии); осуществления мандата в интересах всего народа (ч. 3 ст. 23 Конституции Чехии).

В контексте функционала публичных властных субъектов, уточним, что народ заявлен как субъект, к которому обращаются главы государства или органы власти. Первый случай характерен для Конституции Болгарии Президент «выступает с обращениями к народу» [8] (ч. 2 ст. 98).

Пример второго случая – это заявления, декларации и обращения к народу Эстонии от Государственного Собрания (ч. 11 ст. 65).

Представим и ст. 70 Конституции Латвии, согласно которой Президент Республики провозглашает принятые законы, уточняя субъект принятия закона (Сейм (или народ)).

Далее укажем, что народ и связанные с ним атрибуты отражаются на конституционном уровне в качестве ориентиров государственной деятельности. К примеру, на основании ст. 46 Конституции Литвы «государством регулируется хозяйственная деятельность таким образом, чтобы она служила общему благу народа» [7].

В ч. 1 ст. 117 Конституции Румынии отмечается, что «армия подчиняется исключительно воле народа...» [5].

Государство также выступает субъектом защиты народа и его прав в пределах страны и за границей. В последнем случае уместны примеры Албании, Польши и Северной Македонии.

В Конституции Албании за государством закреплена правозащитная функция «национальных прав албанского народа, проживающего за ее пределами» [6] (ч. 1 ст. 8).

Республика Польша оказывает помощь полякам, проживающим за границей, сохранять свои связи с культурным наследием Народа (ст. 6).

Согласно ст. 49* Конституции Северной Македонии «Республика Македония проявляет заботу о положении и правах представителей македонского народа в соседних странах ..., способствует их культурному развитию и укрепляет с ними связи» [14].

Что касается государственного гарантирования народа и связанных с ним атрибутов внутри страны, необходимо отметить, что выявленные конституционные нормы касаются народа в его пространственном и национальном измерениях. Так, согласно ст. 56 Конституции Северной Македонии, «Республика гарантирует охрану, развитие и приумножение исторического и художественного богатства македонского народа и национальностей, а также его составляющих предметов и объектов, независимо от правового режима» [14].

Исходя из ст. 5 Конституции Польши, «Республика ... стоит на страже наследия Народа» [13] и «создаёт условия для распространения благ культуры, являющиеся источником самобытности польского Народа, его существования и развития, и для равного доступа к ним» (ст. 6) [13].

В ст. 27 Конституции Эстонии защита государства адресована семье как основе сохранения и приумножения народа.

Оригинальна формулировка ст. 36 Конституции Северной Македонии, согласно которой «Республика гарантирует особые социальные права участникам антифашистской войны и всех национально-освободительных войн Македонии, военным инвалидам, лицам, преследуемым и осужденным за идеи самобытности и государственности македонского народа» [14].

Уточним, что установлены и конституционные гарантирующие нормы, но без указания субъекта гарантирования. Речь идет о ст. 15 Конституции Хорватии: «Представителям всех народов и национальных меньшинств гарантируется свобода выражения народной принадлежности, свободное использование своего языка и письменности, а также право на культурную автономию» [10].

В аналогичном содержательном ключе, вне гарантирования сформулирована ст. 61 Конституции Словении «Выражение национальной принадлежности»: «Каждый имеет право на свободное выражение

принадлежности к своей нации или народности, на культурную автономию и использование своего родного языка и письменности» [9].

При формализации субъективных прав на конституционном уровне определяют основания их ограничения и в качестве таковых, к примеру, выступают здоровье народа (ч. 1 ст. 35 Конституции Болгарии), здоровье и мораль народа (ч. 2 ст. 37 и ч. 1 ст. 41 Конституции Болгарии).

Подводя итоги проведенного исследования, сделаем следующие выводы. Категория «народ» является конституционной и формализована в различном объеме всеми из рассмотренных стран Восточной Европы, кроме Словакии. В силу важности данного субъекта конституционных отношений, полагаем, обоснованы нормы-принципы его формализующие. Установлено, что самым распространенным из таких принципов является народовластие в различном проявлении и детализации в аспекте закрепления. О важности свидетельствуют конституционные сопоставления народа и его атрибутов с государственными гарантиями.

Список использованных источников

1. Велиева Д. С. Народ Российской Федерации как субъект конституционно-правовых отношений в сфере управления государством: миф или реальность? // – Вестник СГЮА. 2014. № 1 (96). С. 46-50.
2. Дураев Т. А., Тюменева, Н. В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Том 14. № 3. С. 570-578.
3. Конституция Латвии от 15 февраля 1922 г. // <https://constitutions.ru/?p=176&ysclid=m4fwcjiscy553818671> (дата обращения 02.11.2024 г.).
4. Конституция Венгрии от 18 апреля 2011 г. // <https://constitutions.ru/?p=6509&ysclid=m4fwg9y418709201749> (дата обращения 02.11.2024 г.).
5. Конституция Румынии от 31 октября 2003 г. // <https://romanianpass.com/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D1%80%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%B8-constitutia-romaniei/?ysclid=m4fvc62fei209152790> (дата обращения 02.11.2024 г.).
6. Конституция Албании от 21 октября 1998 г. // <https://constitutions.ru/?p=165&ysclid=m4fveppbq47237493> (дата обращения 02.11.2024 г.).
7. Конституция Литвы от 25 октября 1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=178&ysclid=m4fvfz202p599967914> (дата обращения 02.11.2024 г.).

8. Конституция Болгарии от 13 июля 1991 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=120&ysclid=m4fvhzyxv7359061028> (дата обращения 02.11.2024 г.).
9. Конституция Словении от 23 декабря 1991 г. // <https://constitutions.ru/?p=191&ysclid=m4fv12d31x320605601> (дата обращения 02.11.2024 г.).
10. Конституция Хорватии от 22 декабря 1990 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=107&ysclid=m4fvo4ps5n816750239> (дата обращения 02.11.2024 г.).
11. Конституции Чехии от 16 декабря 1992 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=106&ysclid=m4fvroc3s1993157907> (дата обращения 02.11.2024 г.).
12. Конституции Эстонии от 28 июня 1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=198&ysclid=m4fvqm189p686964868> (дата обращения 02.11.2024 г.).
13. Конституция Польши от 02 апреля 1997 г. // <https://constitutions.ru/?p=182&ysclid=m4fvvvt8u8916146881> (дата обращения 02.11.2024 г.).
14. Конституция Северной Македонии от 17 ноября 1991 г. // <https://constitutions.ru/?p=180&ysclid=m4fw2vwa5x43133589> (дата обращения 02.11.2024 г.).

Власова Ульяна Александровна

Белгородский государственный
национального исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПОЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ГОСУДАРСТВЕННО-ОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной статье исследованы истоки представительства в государстве, рассмотрены прообразы народного и полномочного представительства.

Ключевые слова: представительство, генезис представительства, конституционное право, народное представительство, полномочные представители.

Генезис представительства в конституционном праве отражает процесс его возникновения и развития посредством воплощения в различных формах. Исследование конституционно-правового представительства на разных этапах развития государства способствует более глубокому пониманию сущности данного правового феномена, а значит и пониманию современных концепций представительства. В связи с указанным обстоятельством целью данной статьи является исследование истоков возникновения представительства в государстве.

Прежде, чем говорить о зарождении института представительства в аспекте конституционного права, следует определить сущность представительства.

Так, категория «представительства» в юридической науке встречается в публичных и частных отраслях права, а также активно используется в процессуальных отраслях права.

Феномен представительства пришел в публичное право из частного, в котором данный институт формировался в течении долгого времени. Тем не менее, понимание представительства в частном и публичном праве существенно отличаются [1, с. 143].

Как полагаем, по универсальному мнению С.А. Авакьяна, суть представительства заключается в том, что «физическому или юридическому лицу поручается (или он берет на себя) миссия представлять интересы гражданина, юридического лица, органа публичной власти, какую-либо формализованную или безграничную общность людей, часть территории страны либо все государство» [2, с. 41].

Как видим, в понимании С.А. Авакьяна представительство является определенной формой посредничества, поскольку физическое или юридическое лицо выступает в роли третьей стороны между взаимодействующими между собой субъектами.

Данное обстоятельство особо подчеркивается Е.Л. Невзгодиной, которая рассматривает представительство как «универсальную форму посредничества». Кроме того, отмечая, что в этом качестве оно представляет собой «важнейшую гарантию реального и полного осуществления прав и обязанностей». При этом автор акцентирует внимание на то обстоятельство, что данный аспект касается не только субъектов гражданских прав [3, с. 416].

Институт представительства имеет долгую историю, уходящую корнями в древние времена. Традиционно считается, что институт представительства зародился в рамках частного права, беря свои истоки из римского права. Однако, говоря о возникновении данной категории в публично-правовой сфере, нельзя не согласиться с тем, что «представительство» в качестве государственного и политического понятия существовала с давних времен, вне зависимости от юридического оформления [2, с. 15].

Зарождение представительства в государственной сфере можно проследить на примере народного представительства как одного из наиболее ярких видов представительства, в последствии являющихся конституционно-правовой разновидностью. Зачатки публичного представительства прослеживаются со времен Древней Руси. Одним из первых проявлений участия представителей народа в управлении государством было вече как собой собрание свободных людей, которое принимало решения по ряду особо значимых вопросов, таких как начало войны, заключение мира, выбор князя и по ряду других важных задач.

Так как вече созывалось для решения наиболее важных вопросов, то можно говорить о том, что оно обладало решающей властью. Что касается вопросов организации и порядка проведения таких собраний, то какие-либо конкретно-определенные правила, регулирующие данные вопросы, отсутствовали [4, с. 2692].

Несмотря на то, что вече не являлось формально определенным органом власти, оно играло важную роль в жизни городов и княжеств, предоставляя возможность гражданам выражать свою волю и реализовывать такие функции, как принятие решений по значимым государственным вопросам, осуществление контроля за властью и в некоторых случаях – отправление судебной власти.

Таким образом, есть основания говорить о том, что вече – первый прообраз представительного органа для нашего государства, и первичная форма публичного представительства.

В дальнейшем, под влиянием постоянно укрепляющейся княжеской власти и формированием централизованного государства, заявленное народное представительство претерпело существенные изменения. Вечевая форма сменилась на Земские соборы, которые являлись собраниями представителей различных сословий, созываемыми царем для обсуждения важных государственных дел.

Многие вопросы, выносимые на обсуждение, имели схожесть с теми, которые ранее разрешались посредством вечевой формы – это принятие

решений о начале войны, заключении мира, вопросы налогообложения и другие актуальные вопросы государственной политики того времени. Кроме того, не было четкого нормативного закрепления структуры и компетенции Земских соборов.

О первом законодательном закреплении государственно-правового представительства в России, можно говорить в контексте реформ начала XX века, связанных с созданием Государственной Думы Российской империи. Ключевыми документами, закрепляющими это представительство, стали Манифест от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. и Указ о преобразовании Совета министров от 19 октября 1905 г.

Учреждение Государственной Думы стало смелым шагом в результате проведения реформ, инициированных императором Николаем II после событий 1905 г., которые стали «лакмусовой бумажкой», отражающей необходимость изменений в порядке управления государством. Государственная Дума явилась первым представительным органом в истории России, который был наделен в том числе и законодательными функциями. Так, учреждение Государственной Думы стало неким компромиссом между монархией и обществом, жаждущим либеральных преобразований.

Кроме того, был регламентирован порядок избрания в Первую Государственную Думу (в соответствии с указом императора Николая II от 11 декабря 1905 г. и законом от 20 февраля 1906 г.). Процесс избрания представителей был сложным и многоступенчатым, что отражало стремление власти ограничить доступ к выборам для определенных социальных групп и сохранить контроль над составом Думы, а следовательно, и в какой-то степени контроль над ее мнением.

Таким образом, народное представительство как один из видов конституционно-правового, зародилось еще во времена Древней Руси, в последующем развиваясь с разной степенью интенсивности и, получая воплощение в, разного вида представительных органах.

Но конституционно-правовое представительство не ограничивается вопросами народного представительства, оно значительно шире – реализуемое в различных форматах и разнообразное по формам выражения. К представительству в конституционном праве относится и так называемое «полномочное представительство», когда должностное лицо представляет главу государства, например, в пределах соответствующего федерального округа. Это следует учитывать, в том числе, говоря и о его генезисе.

Применительно к зарождению представительства в таком аспекте следует снова обратиться к периоду Древней Руси.

Так, к полномочным представителям князя в Древней Руси можно отнести посадников, которые выбирались и назначались князем для выполнения административных функций в рамках определенных территориальных единиц. Они выступали в роли представителей князя в отношениях с местными жителями, соседними городами и иностранными посольствами, защищали интересы князя и способствовали укреплению его власти на территории отдельных регионов.

По давности возникновения институт посадничества можно считать настолько же давним, как и сам институт княжения. Первое упоминание о посадничестве относят к 977 г., но фактически оно существовало до этого времени. Уже во времена Рюрика существовала практика раздачи городов и волостей «мужам своим» [5, 137].

Что касается более поздней истории российского государства, то в период Российской империи к полномочному представительству главы государства – императора, можно отнести институт генерал-губернаторства, который возник в XVIII веке. Генерал-губернаторы являлись должностными лицами, назначаемыми императором для управления крупными территориальными единицами, именуемыми «генерал-губернаторствами».

В силу того, что данный институт просуществовал довольно долго (вплоть до XX века), то на протяжении всего этого времени он преобразовывался, а вместе с ним менялся круг полномочий и функции генерал-губернаторов, но суть указанной должности оставалась единой. Генерал-губернаторы были представителями императора, которым делегировалась власть для управления определенными территориями, они подчинялись непосредственно императору и исполняли его волю, обеспечивая связь отдельных территориальных единиц с государственным центром.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что зачатки конституционно-правового представительства имелись уже во времена Древней Руси, а, следовательно, возможно говорить и о том, что именно этот период связан с зарождением представительства. Кроме того, такого рода представительство выражалось в различных видах и формах. Так, например можно говорить о том, что древнерусскому государству были известны прообразы народного и полномочного представительства.

Список использованных источников

1. Черкасов К.В., Осипов Д.А. Представительство (полномочное представительство) государственных органов (должностных лиц) субъектов России: вопросы конституционной теории // Вестник Тувинского

государственного университета. №1 Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1(32). С. 142-148.

2. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: Монография. М. 2022. 484 с.

3. Невзгодина Е.Л. Юридическая сущность представительства // Вестник Омского университета. 2012. № 3(65). С. 415-419.

4. Коврякова Е.В. Вече как форма народовластия у славян: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12(49). С. 2690-2694.

5. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб. 2011. 200 с.

Гаврилина Татьяна Александровна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
аспирант кафедры конституционного и международного права
(Стерлитамак, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации при разрешении споров, связанных с реализацией права на высшее образование. Автором анализируется правотворческая основа актов Конституционного суда.

Ключевые слова: гарантии, судебная защита, право на высшее образование, Конституционный Суд Российской Федерации, правовое регулирование, контроль, защита

В системе гарантий судебной защиты права на высшее образование особая роль отводится деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, который выступает в качестве особой институциональной гарантии указанного права [1, с. 103]. Конституционный Суд – независимый государственный орган, главной целью которого является защита

верховенства и приоритет конституционных норм в рамках правового порядка. Также, неизменность и невозможность обжалования является отличительной чертой постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, в связи с чем они занимают особое место в ряду судебных актов.

Помимо этого, в результате конституционно-судебной реформы, произведенной в 2016 году, постановления органа конституционного правосудия были наделены и регулятивным эффектом, для чего были закреплены субсидиарные гарантии.

В частности, в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации нашли решение ряд дискуссионных вопросов, возникших в правоприменительной практике при реализации права на высшее образование.

В первую очередь, следует выделить Постановление от 17 апреля 2018 года № 15-П/2018 [4], которым Конституционным Судом Российской Федерации был признан неконституционным подпункт «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [8], в соответствии с которым установленная на тот момент система отсрочек от призыва на военную службу не принимала во внимание права лиц, обучающихся по программе магистратуры по очной форме обучения и не имеющих диплома специалиста или диплома магистра, если они уже использовали отсрочку от призыва на срочную службу для завершения обучения в школе и получения аттестата об окончании одиннадцати классов.

Гражданам должна быть предоставлена возможность продолжить обучение на следующей ступени профессионального образования - в магистратуре при выполнении следующих условий:

- государственная аккредитация магистерской программы;
- поступление на программу магистратуры в том же году, когда было принято решение о присвоении лицу квалификации «бакалавр»;
- отсрочка от срочной службы предоставлена с целью завершения обучения по программе среднего общего образования, в предусмотренные законодательством сроки.

Указанное решение суда базируется на обязательстве государства обеспечить закрепленные в законодательстве гарантии для свободного функционирования системы образования. В пункте 3 абзаца 7 Постановления от 17 апреля 2018 года № 15-П/2018 была изложена позиция, согласно которой «установленная федеральным законодателем система отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением образования в целом предполагает предоставление гражданам возможности незамедлительно после получения среднего общего образования продолжить получение

образования по очной форме обучения по имеющим государственную аккредитацию программам профессионального образования: программам среднего профессионального или высшего образования – программам бакалавриата и программам специалитета» [6].

Тем самым Конституционным Судом Российской Федерации была установлена правотворческая дискриминация в отношении права на высшее образование и разрешена коллизия норм подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», которая расходится с содержащимися в статье 43 Конституции Российской Федерации положениями, и конкретизирующими её установлениями статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Следует подчеркнуть, что в настоящее время Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» уже приведен в соответствие с Конституцией Российской Федерации, Это также подчёркивает основополагающую роль Конституционного суда Российской Федерации в правотворческой деятельности государства.

Нормотворчество Конституционного Суда Российской Федерации в части создания правовых гарантий беспрепятственной и эффективной реализации права на получение высшее образование отражено и в других его актах, а именно, в Постановлении от 22 мая 2018 года № 19-П/2018, где в пункте 3 абзаце 7 разъясняется, что система отсрочек, предусмотренная нормативными правовыми актами федерального уровня, гарантирует конституционное право на образование, обеспечивая условия для его реализации, а также предоставление гражданам возможности незамедлительно после получения среднего общего образования продолжить получение образования по очной форме обучения по имеющим государственную аккредитацию программам профессионального образования: программам среднего профессионального или высшего образования - программам бакалавриата и программам специалитета [5].

Вместе с тем, контролирующая роль Конституционного Суда Российской Федерации не всегда приводит к признанию оспариваемого законодательного предписания не соответствующим Основному закону Российской Федерации. Притязание может не иметь под собой правовых оснований. Конституционный Суд Российской Федерации поставил точку, в разрешении дилеммы относительно предоставления права на бесплатное обучение лица по программе высшего образования при условии, если у него уже имеется диплом о высшем образовании, полученный им ранее на договорной основе. По итогам рассмотрения жалобы, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что гражданин РФ не вправе

претендовать на получение бесплатного высшего образования, если у него уже имеется диплом о вузовском образовании, независимо от того, учился ли он ранее на платной или бюджетной основе, в образовательной организации, относящейся к той или иной форме собственности, и независимо от уровня программы (бакалавриат, специалитет, магистратура) (Определение от 30 марта 2023 г. № 743-О) [3]. Опираясь на ранее изложенную позицию в Определении от 5 октября 2001 года № 187-О [2], Конституционный Суд Российской Федерации признал доводы обращения недостаточными для рассмотрения дела по существу. Ранее судебный орган указывал на то, что положения части 3 статьи 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации и пункта 4 статьи 2 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», ранее действовавшего и в настоящее время утратившего силу [7], не расходятся с конституционными гарантиями права на получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования, закрепленное в статье 43 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Законодатель, реализуя свое право на законотворческую деятельность, основывается на принципе разумности и экономических возможностей государства, предоставляя лицам без высшего образования возможность обучения за счет средств соответствующего бюджета по программам высшего образования в вузах, относящихся к различным формам собственности.

На основании вышеизложенного есть основания для вывода о том, Конституционный Суд Российской Федерации сформировал позицию, которая применяется сегодня на практике – гражданам, имеющим диплом о высшем образовании, в нашей стране не гарантирует повторное получение высшего образования за счет бюджетных средств.

Список использованных источников

1. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. – М.: Юрист, 2013. – 404 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 5 октября 2001 г. № 187-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Григоряна Арена Альбертовича, Григоряна Карена Альбертовича и Бадрутдинова Ильнура Минуллоевича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 5 Закона Российской Федерации «Об образовании» и пунктом 4 статьи 2 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // База судебных актов, судебных решений и нормативных

документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 02.11.2024).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 743-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мадатова Олега Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 02.11.2024).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2018 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданина П.А. Спиридонова и запросом Бугульминского городского суда Республики Татарстан» // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 02.11.2024).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2018 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго, третьего, десятого и двенадцатого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга» // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 02.11.2024).

6. Право на образование (собрание правовых позиций Конституционного Суда РФ, декабрь 2021 г.) // ИПС Гарант

7. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4135 (утратил силу).

8. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

Гетьман Ксения Алексеевна
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель
Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ

Аннотация. Статья посвящена анализу норм, касающихся международного общения, в новой редакции Конституции Российской Федерации и сравнения их с аналогичными положениями Конституций стран – членов Содружества Независимых Государств (СНГ): Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики. В условиях глобализации и значимости международных связей, проводимый анализ позволяет выявить ключевые аспекты интеграции международных норм в внутренние правовые системы исследуемых государств. Рассматриваются вопросы приоритета международных договоров, правовой защиты прав и свобод человека, а также правопреемства и участия в межгосударственных объединениях.

Ключевые слова: международное общение, международное право, Конституция, СНГ, глобализация

Конституции и действующее законодательство стран-членов СНГ становятся более разнообразными и ярко представляют специфические национальные и исторические особенности каждого государства. Важным аспектом этих реформ стало включение в основные нормативные акты положений, касающихся международного общения. В условиях глобализации такие международные связи играют ключевую роль в обеспечении мирного сосуществования государств и развитии международных отношений.

Конституция Российской Федерации, как основной нормативный акт страны, определяет ключевые параметры взаимодействия как на внутреннем, так и на международном уровнях. Уже в 2002-2005 годах ряд ученых, таких как Б.И. Шекультиров [1] и Е.Г. Волкова [2], указали на необходимость более

глубокого изучения вопросов регулирования международной деятельности и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Также А.В. Нечкин [3] в 2018 году проводил сравнительно-правовой анализ конституций стран СНГ и других постсоциалистических государств по форме, порядку принятия и способу внесения в них изменений, по закреплённых в них характеристике государства и многим другим аспектам. Несмотря на это, до сих пор отсутствует исчерпывающее исследование, которое бы представило современный анализ норм международного общения в контексте новой редакции Конституции РФ в сравнении их с аналогичными статьями Конституций стран СНГ.

Цель работы заключается в проведении комплексного анализа некоторых норм, посвящённых международному общению, содержащихся в новой редакции Конституции Российской Федерации, и их сравнение с аналогичными положениями Конституций стран-членов СНГ (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика).

Международное общение охватывает широкий диапазон форм и способов коммуникации, направленных на выявление возможностей и совместных интересов для установления дипломатических отношений. Основой международного общения, как в сфере отношений, так и в области связей, служат такие категории как международные отношения, международные договоры и международные связи.

Первыми статьями, по логике повествования конституций, являются положения, касающиеся значения международных норм в правовой системе государств. Часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации утверждает, что международные принципы и нормы, а также международные договоры страны являются частью правовой системы: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [4]. Это показывает высокий уровень интеграции международного права в внутреннее законодательство, а также приоритет международных норм в случае конфликта с законами. Статья 8 Конституции Республики Беларусь подчеркивает приоритет общепризнанных принципов международного права и их соответствие национальному законодательству: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства», в дополнение статья 18 указывает на основные принципы внешней политики, основывающиеся на международном праве, что также демонстрирует

значимость международных норм: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права» [5]. Часть 1 статьи 4 Конституции Республики Казахстан обозначает, что действующим правом являются как внутренние акты, так и международные договоры: «Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Суда и Верховного Суда Республики» [6]. Особое внимание стоит уделить части 3 статьи 4, которая утверждает приоритет международных договоров над национальными законами, что подтверждает важность международного права в правовой системе страны: «Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики» [6]. Часть 3 статьи 6 Конституции Кыргызской Республики аналогично устанавливает международные нормы и договоры как часть правовой системы: «Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры, вступившие в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Порядок и условия применения международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права определяются законом» [7]. Важно отметить, что порядок применения международных норм определяется законом, что может подразумевать наличие определенной процедуры для реализации международных обязательств.

Наличие приоритета международных договоров над национальными законами однозначно видно в Конституциях Казахстана и России, где четко указано на преимущество международной правовой нормы в случае конфликта. В то время как в Конституциях Белоруссии и Киргизии такой приоритет закреплен менее явно, с акцентом на необходимость соответствия национального законодательства общепризнанным принципам. Важной деталью является то, что Казахстан и Киргизия упоминают наличие определенного порядка применения международных норм. Это может указывать на необходимость анализа и адаптации международных обязательств в соответствии с местными условиями и законодательством.

Россия и Белоруссия акцентируют внимание на признании норм и принципов, что может указывать на более прямое их применение.

По смыслу вышеуказанных норм следует упомянуть часть 6 статьи 125 Конституции Российской Федерации: «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу;» [4]. Таким образом, международные договоры не могут быть введены в действие, если они противоречат Конституции Российской Федерации. Аналогичная норма содержится лишь в статье 8 Конституции Республики Беларусь: «Не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции» [5].

Далее рассмотрим положения правовой защиты прав и свобод человека: часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации акцентирует внимание на необходимости использования всех доступных внутренних юридических средств перед обращением в международные органы: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [4]. Это создает важный механизм, позволяющий устранить внутренние правовые несоответствия перед обращением на международный уровень. Положение статьи 61 Конституции Республики Беларусь аналогично российскому, что свидетельствует о схожести правовых систем в этих странах: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Республики Беларусь обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [5]. В отличие от предыдущих актов, часть 2 статьи 13 Конституции Республики Казахстан не упоминает напрямую международные механизмы, сосредотачиваясь на внутреннем правосудии: «Каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод» [6]. Согласно части 5 статьи 58 Конституция Кыргызской Республики позволяет гражданам обращаться в международные органы без предварительного исчерпания всех возможностей внутреннего правосудия: «Каждый человек имеет право обратиться за защитой своих нарушенных прав и свобод в международные органы по правам человека в соответствии с международными договорами, вступившими в силу в установленном законодательством порядке» [7].

Международно-правовой институт правопреемства и правопродолжения был впервые упомянут в новой редакции Конституции Российской Федерации (часть 1 статьи 67.1): «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также

правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации» [4]. В текстах Конституций Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики подобного упоминания нет.

Еще одно понятие и право международного общения – межгосударственные объединения – указано в тексте статьи 79 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации» [4]. Подобная норма нашла своё отражение только в статье 8 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них» [5].

Проведенный анализ норм международного общения в Конституциях Российской Федерации и стран СНГ демонстрирует эволюцию и разнообразие подходов к интеграции международных норм в национальное законодательство. Страны СНГ, принимая во внимание собственные исторические контексты и особенности, развивают уникальные механизмы, обеспечивающие взаимодействие с международным правом. Важно, что несмотря на различия, существуют общие тренды, направленные на установление правовых основ для международного сотрудничества и защиты прав человека. Учитывая современные вызовы глобализации, дальнейшие исследования в этой области способствуют более глубокому пониманию динамики международных отношений и роли национальных правовых систем в их формировании.

Список использованных источников

1. Шекультиров Б. И. Конституционно-правовое регулирование международной деятельности регионов Российской Федерации. – Вестник Адыгейского государственного университета, 2005. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-regionov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.11.2024).

2. Волкова Е.Г. Конституционно-правовое регулирование международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Рос.акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2002. – 23 с.
3. Нечкин А. В. Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств: сравнительно-правовой обзор. – Российское право: образование, практика, наука, 2018. – №5 (107). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-stran-sng-i-drugih-postsotsialisticheskikh-gosudarstv-sravnitelno-pravovoy-obzor> (дата обращения: 05.11.2024).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.11.2024).
5. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 05.11.2024).
6. Конституция Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 05.11.2024).
7. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года) // URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 05.11.2024).

Гучинова Лалина Асланбековна
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:
Стус Нина Владимировна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук
(Краснодар, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В настоящей статье на основе анализа Конституции России и принятого в ее исполнение федерального конституционного законодательства рассмотрены конституционные основы языковой политики в современной судебной системе Российской Федерации. Отмечена значимость соблюдения закрепленных конституционных положений о языковых особенностях судопроизводства, обусловленная возложенной законом на государство обязанностью по защите прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия.

Ключевые слова: конституция, языковая политика, язык, права и свободы, судопроизводство, защита.

«Будущий прогресс общественного государственно-правового развития во многом зависит от верности конституции каждого, к кому она обращена. Необходимо не только желать, но и уметь жить по конституции. Следует учиться правилам и искусству быть верным конституционным принципам и нормам, конституционным идеалам и ценностям» [1, с. 267].

Конституция Российской Федерации в статьях 2, 8, 21 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать, защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности.

Развивая положения о правах и свободах человека в видовом ракурсе, Н.В. Витрук относит данные категории в своих трудах к конституционным ценностям, как и справедливость, свободу, равенство, конституционность, законность, правопорядок и правосудие [2, с. 166].

Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденном Президиумом Верховного Суда 14 ноября 2018 г. разъяснено, что неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения предполагает необходимость их адекватных гарантий. К числу таких гарантий относятся прежде закрепленное в статье 46 основного закона государства право каждого на судебную защиту, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод, которое в силу статьи 56 Конституции Российской Федерации не подлежит ограничению.

Применительно к приведенным положениям М.В. Мархгейм приводит мнение о том, что Конституция России «своей ст. 2 отразила волю государства, взявшего на себя обязанность защищать права и свободы человека и гражданина. Такой ориентир должен прослеживаться в деятельности всех властных структур, что конгруэнтно ст. 18 Конституции ... Это способствует оформлению и реализации конституционной функции российского государства – защищать права и свободы человека и гражданина» [3, с. 4].

Рассуждая о защите прав и свобод человека и гражданина М.В. Мархгейм обращено внимание на то, что «современное конституционное строительство немислимо без учета конституционной позиции о высшей ценности человека, его прав и свобод. Реализация данного постулата связывается нами не с обоснованием значимости прав и свобод, не с уточнением их каталога, а с поисками действенных механизмов их защиты» [3, с. 4].

Соглашаясь с приведенной позицией М.В. Мархгейм, отметим, что формальное закрепление в законе системы основных конституционных прав и свобод человека и гражданина не было бы достаточно эффективным без обеспечения действенного механизма, реально гарантирующего их защиту.

В рамках настоящей работы в качестве названного механизма будут рассмотрены положения действующего конституционного законодательства о языковой политике в судебной системе Российской Федерации, характеризующие в целостном варианте конституционный принцип языка судопроизводства.

Действующие в настоящее время конституционные положения о языковой политике впервые в российской правовой истории новейшего периода получили свое юридическое закрепление в тексте Конституции России 1993 года.

Говоря о Конституции России 1993 г., Н.В. Витрук отмечает, что она «официально закрепила переход к новой общественной системе и установила новый конституционный строй» [4, с. 3].

Из содержания преамбулы и ст. 3 Конституции России следует, что народ, населяющий территорию государства, является многонациональным.

В данном контексте Н.В. Витрук в своих трудах неоднократно отмечал, что Конституция Российской Федерации несет в себе огромный потенциал и, являясь российской ценностью, имеет огромное значение для всего российского многонационального народа [5, с. 13].

Согласно открытым сведениям, размещенным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», по итогам проведенной в 2020 г. Всероссийской переписи населения, список национальностей на территории России насчитывает 145 групп и 49 входящих в них подгрупп [6].

Принимая во внимание приведенные статистические сведения, а также провозглашение Конституцией России населения российского государства многонациональным, закономерно возникает вопрос о предусмотренном законодательством механизме, регламентирующем вопросы языковой политики при осуществлении правосудия в правовом многонациональном государстве.

Для разрешения возникшего вопроса обратимся к содержанию действующей в настоящее время Конституции Российской Федерации. Так, названные положения берут свое начало со ст. 68. В первоначальной редакции приведенная статья провозглашала русский язык в качестве государственного языка Российской Федерации на всей ее территории.

В дальнейшем, в виду принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» ч. 1 ст. 68 Конституции была подвергнута изменениям, одобренным в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года и в настоящее время гласит, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является «русский язык, как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Следует сделать вывод о том, что рассматриваемая статья была дополнена с целью указания на то, что русский язык является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов, проживающих на территории Российской Федерации [7, с. 162].

В ч. 2 названной статьи закреплено право республик устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

Частью 1 ст. 118 Конституции России 1993 г. закреплено, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ затронул содержание и данной статьи, поскольку она была дополнена частью 2 следующего содержания: судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Также ст. 118 была дополнена частью 3, в которой конкретизировано, что судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Таким образом, Законом о поправке к Конституции Российской Федерации в ее ст. 118 закреплены не только виды судопроизводства, посредством которых осуществляется судебная власть, но и закрытый перечень судов, составляющих судебную систему в целом, на которые в том числе возложена обязанность по соблюдению при осуществлении своей деятельности установленных конституционными нормами положений о языковой политике.

Содержащиеся в форме отдельно изложенных смысловых акцентов в тексте Конституции Российской Федерации положения в рассмотренном нами выше аспекте направлены на создание базовой конституционной составляющей для соблюдения языковой политики.

В силу названной части 3 ст. 118 Конституции России судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Как следует из содержания части 1 его ст. 10 в действующей в настоящее время редакции судопроизводство и делопроизводство в Конституционном и Верховном судах Российской Федерации, кассационных и апелляционных судах общей,

судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке – государственном языке Российской Федерации. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

Часть 2 приведенной нормы гласит, что судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации ведутся на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

Согласно части 3 ст. 10 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. участвующим в деле лицам, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

Полагаем принципиально важным отметить, что в названном федеральном конституционном законе получили свое более широкое развитие заложенные в действующей Конституции Российской Федерации положения о языковой политике в судебной системе, как определяющие смысловую и идеологическую направленность содержания отраслевых кодексов в целях единообразного применения норм закона, а также выполнения возложенной на государство обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина от незаконного нарушения, в том числе и обеспечения состязательности судебного процесса путем реализации предусмотренных для лиц, участвующих в судебном разбирательстве и не владеющих языком судопроизводства, гарантий.

Анализ правовых конструкций позволяет сделать вывод о том, что вектор развития языковой политики в судебной системе Российской Федерации всецело обусловлен содержательной составляющей Конституции Российской Федерации, поскольку именно в ней отражены приоритетные направления поступательного развития государства и общества и, как указывает М.В. Мархгейм, «возведены в ранг высшей ценности человек, его права и свободы».

Однако итоговым показателем провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью является фактический показатель выполнения органами государственной власти, в частности органами судебной власти конституционно возложенной на них обязанности по соблюдению языковой политики, ведь как справедливо отмечал Н.В. Витрук в своем труде «Верность Конституции», «в конечном итоге реальная ценность конституции определяется тем, насколько полно реализуются конституционные ценности,

достигаются конституционные цели и идеалы, осуществляются конституционные функции, реализуются установления конституции» [1].

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. – М., 2008.
2. Витрук Н.В. Право, государство и личность в конституционном измерении: (история, доктрина, практика). – М.: Норма, 2012. 688 с.
3. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России / М.В. Мархгейм; Под редакцией Ю.М. Прусакова. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2004. – 312 с.
4. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография – М.: Изд-во РАП, 2008. – 272 с.
5. Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Верность Конституции как концепция конституционного правопонимания Н.В. Витрука // Верность Конституции: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. – М.: РГУП, 2017. – 132 с.
6. Методологические пояснения [электронный ресурс] // <https://rosstat.gov.ru/>.
7. Гучинова Л.А. Принцип языка судопроизводства как элемент советской и российской конституций// Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития. Материалы международной научно-теоретической конференции – XI Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 26-27 апреля 2024 г.). – Белгород, 2024. 282 с.

Дегтярев Сергей Николаевич
Российский государственный университет правосудия
Северо-Кавказский филиал
старший преподаватель кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
соискатель кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОХРАНИТЕЛЬНО-ЗАЩИТНАЯ БРОНЯ ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИИ

Аннотация. Опираясь на конституционные положения, касающиеся института брака, а также связанные с ними содержательно нормы рассмотрены подходы к защите данного института. Поскольку брак как добровольный юридический союз мужчины и женщины порождает права и обязанности супругов, постольку научные конституционно-правовые обоснования защиты прав в полной мере к нему применимы.

Ключевые слова: охранительно-правозащитная деятельность, защита семьи, традиционные семейные ценности

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., реагируя на вызовы и угрозы современности, получила в 2020 г. существенное поправочное дополнение, касающееся защиты «института брака как союза мужчины и женщины» (п. «ж1» ч.1 ст. 72).

Такое конституционное положение может вызвать вопрос о целесообразности закрепления на самом высоком юридическом уровне очевидного. Однако, приведем сопряженное с этим рассуждение М.В. Мархгейм, которое в полной мере поддерживаем. Она пишет: «Еще

недавно была убеждена, что конституционная норма о праве каждого на жизнь излишня и в такой формулировке искажает суть (то ли дело, как представлялось, «право каждого на жизнь гарантируется!»). Однако в последнее время все ярче проявляется «вырождение смыслов», казалось бы, очевидных, естественных вещей. И вот уже насущно потребовалось в Конституции России закрепить, что брак – это союз «мужчины и женщины» (п. «ж1» ст. 72), в проект федерального закона № 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации» включить понятие «родители – мужчина и женщина, отец и мать ребенка» (п. 14 ч. 1 ст. 4)! В русле этих и иных впечатляющих примеров «вырождения смыслов» крепится уверенность не только в уместности конституционного закрепления права на жизнь, но и в необходимости этого» [1, с. 135].

Возвращаясь к конституционной норме, касающейся защиты института брака, отметим, что такое «правозащитное покровительство» отнесено к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ч. 1 ст. 72). Значит, как следует из ч. 2 ст. 76, для регулятивного обеспечения защиты института брака могут приниматься федеральные законы, соответствующие им законы субъектов Российской Федерации и иные нормативные правовые акты этого уровня публичной власти.

Обратим внимание и на содержательное сопряжение включенных в анализируемую норму компонентов. Так, наряду с защитой «института брака как союза мужчины и женщины» в нее логично включены «ж1) защита семьи, материнства, отцовства и детства; ... создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях;».

Следует акцентировать и следующие основополагающие и правозащитные аспекты. Основополагающая их группа представлена в главе первой Конституции России «Основы конституционного строя» (статьи 1-16), а правозащитная – во второй главе «Права и свободы человека и гражданина» (статьи 17-64). Так, следствием конституционного определения Российской Федерации в качестве социального государства (ч. 1 ст. 7) выступает одно из направлений конкретизации, а именно – обеспечение поддержки со стороны государства «семьи, материнства, отцовства и детства» (ч. 2 ст. 7).

В продолжение конституционной нормы о высшей ценности в России человека, его прав и свобод (ст. 2) установлен «заградительный барьер», запрещающий дискриминацию по любым основаниям (ч. 2 ст. 19), в том числе по состоянию/не состоянию в браке, а также сделан дополнительный

акцент на равных правах мужчин и женщин и равных возможностях их реализации (ч. 3 ст. 19), в том числе в браке.

С опорой на ч. 2 конституционной ст. 7, сформулирована ст. 38, согласно которой под защитой государства находятся «1. Материнство и детство, семья...». Установление такой защиты не исключает соответствующей роли родителей. Так, установлено, что «2. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». При этом новой конституционной статьей 67¹ определено, что «4. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России... Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». Следовательно, у государства, взявшего на себя обязанности родителей в отношении таких детей, есть не только обязанности, но и права.

Конкретизация обеспечительной деятельности со стороны Российского государства представлена в рамках полномочий федерального Правительства (ст. 114). Так, оно «в) обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области... социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей...».

Проведенный анализ показал, что в отношении института брака (как союза между мужчиной и женщиной), а также содержательно связанных с ним институтов конституционно использованы такие лексические версии, как «обеспечение», «гарантирование», «поддержка», «укрепление», но чаще всего «защита». Трактовавкам последней и уделим внимание, отметив, что это направление разрабатывалось преимущественно в отношении прав и свобод человека. Но учитывая, что вступление в брак как добровольный союз мужчины и женщины является правом, включая его прекращение, такое сопряжение представляется корректным.

Итак, в современной юридической литературе наблюдается разграничение понятий охраны и защиты применительно к конституционным правам. «Права и свободы охраняются по умолчанию, а защищаются лишь в тот момент, когда нарушаются. То есть защита представляет собой момент охраны, одну из ее форм» [2].

Тихонова Б.Ю. под защитой понимала принудительный в отношении обязанного лица законный способ восстановления нарушенного права человека либо самим управомоченным лицом, либо компетентными органами» [3].

По мнению В.А. Тархова, «охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его

нарушение. К защите же права появляется необходимость прибегнуть лишь при его нарушении, оспаривании либо угрозе нарушения» [4, с. 259-260].

В широком содержательном смысле, включая охрану, А.М. Ларин определяет защиту как «противодействие противоправным ограничениям и нарушениям прав, свобод и интересов личности, предупреждения данных нарушений и ограничений, а также возмещение вреда, если не получилось предупредить или отразить нарушения и ограничения» [5, с. 169]. Подобное определение, по мнению М.В. Мархгейм, «дано в контексте сложившегося подхода, когда защита рассматривается частью правоохранительной деятельности, что не способствует специальной разработке и углублению собственно правозащитного направления во всех его проявлениях» [6, с. 17-18].

Самостоятельность защитной функции государства обосновывается посредством выявления ее специфических свойств, что достигается путем сравнения ее с охранительной [7]. В центре и охранительных, и защитных действий государства, исходя из конституционных приоритетов, находятся в первую очередь человек и гражданин, а также само государство и его различные структуры. И охранительная, и защитная функции государства призваны обеспечить установление режима законности как системного состояния правового государства, как условия защиты прав и свобод человека. Это общий знаменатель названных функций [6, с. 22].

Например, В.Н. Бутылин под защитой понимает «принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами в целях восстановления нарушенного права» [8]. Однако это определение, по справедливому замечанию М.В. Мархгейм, «не учитывает такого конституционного института, как самозащита, который не всегда сопряжен с правозащитной деятельностью компетентных органов» [6, с. 19].

Еще один подход отличен тем, что «охрана представляет собой более широкое понятие, включающее все юридические средства обеспечения прав и интересов личности. Защита – это определенные меры, предусмотренные в законе на те случаи, когда право уже нарушено. Защита является видом охраны, ее частным проявлением» [9, с. 49; 10].

Отождествление охраны и защиты озвучено И.В. Ростовщиковым, когда он указывал, что «потребность в охране (защите) прав и свобод личности возникает, как правило, в случаях их нарушений, будь то создание препятствий на пути их реализации, отказ в признании за лицом права, неисполнение кем-либо юридической обязанности как коррелята права и др.» [11, с. 30].

По словам Н.В. Витрука, различие правовой охраны и правовой защиты связано с содержанием. «Защита правового статуса, его элементов составляет часть его охраны, правозащитная деятельность входит в состав и завершает достижение конечной цели всей правоохранительной деятельности» [12, с. 363]. При этом цель правовой защиты «состоит в устранении препятствий в реализации правового статуса, в восстановлении нарушенных прав и обязанностей, а также в наказании виновных правонарушителей в надлежащих случаях» [12, с. 364]. Соответственно, по версии Н.В. Витрука, есть основания «говорить о единой правоохранительной деятельности органов публичной власти и их должностных лиц», но им отдано «предпочтение термину охранительно-защитной публичной деятельности» [12, с. 366].

Обобщая изложенное, отметим, что институт брака, конституционно прописанный как союз мужчины и женщины, получил дополнительную конституционную защиту. Исходя из признания брака добровольным юридическим союзом с целью создания семьи, который порождает права и обязанности для обоих супругов, научные рассуждения и выводы ученых-конституционалистов относительно защиты прав и правозащитной деятельности в полной мере к нему применимы.

Список использованных источников

1. Мархгейм М.В. Лексические оболочки «жизни»: конституционный релиз России // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 134-138.
2. Курданов В.О. Реализация защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 38-40.
3. Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 22 с.
4. Тархов В.А. Гражданское право. Чебоксары, 1997. 330 с.
5. Общая теория прав человека / В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин и др. ; рук. авт. коллектива и отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма, 2006. 509 с.
6. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в России: опыт системного конституционного осмысления. Ростов-на-Дону, 2003. 353 с.
7. Мешкова О.Е. Роль функций государства в формировании предметного и функционального критериев выделения отраслей в системе права // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 3. С. 82-85.

8. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 80-91.
9. Миронов О.О., Парфенов В.П. Право на защиту. Саратов, 1988. 78 с.
10. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. 165 с.
11. Ростовщиков И.В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел. Волгоград, 1996. 97 с.
12. Витрук Н.В. Теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008, 448 с.

Дорофеев Александр Владимирович
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
соискатель

Научный руководитель:
Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

СТИМУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового стимулирования государственных служащих в первые послереволюционные годы – после фактического отказа в 1918 году советской власти от принципа равной платы за труд, т.е. от марксистской концепции уравнительной, рационализированной и распределяющей справедливости.

Ключевые слова: стимулирование, советское право, привилегии, льготы, государственная служба

Правовое стимулирование – это комплекс мер и действий, направленных на создание условий, при которых участники общественных отношений выбирают наиболее приемлемые и полезные варианты поведения с точки зрения как общественных, так и личных интересов. Основная цель

правового стимулирования заключается в том, чтобы облегчить и сделать привлекательным выбор правомерного поведения, формируя внутреннюю установку и уважение к закону у индивидов. К основным аспектам правового стимулирования, как правило, относят создание ориентирующей ситуации (правовые стимулы моделируют условия, в которых участники общественных отношений действуют в рамках правовых предписаний, не подавляя при этом их личную волю) и использование позитивных форм регулирования (дозволения, субъективные права, свободы и обязанности, а также предоставление льгот и преимуществ, что стимулирует активное и сознательное участие в общественной жизни).

Практически сразу после прихода к власти, в 1918 году, большевики фактически отказались от принципа эгалитаризма – по совершенно очевидным, на наш взгляд, причинам:

Советские власти отказались от строгого принципа эгалитаризма при оплате труда по нескольким причинам:

1. Реальная необходимость стимулирования: первоначально советская власть стремилась к уравниванию доходов, но быстро осознала, что для эффективного функционирования государства необходимо стимулировать качественную работу и лояльность трудящихся. Без стимулов оказалось сложно поддерживать высокий уровень производства и мотивации работников.

2. Эволюция государственной политики: с первых лет существования советского государства стало ясно, что проверенные веками методы стимулирования труда необходимы. Это привело к формированию нормативно-правовой базы, регулирующей оплату труда государственных служащих и стимулирование их качественной работы.

3. Введение дифференцированной системы оплаты труда: советское государство начало внедрять дифференцированный порядок оплаты труда, который сопровождался снижением заработной платы и пенсий у отдельных слоев населения. Это было проявлением идеи «угнетения угнетателей» и попыткой создать справедливость через перераспределение доходов.

4. Марксистско-ленинская формула: хотя принцип «каждому по его потребностям, от каждого по его способностям» был основополагающим, на практике оказалось, что справедливость, основанная на распределении по труду, не всегда обеспечивает достаточный уровень качества производства и мотивации работников.

5. Необходимость материального стимулирования: в условиях молодого пролетарского государства стало важным финансировать и стимулировать те категории трудящихся, от которых зависело выживание и

развитие государства. Это включало как материальные стимулы (надбавки к окладу), так и нематериальные (предоставление жилья).

Декрет СНК РСФСР от 27 июня 1918 года ввел двухступенчатую систему дифференциации должностей служащих [1], что позволило официально регулировать разницу в окладах и внедрять скрытые формы стимулирования для высших рангов государственных служащих – таким образом, несмотря на первоначальные стремления к равенству, советские власти были вынуждены отказаться от строгого принципа эгалитаризма и внедрить систему стимулов и дифференцированных окладов для поддержания и развития государства.

В первые годы функционирования советского государства преимущественное внимание уделялось материальному стимулированию деятельности госслужащих и решению их социальных проблем, что было обусловлено первоочередной задачей обеспечения лояльности служащих новой властной элите. Материальное стимулирование госслужащих (на основе территориального и категориального деления) в первые годы советской власти осуществлялось путем включения соответствующих надбавок и выплат в структуру оклада. Нематериальное стимулирование в виде набора мер поощрения (вынесение благодарности, награждение орденами и медалями, присвоение почетных званий и государственных премий и проч.) в системном виде было сформировано в более поздний период.

Основные нормативные акты, которые заложили основы правовой регламентации института стимулирования, были приняты советской властью в числе первых. Это – Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа [2], Кодекс законов о труде [3], ранее уже упомянутый Декрет СНК «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений», Постановление СНК «О порядке выплаты жалования служащим правительственных учреждений» [4] и ряд иных актов, принятых на их основе и развивающих их положения. Целевой установкой данных актов являлось введение единого, унифицированного категориального деления сотрудников, конкретизация размеров их должностных окладов и формирование единого механизма оплаты и стимулирования труда госслужащих. Причем дифференциация служащих на категории проводилась не только на основе оценки уровня квалификации, а «исходя из необходимого прожиточного уровня, сложности и точности работ, условий труда и опасности производства». Сам факт установления категорий работников (служащих) свидетельствует о наличии в системе стимулирования их деятельности в первые годы советской власти таких

разновидностей стимулов как материальные надбавки и выплаты, а также организационные (статусные) стимулы.

Следовательно, в конце 1917 и в течение 1918 гг. выстраивается достаточно последовательный и целостный механизм правового регулирования материального обеспечения и стимулирования советских госслужащих, уточняются процедуры организации нормотворческой деятельности высших органов государства и отдельных наркоматов в данной сфере, происходит сокращение числа нормативных актов по этому поводу, а также универсализация правового регулирования оплаты и стимулирования деятельности значительного количества категорий служащих или работников целых отраслей.

Официально заработная плата всех категорий служащих в этот период исчислялась по тарифным ставкам в зависимости от категории и разряда в соответствии с занимаемой должностью без выплаты явных премиальных и других надбавок. Однако, как показывает анализ нормативных документов, материальное стимулирование в это период носило скрытый характер: соответствующие надбавки и доплаты закладывались в должностные оклады изначально. Повсеместное введение категориального деления госслужащих позволяло реализовать задачу высокой оплаты труда ценных специалистов и руководящих работников.

Итак, становление и эволюция института правового стимулирования деятельности государственных служащих в первые годы советской власти находились в тесной и непосредственной связи с социально-экономическими и общественно-политическими условиями функционирования нового советского государства, процессами перестройки всего госаппарата и формирования института государственной службы на новых началах.

Список использованных источников

1. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об оплате труда служащих и рабочих Советских учреждений. Опубликовано в № 227 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 18 октября 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1038-1041.
2. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 234-235.
3. Кодекс законов о труде // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1229-1248.

4. Постановление Совета Народных Комиссаров. О порядке выплаты жалованья служащим правительственных учреждений. Опубликовано в № 104 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 25/12 мая 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 514.

Елизаров Евгений Дмитриевич
Юго-Западный государственный университет
аспирант кафедры теории и истории государства и права
(Курск, Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Настоящая статья посвящена общетеоретическому рассмотрению одного из видов юридического процесса позитивного характера – учредительного юридического процесса, научное освоение которого пока недостаточно. Исходным для этого является доктринальный подход к понятию юридического процесса в целом, что позволило определить сущность и содержание учредительного процесса, а также предложить его авторское определение, как процессуальной стадийной деятельности особого субъектного состава по созданию (формированию), преобразованию или ликвидации государственных органов, учреждений и их должностных лиц.

Ключевые слова: юридический процесс, учредительный процесс, сущность, содержание, процессуализация, специфика

Название настоящей статьи в решающей степени предопределяет первоначальное рассмотрение понятия самого юридического процесса, о котором в юриспруденции имеется немало трудов. Тем не менее, ученые так и не пришли к единому знаменателю как в определении этого правового феномена (категории), так и в его сущности и содержании, что во многом объясняется широким и узким подходами к уяснению юридического процесса. Как представляется, базовое определение юридического процесса как комплексной логически единой системы знания о всех правовых формах государственной деятельности было дано в книге «Теория юридического процесса» под общей редакцией профессора В.М. Горшенева: «Юридический процесс – это комплексная система органически взаимосвязанных правовых

форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники» [1, с. 8].

Все научные подходы к определению юридического процесса можно сгруппировать по таким направлениям, как юрисдикционная и иная охранительная деятельность органов правосудия; юрисдикционная и иная охранительная деятельность уполномоченных государственных органов; вся правоприменительная и правотворческая деятельность компетентных органов; процесс реализации материально-правовых норм; любая юридическая деятельность публичных органов (правотворческая, правоприменительная, учредительная и т.д.). Таким образом, все многообразие правовых форм деятельности (юридической деятельности) опосредуется юридическим процессом, осуществляемым уполномоченными субъектами в специальной процедурно-процессуальной форме.

В ряду вышеназванных форм юридической деятельности (правотворчество, правореализация, контрольно-надзорная и т.д.) обратимся к такой из них, как учредительная, реализуемая в соответствующем процессе – учредительном. Уже названный В.М. Горшенев в свое время предложил такую видовую классификацию юридического процесса по функциональному признаку: учредительный, правотворческий и правоприменительный процессы. По его мнению, учредительный процесс – это «специфическая деятельность уполномоченных органов государства, должностных лиц и общественных организаций по реализации норм материального права, устанавливающих их правомочия по формированию, ликвидации и преобразованию органов государства, должностных лиц и иных субъектов права. ... Выражается в совершении действий по подготовке условий, организации, проведении выборов или назначении и утверждении соответствующих учредительных результатов» [2, с. 5]. Эта позиция указанного ученого была повторена в книге о теории юридического процесса, в которой учредительный процесс был определен аналогичным способом [1, с. 65-66].

Следовательно, учредительная деятельность (одноименный процесс) – это, прежде всего, соответствующая деятельность специального ряда

субъектов, которая выражается в реализации норм материального и процессуального права в целях формирования, преобразования или упразднения органов государства, их структурных подразделений, должностных лиц. Одной из главных целей учредительного процесса является кадровое обеспечение органов власти и управления, их должностных лиц. Попутно заметим, что к учредительной юридической деятельности самым тесным образом примыкает понятие учредительной власти, особенно в части процессуальной: учредительная власть реализуется в определенном порядке, как и учредительный процесс представляет собой процессуальный порядок соответствующих действий и операций (деятельности) [3].

Обращаясь к рассмотрению учредительного процесса непосредственно, отметим, что в сравнении с другими видами юридического процесса внимание ученых к нему явно недостаточно. В отдельных работах учредительный процесс лишь упоминается [4, с. 2, 7, 8, 14]. И только одна из них выполнена на кандидатском уровне, но она посвящена учредительному процессу только в представительном органе муниципалитета [5]. Тогда как с общетеоретических позиций, с использованием понятий и категорий, отражающих сущность и содержание, роль и значение, функционал, принципы и т.д. учредительный процесс не исследовался, хотя необходимость его научного освоения и практическая значимость бесспорны, и вот почему.

Современный этап развития нашего государства, характеризующийся радикальными преобразованиями, трансформациями и модификациями всех сфер его жизнедеятельности, с необходимостью влекут за собой как институализацию, так и новеллы правовой жизни, в частности, дальнейшую процессуализацию, поднятие ее на должный уровень правоуправленческой государственной деятельности. Именно в этом направлении наличие научно обоснованного, полноценного регламентированного правом учредительного процесса играет свою неопределимую роль, в том числе и в процессуально-правовом регулировании общественных отношений и его механизме, где юридическому процессу во всех его разновидностях отводится роль важнейшего процессуального средства [6, с. 168].

Итак, в чем заключается сущность учредительного процесса, как одного из видов процесса юридического в целом. Конечно же, этот процесс как производный от юридического процесса вообще вообрал в себя соответствующие признаки: нормативность, процессуальные нормы и правоотношения, специальный субъектный состав и т.д. Однако учредительный процесс имеет и свои особенности, что позволяет

отграничить его от других, прежде всего, юрисдикционных видов юридического процесса. Здесь главное заключается в том, что в ходе учредительного процесса не рассматриваются и не разрешаются по существу юридические дела и правовые споры. Его сущность проявляется в диалектическом взаимодействии действий органов публичной власти, применяющих нормы материального и процессуального права, направленном на создание (формирование), реорганизацию и ликвидацию государственных органов и учреждений, должностных лиц.

Отсюда вытекает и своеобразие содержания учредительного процесса, который в полной мере нельзя отнести к правоприменительному типу юридического процесса. Для учредительного процесса характерно не только реализация норм права (правоприменение), но и соблюдение запретов (к примеру, на замещение или совмещение определенных должностей), а также исполнение обязанностей и использование прав. Наряду с этим, содержание учредительного процесса характеризуется особым нормативно установленным порядком реализации властных полномочий соответствующих государственных органов и лиц, определенным перечнем субъектов этого процесса и другое.

Что же касается структуры учредительного процесса, то в основном она классическая, соответствует структуре любого вида юридического процесса и включает в себя процессуальные производства, стадии и режим, конечно же, со своей спецификой.

В заключение предлагается следующее определение понятия учредительного процесса: это один из позитивных видов юридического процесса, представляющий собой материально-процессуальное правовое образование, сущностью и содержанием которого является процессуальная стадийная деятельность особого субъектного состава по созданию (формированию), преобразованию или ликвидации государственных органов, учреждений и их должностных лиц.

Список использованных источников

1. Теория юридического процесса / [В. М. Горшенев, В. Г. Крупин, Ю. И. Мельников и др.]; Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков: Вища шк.: Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. 192 с.
2. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: Межвузовский тематический сборник / под ред. В.М. Горшенева. Ярославль: Изд-во Ярослав. Гос. Ун-та, 1979. С. 3-10.
3. Балагурова Н.Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации //

Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145).
Право. Вып. 18. С. 14-19.

4. Пойминова Я.В. Регистрационно-правоустанавливающая форма государственной деятельности в России: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. 27 с.

5. Гиниятуллина Л.Н. Учредительный юридический процесс в представительном органе муниципального образования: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 204 с.

6. Беляев В.П., Нинчиева Т.М., Беляева Г.С. Общая теория процессуально-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 296 с.

Киреев Кирилл Петрович

Белгородский государственный
национального исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАБЛЮДАТЕЛЯХ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье на основе анализа российских правовых источников исследован генезис специального законодательного регулирования статуса общественных наблюдателей / наблюдателей в избирательном процессе; определены соответствующие законодательные модели; представлены авторские предложения по совершенствованию современного законодательства в заявленном аспекте.

Ключевые слова: общественный наблюдатель, наблюдатель, избирательный процесс, защита, голосование.

Наблюдатели / институт наблюдателей в избирательном процессе обоснованно находятся в центре научного внимания. В теории типична их характеристика в качестве неотъемлемых субъектов избирательных

правоотношений [1, с. 94]. Такой вывод можно сделать и из статистических данных. К примеру, за выборами Президента России в 2024 г. наблюдали 333,6 тыс. человек, из них более 700 – из 106 стран [2].

Полагаем, многогранность функционально-телеологической деятельности позволяет их рассматривать как форму / институт общественного контроля [3, с. 106-111] за избирательным процессом [4, с. 44-52], олицетворение принципа гласности при проведении выборов [5, с. 82-92], как фактор легитимации власти в современной России [6, с. 121-130] и др. На наш взгляд, перечисленные грани правового статуса наблюдателей в избирательном процессе дополнит и генезисный аспект специального законодательного регулирования. В этой связи в рамках данной работы обратимся к исследованию развития законодательства о наблюдателях в электоральных правоотношениях современной России.

Уточним, что в первом из рамочных федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» положения о наблюдателях были рассредоточены по разным статьям, посвящённым образованию избирательных участков (ст. 10), гласности в деятельности избирательных комиссий (ст. 14), порядку голосования (ст. 30), подсчету голосов избирателей участковыми избирательными комиссиями (ст. 31), установлению результатов выборов (ст. 32), опубликованию итогов голосования и результатов выборов (ст. 33).

Установления о наблюдателях касались следующих ограниченных аспектов [7]:

- обеспечение доступа наблюдателей в помещения избирательных участков (ст. 10);

- права наблюдателей (направленных общественными и избирательными объединениями, кандидатами, а также иностранных (международных) наблюдателей) присутствовать с момента начала работы участковой избирательной комиссии и до подписания ее членами протокола об итогах голосования, на избирательных участках (ст. 14); участвовать при проведении голосования вне помещения для голосования (ст. 30); требовать у участковой и окружной избирательной комиссии предоставить им заверенную копию протокола об итогах голосования (ст.ст. 31, 32);

- удаление наблюдателя из помещения для голосования, если он нарушает тайну голосования или пытается повлиять на волеизъявление избирателя (ст. 30);

- извещение наблюдателей о начале подсчета голосов избирателей (ст. 31);

– присутствие наблюдателей при установлении итогов голосования и результатов выборов в избирательных комиссиях всех уровней (ст. 32);

– предоставление для ознакомления любому наблюдателю итогов голосования по каждому избирательному участку, результатов выборов по избирательному округу (ст. 33) и пр.

В продолжение общих норм был принят специальный Федеральный закон от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В сравнении с рамочным федеральным законом нормы о наблюдателях были приращены, но также были рассредоточены в различных статьях [8].

В части приращения уточнялось, что «в день голосования кандидат в депутаты, избирательное объединение, избирательный блок вправе назначить в соответствующие участковые избирательные комиссии по одному наблюдателю, который имеет право находиться в помещении для голосования с начала голосования до окончания оформления документов об итогах голосования и получать заверенные копии этих документов» [8]. Расширение прав наблюдателей коснулось процедуры голосования (ст. 58), подсчета голосов избирателей на избирательном участке (ст. 59), установления итогов голосования территориальной избирательной комиссией (ст. 60), определения результатов выборов в одномандатном избирательном округе и установления итогов голосования по федеральному избирательному округу (ст. 61), опубликования итогов голосования и результатов выборов депутатов Государственной Думы (ст. 65)

В ст. 69 рассматриваемого закона предусматривалась административная или уголовная ответственность для лиц, препятствующих законной деятельности наблюдателей, в том числе иностранных (международных) наблюдателей.

В 1996 г. был принят федеральный закон об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления». В нем лишь одна статья была посвящена статусу общественных наблюдателей (ст. 19) [9].

Принятие в 1997 г. рамочного Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ознаменовало появление современной модели регламентации статуса наблюдателей, когда дается определение существующих разновидностей наблюдателей, основные нормы о них сосредоточены в статье, посвященной гласности в деятельности избирательных комиссий [10].

Так, в ст. 2 названного федерального закона были легализованы определения наблюдателя, иностранного (международного) наблюдателя. После дефиниций наблюдателей на выборах и референдуме лаконично перечислялись их права.

В норме о гласности в деятельности избирательных комиссий, комиссий референдума ч.ч. 9 и 10 устанавливали уже развернутый перечень прав и ограничений для избирателей (ст. 26). В данной же норме фиксировались векторы определения статуса иностранных (международных) наблюдателей в России.

С 1999 г. по 2005 г. в соответствии с обновленным рамочным федеральным законом были приняты специальные федеральные законы о выборах федерального уровня.

В частности, в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» положения о статусе наблюдателей уже соответствовали модели рамочного федерального закона 1997 г. и были сосредоточены в статье о гласности в деятельности избирательных комиссий (ст. 29) [11]. При этом, статусу иностранных (международных) наблюдателей была посвящена самостоятельная ст. 30. Аналогичный подход был применен в Федеральном законе от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ст.ст. 21 и 22) [12].

С принятием Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» произошла важная трансформация в подходе к регулированию статуса наблюдателей – появилась самостоятельная Глава 4 «Наблюдатели, иностранные (международные) наблюдатели, представители средств массовой информации» с самостоятельными же статьями о наблюдателях (ст. 30) и международных наблюдателях [13]. Как нам представляется, такой подход более адекватен и подчеркивает значимость наблюдателей в избирательном процессе. На наш взгляд, именно такой подход должен распространяться и на рамочный федеральный закон 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Включение норм о наблюдателях в статью о гласности деятельности избирательных комиссий можно интерпретировать по-разному, как в положительном ключе (обязательства избирательных комиссий перед наблюдателями), так и в отрицательном ключе (контекстное упоминание самостоятельных участников избирательного процесса). Как нами неоднократно уже аргументировалось, в связи с появлением новых разновидностей

функционала наблюдателей (дистанционное электронное голосование), целесообразно изменить регулятивный подход в федеральном законе 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, обособив специальную главу, посвященную статусу наблюдателей.

Список использованных источников

1. Избирательное право Российской Федерации / под ред. И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. М.: Издательство Юрайт, 2024. 334 с.
2. <https://iz.ru/1665620/2024-03-15/pamfilova-soobshchila-o-bolee-330-tys-nabliudateliakh-na-vyborah-prezidenta-rf> (дата обращения 11.10.2024 г.).
3. Галкин Д.В. Институт наблюдателей на выборах как форма общественного контроля // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 106-111.
4. Чепкасов Р.А. Наблюдатель на выборах как институт общественного контроля за избирательным процессом // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 8-1. С. 44-52.
5. Дастан уулу У. Наблюдатель как олицетворение принципа гласности при проведении выборов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2019. Т. 19. № 11. С. 89-92.
6. Егорова А.В. Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России // Управленческое консультирование. 2019. № 5 (125). С. 121-130.
7. Федеральный закон от 06.12.1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.
8. Федеральный закон от 21.06.1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. от 17.11.1998 г.) // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398.
9. Федеральный закон от 26.11.1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» (утратил силу) // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5497.
10. Федеральный закон от 19.09.1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339.
11. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3178.

12. Федеральный закон от 31.12.1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ред. от 21.03.2002) // СЗ РФ. 2000. № 1 (ч. II). Ст. 11.
13. Федеральный закон от 18.05.2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919.

Коваленко Александр Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и административного права;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университета
ассистент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права
(Пермь, Россия)

НЕФОРМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ПРИЗНАК СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается неформальный характер как признак согласительных процедур, используемых Президентом Российской Федерации. Анализируются доктринальные подходы к данному признаку и его значение в качестве одного из основополагающих признаков согласительных процедур, используемых Президентом Российской Федерации.

Ключевые слова: неофициальный характер, согласительные процедуры, Президент

Согласительные процедуры, используемые Президентом Российской Федерации (далее – Президент), как и любой другой объект изучения, имеют свои специфические признаки. Данные признаки подразделяются на первичные, которые присущи изучаемому явлению всегда, и вторичные, которые носят факультативный характер. К первичным признакам согласительных процедур, используемых Президентом, можно отнести: специфический субъект использования, наличие специфических органов и должностных лиц, содействующих Президенту в реализации данного права, специфическую цель использования и иные признаки.

Помимо вышеуказанных признаков в доктрине выделяются и иные первичные признаки. Одним из таких признаков является неформальный характер согласительных процедур, используемых Президентом. Так,

Л.А. Окуньков пишет, что «отличительная черта согласительных процедур проявляется в их неформальном характере» [1, с. 44], ученый также отмечает факультативность выбора таких процедур. Другой ученый Е.А. Быкова, также пишет о неформальном характере согласительных процедур [2, с. 88]. Стоит отметить, что вышеуказанные ученые выделяют неформальный характер как отличительный признак согласительных процедур, однако не раскрывают содержание неформального характера данных процедур. В связи с этим возникает вопросы, что понимать под неформальным характером согласительных процедур и обладают ли такие процедуры неформальным характером?

Для того чтобы понять, присущ ли неформальный характер согласительным процедурам, используемым Президентом, необходимо уточнить, что понимается под неформальным характером. Так, согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, одним из значений слова «неформальный» является «не утвержденный в законном порядке, не признанный официально» [3]. В толковом словаре А.С. Кузнецова под формальным также понимается «официальный, законный, произведенный в принятом законом порядке» [4, с. 1429]. Стоит отметить, что одним из синонимов понятия неформальный является понятие неофициальный. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой «неофициальный» понимается как «не имеющий официального значения, лишенный официальности» [5, с. 462], при этом одно из значений понятия «официальный» определяется как «установленный правительством, администрацией, должностным лицом и т.п. или исходящий от них» [5, с. 726]. Таким образом, под неформальным характером того или иного явления можно понимать отсутствие связи данного явления с государством и регулирование данного явления неформальными нормами, которые исходят не от государства.

Рассматривая неформальный характер согласительных процедур именно в трактовке установления и закрепления их государством, можно обозначить проблему. Проблема заключается в том, что однозначно определить наличие или отсутствие неофициального характера у согласительных процедур затруднительно. С одной стороны, использование согласительных процедур Президентом закреплено в Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актах, в частности в Указе Президента Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 337 (ред. от 25 декабря 2014 г.) «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах», где определены органы и должностные лица, содействующие Президенту в использовании согласительных процедур, указана разновидность согласительных процедур – согласительные

комиссии, а также в ч. 1 ст. 85 Конституции Российской Федерации определены основания использования таких процедур. С другой стороны, порядок и формы проведения согласительных процедур Президентом в законодательстве четко не определены. Законодателем неоднократно проводились попытки принять нормативный правовой акт, который бы регулировал использование согласительных процедур в рамках конституционных конфликтов, однако Правовое управление Государственной Думы Российской Федерации отмечало серьезные недостатки в проектах таких федеральных законов. Согласно заключениям Правового управления, решение об использовании согласительных процедур применительно к каждому конкретному случаю возникновения разногласий является прерогативой самого Президента Российской Федерации и не является предметом регулирования Федерального закона [6], таким образом, законодателю не стоит пытаться официально регулировать данный процесс. Вышеуказанное не позволяет однозначно сказать о наличии такого основополагающего признака у согласительных процедур, используемых Президентом, как неофициальный характер, в силу факта закрепления основных положений о таких процедурах в законе.

Вопрос о неформальном характере согласительных процедур, используемых Президентом, неизбежно поднимает проблему соотношения таких процедур с системой разделения властей. Согласительные процедуры могут рассматриваться как инструмент, позволяющий Президенту сохранять баланс между органами различных ветвей власти при наличии между ними разногласий. Если же говорить о том, что согласительные процедуры, используемые Президентом, носят неофициальный характер, то возникает проблема уместности наличия у Президента соответствующего полномочия по их использованию, и возникает вопрос – не вызовет ничем не урегулированное использование таких процедур дисбаланс между ветвями власти? В одном случае можно ответить отрицательно, т.к. согласно ч. 7 ст. 93 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» органы государственной власти не лишаются права обратиться в Конституционный Суд, если использование согласительных процедур не привело к разрешению разногласий. В другом случае на вышеставленный вопрос можно ответить положительно в силу того, что наличие неформальных конструкций так или иначе может пошатнуть систему сдержек и противовесов.

Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что первичным (основополагающим) признаком согласительных процедур, используемых

Президентом, является неофициальный характер, и что такой признак присущ или может быть присущ им. На основании всего изложенного видится более разумным отнести неофициальный характер к вторичным (факультативным) признакам согласительных процедур, который присущ согласительным процедурам, используемым Президентом, которые не упоминаются и проведение которых не урегулировано законодательством.

Список использованных источников

1. Окуньков Л.А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1996. 240 с.
2. Быкова Е.А. Согласительные процедуры как особенность полномочий Президента Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 3(35). С. 87-89.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 27.10.2024).
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 2. М.: Русский язык, 1985–1988. 1986. 736 с.
6. Заключение по проекту Федерального закона № 350790-3 «О согласительных процедурах для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации», внесенному Государственным Собранием – Курултаем – Республики Башкортостан» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/350790-3?ysclid=m3fxwqivrj483595261> (дата обращения: 27.10.2024).

Лукьянова Ирина Юрьевна
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
соискатель кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ФОРМЫ ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье обозначается проблема отсутствия в научном сообществе и на уровне законодательства форм правозащитного ограничения прав и свобод личности. Наличие названной проблемы оказывает негативное воздействие на понимание правового контекста конкретных ограничений, а также на степень их формальной определенности. С учетом опоры на положения действующего законодательства и канвы мнений ученых автором выделяются институционально-структурные формы правозащитного ограничения прав и свобод личности в России, а также раскрывается их правовая природа.

Ключевые слова: правозащитные ограничения прав и свобод личности, формы правоограничений, вмешательство, запрет, лишение, обязанность, приостановление.

Одним из аспектов юридической теории прав и свобод человека является пределы их конституционно-правового ограничения. Профессор Н.В. Витрук в своей монографии «Общая теория правового положения личности» исследовал этот аспект и, опираясь на Конституцию Российской Федерации 1993 г. (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), обосновал его качестве принципа «допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина лишь в целях, установленных Конституцией...» [1, с. 103]. Он также подчеркнул, что установление на конституционном уровне критериев ограничения прав и свобод обусловлено

тем, «чтобы не было неоправданных ограничений, произвола, возможности злоупотребления со стороны властей и должностных лиц» [1, с. 104].

Обратимся к тексту действующей Конституции России. В ч. 3 ее ст. 55 предусмотрена возможность правомерного ограничения прав и свобод личности. Несмотря на то, что в конституционном тексте отсутствуют условия, основания и порядок введения таких ограничений, пределы их реализации, а также перечень прав абсолютного характера, это компенсируется научными аргументами. Между тем, ни в действующем законодательстве, ни в научной среде не выделены формы правозащитного ограничения прав и свобод личности. Подступимся к восполнению этого пробела и назовем их «институционально-структурными» формами, включив в них приостановление, вмешательство, обязанность, запрет и лишение права. Рассмотрим каждую их приведенных форм правозащитного ограничения прав и свобод личности.

Приостановление как форма правозащитного ограничения прав и свобод личности. Легитимного определения правового института приостановления не сложилось, однако сам термин «приостановление» находит отражение во многих нормативных правовых актах. Применительно к правам и свободам данное понятие используется не часто, между тем в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» оно употреблено как «приостановление действия права на управление транспортными средствами», а в Законе Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» – «приостановление осуществления права пользования недрами». Приостановление как форма правозащитного ограничения прав и свобод личности встречается в законодательстве и в иных формах: как мера наказания (административный арест (ст. 3.9 КоАП РФ), лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ)); как мера уголовно-процессуального воздействия (подписка о невыезде (ст. 102 УПК РФ), заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ)); как временный запрет на реализацию того или иного права (ограничение права на участие в выборах и референдуме в условиях чрезвычайного положения (ст. 14 ФКЗ от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ)); как дополнительная обязанность (привлечение граждан к выполнению работ для нужд обороны (п. 6 ч. 1 ст. 7 ФКЗ от 30 января 2002 г. №1-ФКЗ)), а также в других формах.

Приостановление обладает некоторыми правовыми признаками [2, с. 133]. В первую очередь, приостановление имеет длительный характер и понимается как процесс. Длительность порождает еще один признак – срочность. Сущность данного признака заключается в том, что приостановление реализации права или свободы носит исключительно

временный характер. Приостановление означает, что реализация конкретного права временно подвергается «заморозке» и не представляется возможной в силу сложившихся объективных обстоятельств, к примеру, введения специального правового режима.

Приостановление как форма правозащитного ограничения может применяться не ко всем правам и свободам. Реализация большинства прав не может быть приостановлена в силу их правовой природы. К примеру, право на жизнь, предусмотренное в ст. 20 Конституции Российской Федерации, не может быть приостановлено, поскольку любое посягательство на жизнь означает ее прекращение. Исходя из анализа конституционных положений, приходим к выводу о том, что приостановление как средство правового регулирования может быть применено к следующим правам и свободам: в отношении права на свободу (ч. 1 ст. 22), права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27), права на свободу труда (ч. 1 ст. 37), права на свободу мирных собраний (ст. 31), активного избирательного права (ч. 2 ст. 32).

Вмешательство как форма правозащитного ограничения прав и свобод личности. В данном случае речь идет о степени правомерного вторжения государства в сферу личной свободы граждан. Вмешательство в отличие от приостановления не имеет ярко выраженный срочный характер (установление камер видеонаблюдения, применение сотрудниками органов внутренних дел физической силы). Исследуемая форма правозащитного ограничения предполагает осуществление активных действий со стороны государства, направленных на оказание прямого или косвенного воздействия на человека. Совершение подобного рода действий ограничивает самостоятельность субъекта воздействия. При этом вмешательство не предполагает временный запрет на реализацию определенного права или определенной свободы.

Вмешательство как одна из форм правомерного ограничения прав и свобод личности может быть применена не ко всем правам и свободам. Поскольку данная форма правоограничения связана с обеспечением гражданами сферы личной свободы, то очевидно, что она может быть применена в отношении конституционного права на личную неприкосновенность (ст. 22), права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23) и жилища (ст. 25).

Так, вмешательство, применяемое в отношении реализации права на личную неприкосновенность, наиболее часто обусловлено необходимостью сдерживания противоправного поведения конкретного субъекта. Вмешательство в реализацию права на неприкосновенность частной жизни и

жилища может быть связано не только таким основанием, но и «не противоправными основаниями». К примеру, установление на улицах большого количества камер видеонаблюдения, внедрение систем идентификации личности, функционирование электронных баз данных являются примерами правомерного вторжения государства в сферу личной свободы. Вмешательство в реализацию права на неприкосновенность жилища возможно в целях сдерживания противоправного поведения, а также в целях оказания помощи гражданам. Предоставленная государству возможность вторгаться в частную жизнь граждан имеет правовые пределы и условия такого вмешательства.

Обязанность как форма правозащитного ограничения прав и свобод личности. В отличие от вмешательства и приостановления, данная форма довольно часто исследовалась в научном сообществе. Так, по мнению Н.В. Витрука, обязанность – это «социально обусловленная и гарантированная необходимая возможность в поведении личности, границы которой определены нормами объективного права (конституцией, законами), в целях использования определенных благ и ценностей для удовлетворения как собственных, так и общественных, корпоративных и иных потребностей и интересов на основе их единства и сочетания» [1, с. 253-254].

Юридическая обязанность является наиболее лояльной формой правозащитного ограничения прав и свобод личности. К тому же, обязанность является одним из основных элементов конституционно-правового статуса личности. Обязанности находятся в тесном взаимодействии с правами и свободами: права и свободы одного лица порождают обязанности другого лица. Так, ст. 17 Конституции России установлено, что «3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Юридические обязанности характеризуются как определенный в законодательстве необходимый стандарт поведения, который наиболее часто выражается в форме активных действий. Наличие обязанности, как правило, не предполагает альтернативного варианта поведения. В качестве исключения можно привести «альтернативу», предусмотренную ч. 3 ст. 59 Конституции России, когда в установленных случаях «несение военной службы» может быть заменено «альтернативной гражданской службой».

Следует отличать обязанность как форму правомерного ограничения прав и свобод личности и обязанность как имманентный предел реализации того или иного права. Ко второй группе обязанностей относятся следующие: обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и другие законы (ч. 2 ст. 15), заботиться о нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38),

сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58). Обязанность по уплате установленных законом налогов и сборов (ст. 57) и воинская обязанность (ч. 1 и ч. 2 ст. 59) проявляют себя как формы правозащитного ограничения прав и свобод личности.

Запрет как форма правозащитного ограничения прав и свобод личности. По мнению А.В. Скоробогатова и Н.Н. Рыбушкина, запрет представляет собой «государственно-волевое сдерживающее (ограничивающее) средство, которое под угрозой юридической ответственности призвано предотвращать противоправные деяния субъектов» [3, с. 110]. Запрет обладает пассивной формой, поскольку он выражает воздержание от совершения определенных действий. Данная форма правоограничений применяется в целях сдерживания противоправного поведения индивида, а его неисполнение влечет за собой наступление юридической ответственности, меру которой Н.В. Витрук определил результатом «действия мер защиты» [4, с. 80].

Запреты имеют место в содержании любого правомочия, что обусловлено необходимостью обеспечения баланса частных и публичных интересов. К примеру, в содержании права на жизнь, нашедшего отражение в ст. 20 Конституции Российской Федерации, функционируют запреты на клонирование человека, смену пола, проведение эвтаназии и др. Конституционное право на свободу мирных собраний (ст. 31) содержит совокупность запретов, которые касаются условий проведения мирных собраний в отдельных местах, источников финансирования деятельности мирных собраний и др.

Лишение права как форма правозащитного ограничения прав и свобод личности. Наиболее часто в научных источниках лишение права рассматривается не как категория конституционного права, а относится к отраслям уголовного или административного права. Это, полагаем, обусловлено тем, что в тексте Конституции Российской Федерации применительно к правам и свободам человека в качестве основы конституционного строя и в правозащитных целях установлено, например, что «3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его» (ст. 6), «3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда...» (ст. 35), «1...Никто не может быть произвольно лишен жилища» (ст. 40), «1. Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» (ст. 47).

Лишение права является реакцией государства на противоправное или социально вредное поведение индивида. Данная форма правоограничений

может носить временный или постоянный, а также абсолютный или относительный характер.

Данная форма носит абсолютный характер тогда, когда предполагается лишение самого конституционного права, а не одного из элементов, входящих в его содержание. Лишение права, которое носит абсолютный характер, может применяться в отношении права на жизнь, права на свободу, права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В отношении остальных прав и свобод лишение применяется только как мера относительного характера. Так, лишение права собственности на определенную вещь носит относительный характер в силу того, что оно является одним из элементов содержания конституционного права собственности.

Таким образом, правозащитные ограничения прав и свобод личности могут применяться только в установленных законом формах посредством приостановления, вмешательства, обязанности, запрета и лишения. Их градация обусловлена правовой природой конституционных прав и их содержанием, спецификой целей и оснований введения таких ограничений. Приостановление, вмешательство и лишение как формы правоограничений, в отличие от запретов и обязанностей, могут применяться к ограниченному перечню прав и свобод. Каждая из названных форм правозащитных ограничений необходима и применяется в целях достижения баланса частных и публичных интересов, а также обеспечения защиты конституционных ценностей.

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 448 с.
2. Гайдарева И.Н., Чуенко Ю.А. Приостановление как средство правового регулирования // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: материалы XVII международной научно-практической конференции, North Charleston. – North Charleston, USA: Lulu Press, 2018. – С. 131-134.
3. Скоробогатов А. В. Запрет как онтологическая основа правовой реальности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 3. С. 108-115.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : Монография. – М.: РАП, 2008. – 334 с.

Мельников Павел Алексеевич
Белгородский государственный
национального исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОТВОРЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Измененный в результате реформы 2020 г. конституционный ландшафт российской государственности создал предпосылки для осмысления роли отдельных правозащитных институтов в обновленных очертаниях. В статье представлен анализ правового регулирования правотворческой деятельности органов прокуратуры в России как эффективного способа превентивной защиты прав граждан. Итоги осуществленного исследования позволили констатировать наличие полномочий и средств у органов прокуратуры для участия в процессе устранения законодательных дефектов.

Ключевые слова: органы прокуратуры, правотворческая деятельность, законодательство, правовые пробелы, дефекты

Состояние российского законодательства, его способность отвечать ожидаемым обществом правозащитным стандартам, должен вызывать и, несомненно, вызывает предметный интерес у органов прокуратуры. Правовой статус этих надзорных органов с 2020 г. приобрел обновленные конституционные очертания (ч. 1 ст. 129) системообразующих признаков («единство», «федеративность», «централизованность») и функциональной направленности, что следует из действующей Конституции Российской Федерации. В настоящем исследовании обратим внимание на функциональную направленность органов прокуратуры, а именно, на менее раскрытом в юридической литературе аспекте – правотворческой деятельности.

Выделим несколько положений Закона Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», раскрывающих потенциал работы в обозначенном направлении:

1. Прокуратура Российской Федерации принимает участие в правотворческой деятельности (п. 4 ст. 1);

2. Прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов (ст. 9);

3. Генеральный прокурор Российской Федерации вправе обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле (п. 6 ст. 35).

Собственно, упомянутая в ст. 9 закона «необходимость» находит свое пояснение в п. 20 Приказа Генпрокуратуры России от 07 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», обязывающего при обнаружении пробелов и противоречий инициировать соответствующие законотворческие мероприятия. В имеющейся правовой действительности периодически приходится сталкиваться как на региональном, так и федеральном уровнях с подобными и иными дефектами. Мы убеждены, что задача по их устранению требует, в том числе от органов прокуратуры, постоянного мониторинга законодательства и знания его особенностей в зависимости от сферы регулируемых правоотношений. Примечательно в этой связи утверждение заместителя прокурора Нижегородской области А.И. Гальченко о важности задачи прокуроров по обеспечению законности региональных и муниципальных правовых актов, касающихся подготовки, организации и проведения выборов, соблюдения порядка их опубликования, и в случае их несоответствия требованиям законодательства – добиваться безусловной отмены [1, с. 5].

В целом же формы и направления работы органов прокуратуры в сфере правотворчества обозначены в приказе Генпрокуратуры России от 31 августа 2023 г. № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» и утвержденном им Положении об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры

Российской Федерации. Например, п. п. 2.1, 2.2 ведомственного акта предписывают обеспечивать эффективное взаимодействие с органами публичной власти, активнее использовать в нормотворческой работе материалы прокурорского надзора, осуществлять мониторинг законодательства, выявлять потребности в правовом регулировании общественных отношений, в рамках предоставленных полномочий принимать меры к устранению пробелов и коллизий правового регулирования. К руководящим ориентирам в указанной работе можно отнести предписания п. 3.3 Положения об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации, в соответствии с которым проект нормативного правового акта должен быть изучен на предмет необходимости его принятия, достаточности содержащихся в нем положений для достижения заявленной цели правового регулирования, полноты перечня правовых актов, необходимых для обеспечения действия норм законопроекта, соответствия проекта актам более высокой юридической силы, отсутствия в нем внутренних противоречий и пробелов в правовом регулировании общественных отношений, соблюдения правил юридической техники.

Несомненно, существенным подспорьем в нормотворческой работе является наличие научной базы и сведений о правоприменительной практике. Рассматриваемое Положение, в частности, предусматривает возможность как вынесения на обсуждение Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации проектов нормативных правовых актов, так и запроса информации о проблемных вопросах правоприменения (п. п. 2.4, 5.1).

Обращение Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке п. 6 ст. 35 Закона о прокуратуре по причине дефектности законоположений, не способных исполнить свое целевое предназначение, создает дополнительные правотворческие возможности. Хотя данный правовой инструмент и не является элементом законодательного процесса в прямом значении, тем не менее способен опосредованно его инициировать по результатам проверки высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации. Отметим, что Н.В. Витрук, исследующий юридические гарантии охраны и защиты правового статуса личности в рамках разработки теории правового статуса личности, отнес, помимо прочего, конституционный контроль и прокурорский надзор к надзорно-контрольным мерам, направленным «на выявление нарушений прав, свобод, обязанностей и

законных интересов личности» [2, с. 324-325], в том числе в законодательстве.

Проанализировав федеральное законодательство и ведомственные правовые акты, затрагивающие правотворческую деятельность органов прокуратуры в России, допустимо заключить следующее. Органы прокуратуры располагают полномочиями и средствами для участия в процессе исправления дефектов законодательства.

Список использованных источников

1. Гальченко А.И. Защита избирательных прав граждан органами прокуратуры // Законность и правопорядок. 2017. № 1-2 (16). С. 3-7.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. Монография. – М.: Норма, 2008. – 448 с.

Намитоков Юрий Азметович

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:

Стус Нина Владимировна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук
(Краснодар, Россия)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы участия судебной власти в обеспечении национальных интересов Российской Федерации. Исследуются телеологические установки, функциональные императивы и компетенционные прерогативы судебных органов в системе защиты национальных интересов. Выявляются проблемные аспекты нормативно-правового регулирования статуса и полномочий судебной власти в данной сфере, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: суверенитет, правовое регулирование, национальная безопасность, национальные интересы, судебная власть, правосудие,

судебный контроль, правоприменительная практика, межведомственное взаимодействие

В современных геополитических реалиях, характеризующихся беспрецедентной турбулентностью международных отношений и эскалацией экзогенного санкционного давления на Российскую Федерацию, актуализируется императивная необходимость переосмысления доктринальных подходов к обеспечению конституционного суверенитета и защите национальных интересов государства. Деструктивная внешнеполитическая конъюнктура детерминирует принятие российскими государственными институтами, в том числе судебными, экстраординарных правовых решений, направленных на сохранение целостности национального правового пространства и устоявшейся архитектоники правоотношений.

Парадигмальное значение в данном контексте приобретает легитимация стратегических императивов национальной безопасности, получившая нормативное закрепление в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия). Данный документ, являясь фундаментальной детерминантой стратегического планирования, эксплицирует национальные интересы и приоритеты государства, формулирует телеологические установки и инструментарий внутренней и внешней политики, ориентированные на пролонгированное укрепление национальной безопасности и обеспечение устойчивого развития страны.

Значимость данного нормативного акта заключается в его консолидирующей функции, направленной на интеграцию усилий публично-правовых институтов и структур гражданского общества в создании благоприятного эндогенного и экзогенного контекста для имплементации национальных интересов России. Особую методологическую ценность представляет легальная дефиниция национальных интересов, артикулированная в пункте 5 Стратегии, которая через призму объективно детерминированных потребностей триады «личность-общество-государство» формирует целостное понимание безопасности и устойчивого развития как имманентных характеристик Российского государства.

Фундаментальное значение имеет пункт 25 Стратегии, раскрывающий содержание национальных интересов, обеспечение и защита которых осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества. Композиция национальных интересов, согласно указанной норме, включает следующие

системообразующие компоненты: демографическо-социальный (сохранение человеческого капитала и повышение качества жизни); конституционно-правовой (защита государственного суверенитета и территориальной целостности); социально-политический (обеспечение гражданской консолидации и правопорядка); информационно-технологический (формирование защищенного информационного пространства); экономический (инновационное развитие национальной экономики); экологический (рациональное природопользование); культурно-аксиологический (сохранение традиционных ценностей); международно-правовой (поддержание глобальной стабильности).

Примечательно, что большинство обозначенных национальных интересов получили конституционно-правовое закрепление в неизменяемых главах Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с последующими поправками) (далее – Конституция), что свидетельствует об их фундаментальном характере для российской государственности и особой юридической защите.

При этом Конституция выступает не только нормативным базисом обеспечения национальных интересов, но и создает необходимый баланс полномочий различных властных институтов в процессе обеспечения национальных интересов, что способствует эффективному функционированию государственного механизма в целом.

Данная концептуальная матрица создает теоретико-методологический базис для исследования роли судебной власти в механизме обеспечения национальных интересов России, что приобретает особую актуальность в условиях необходимости адаптации национальной правовой системы к новым вызовам современности.

В системе обеспечения национальных интересов Российской Федерации судебная власть занимает особое положение, детерминированное ее институциональной природой и функциональным предназначением. Дихотомия места и роли судебной власти в данном контексте раскрывается через призму телеологических установок, функциональных императивов и компетенционных прерогатив судебных органов.

Дискурсивный анализ места судебной власти в системе обеспечения национальных интересов позволяет эксплицировать многоуровневую структуру целеполагания различных судебных органов. Так, телеологическая триада Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленная в статье 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», охватывает защиту основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и

гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции на всей территории Российской Федерации.

Военная юстиция, будучи специализированным сегментом федеральной судебной системы, фокусируется на решении задач по обеспечению и защите нарушенных и (или) оспариваемых прав и охраняемых законом интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации, что эксплицитно отражено в статье 4 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

Подсистема арбитражных судов федеральной судебной системы, в свою очередь, интегрирована в систему защиты экономических интересов государства через призму обеспечения законности в предпринимательской сфере и превенции правонарушений в экономической сфере (статья 5 Федерального закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»).

Отраслевое процессуальное законодательство Российской Федерации также инкорпорирует задачи судов по защите нарушенных прав и охраняемых законом интересов публично-правовых образований (статья 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статья 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), защите граждан, организаций и предприятий, признанных потерпевшими от преступлений (статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), защите законных экономических интересов общества и государства от административных правонарушений (статья 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Судебная власть реализует свой функциональный потенциал в рассматриваемой сфере, прежде всего, через многоаспектную юрисдикционную деятельность, осуществляемую посредством различных видов судопроизводства: конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного.

В рамках конституционного судопроизводства защита национальных интересов материализуется через институт конституционного нормоконтроля, обеспечивающего верховенство Основного закона, конституционный правопорядок и конституционную идентичность России [1]. Уголовное судопроизводство выступает важнейшим инструментом противодействия преступным посягательствам в сфере национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства.

Административная юстиция служит механизмом обеспечения законности в публично-правовой сфере через элиминирование нормативного правового или индивидуального правового акта, противоречащего закону и затрагивающего национальные интересы государства, а также защиту таких интересов от административных правонарушений.

Особого внимания заслуживает роль суда в гражданском и арбитражном судопроизводстве, где идентифицируются латентные (косвенные) угрозы национальным интересам России. К числу таких угроз относятся:

- экономико-правовые риски при реализации государственного оборонного заказа, включая возможность причинения существенного материального ущерба публичным интересам через недобросовестное исполнение контрактных обязательств;

- диффамационные посягательства на репутационный капитал органов государственной власти и их должностных лиц, способные дестабилизировать институциональную легитимность;

- имущественные претензии к государственным структурам, несущие риски дестабилизации бюджетной системы и государственного имущественного комплекса;

- угрозы стратегическим отраслям экономики через механизмы несостоятельности (банкротства) и приватизационные процедуры в отношении предприятий военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов.

Доктринальный анализ позволяет констатировать, что потенциал судебной власти в области защиты национальных интересов не ограничивается исключительно правосудием, а включает широкий спектр экстраюрисдикционных функций. Особую значимость приобретает судебный контроль как форма превентивного и последующего контроля за законностью действий органов публичной власти. Поскольку национальные интересы России непосредственно связаны и с интересами личности и общества, постольку значимым считаем вывод Н.В. Витрука, что «Судебная форма защиты объективно наиболее приспособлена к защите прав и обязанностей, вытекающих из отношений публичного и частного права. Она применяется в тех случаях, когда лицо отказывается выполнять лежащую на нем обязанность либо не в состоянии само восстановить нарушенное право, а также в случаях спора о том или ином праве. Правосудие обеспечивает максимально эффективную защиту прав, свобод и законных интересов личности» [2, с. 326].

В парадигме обеспечения национальных интересов судебный контроль реализует триединую задачу: мониторинг правомерности деятельности государственных органов через призму принципа законности [3]; превенция и элиминация дисфункций в работе органов власти посредством выявления причинно-следственных связей нарушений; методологическое и праксиологическое содействие правоохранительным структурам через имплементацию положительных практик.

Процессуальная форма судебного контроля в сфере национальных интересов характеризуется полиморфностью и включает: верификацию легитимности действий и решений органов власти в контексте соблюдения конституционных прав; процессуальный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства; судебный надзор в рамках судебного разбирательства.

Существенное значение имеет аналитическая функция судебной власти, реализуемая через обобщение правоприменительной практики и статистический анализ. Данная функция способствует информационно-методическому обеспечению судов по вопросам защиты национальных интересов, мониторингу эффективности законодательства в сфере национальной безопасности, а также формированию единообразной судебной практики посредством разъяснений высших судебных инстанций с учетом национальных интересов государства.

Для защиты национальных интересов судебной властью может быть использована правотворческая функция. Данная функция может быть реализована посредством механизмов инициирования законопроектов, направленных на оптимизацию процессуального законодательства в контексте защиты национальных интересов; участие в нормативно-правовом проектировании актов, затрагивающих вопросы национальной безопасности, формирования предложений по модернизации действующего законодательства в заявленном аспекте, интеграции судебного корпуса в законотворческий процесс через участие в парламентской деятельности, разработку доктринально-прикладных рекомендаций по вопросам правоприменительной практики.

Таким образом, полифункциональность судебной власти в механизме защиты национальных интересов проявляется через синергию юрисдикционных и экстраюрисдикционных полномочий, обеспечивающих комплексную правовую защиту национальных интересов в современных условиях.

В контексте анализа роли судебной власти в механизме обеспечения национальных интересов Российской Федерации особую значимость

приобретает исследование системы интеракций судебных органов с иными акторами публичной власти. Несмотря на отсутствие кодифицированного механизма такого взаимодействия, де-факто существует определенная система координации, требующая дальнейшей институционализации и нормативного закрепления при соблюдении баланса между независимостью судебной власти и необходимостью ее интеграции в общегосударственный механизм защиты национальных интересов.

Архитектоника взаимодействия судебной власти с другими государственными институтами характеризуется полиморфностью и включает следующие основополагающие модусы коммуникации:

1) информационно-аналитическая конвергенция, выражающаяся в систематическом обмене релевантными данными между судебными и иными публичными органами;

2) институциональная интеграция через участие в коллегиальных мероприятиях судебной системы (съезды судей, пленарные заседания судов различных юрисдикций, заседания научно-консультативных советов);

3) координационно-совещательная деятельность в рамках консультативных органов;

4) научно-практическое сотрудничество посредством организации совместных конференций по актуальным вопросам правоприменения;

5) процессуально-правовое взаимодействие;

6) взаимодействие в сфере правотворчества в процессе разработки и совершенствования законодательной базы;

7) административно-управленческая координация через участие руководителей судебных органов в межведомственных мероприятиях;

8) документационное взаимодействие посредством официальной переписки;

9) экспертно-консультативная поддержка судебного правоприменения со стороны государственных органов.

Данная система интеракций демонстрирует многоаспектность и комплексность взаимодействия судебной власти с иными государственными институтами в механизме обеспечения национальных интересов. При этом императивом дальнейшего развития представляется необходимость формализации указанных форм взаимодействия с целью повышения эффективности их реализации и минимизации потенциальных коллизий межинституционального характера. Особого внимания заслуживает вопрос о соблюдении принципа независимости судебной власти при осуществлении

такого взаимодействия, что требует выработки четких процедурных механизмов и закрепления надлежащих правовых гарантий.

В рамках анализа функционирования судебной власти в контексте обеспечения национальных интересов Российской Федерации выявляется ряд существенных проблемных аспектов нормативно-правового характера, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Первостепенное значение приобретает вопрос о недостаточной правовой определенности компетенционного статуса судебной власти в системе обеспечения национальной безопасности. Наблюдается определенная правовая лакуарность в регламентации полномочий судебных органов при защите национальных интересов государства.

Существенным дефектом правового регулирования является отсутствие четко структурированных форм взаимодействия судебной власти с иными институциональными акторами системы обеспечения национальной безопасности. Данный пробел препятствует формированию эффективной координации деятельности публичных органов в рассматриваемой сфере.

Критического осмысления заслуживает отсутствие в действующем законодательстве исчерпывающей таксономии целей, задач и функций судебной власти, что создает определенные трудности в определении пределов ее компетенции при защите национальных интересов.

В целях преодоления выявленных пробелов представляется целесообразной системная правоконкретизация и процессуализация соответствующих функций и полномочий судебной власти путем внесения изменений в судоустройственное и судопроизводственное законодательство, а также в законодательство о национальной безопасности.

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, судебная власть, являясь ветвью государственной власти, выступает гарантом конституционной законности и правопорядка, что непосредственно коррелирует с фундаментальными национальными интересами Российского государства. Имплементация принципов верховенства права и правовой определенности в судебную практику способствует укреплению конституционно-правовых основ государственности. Во-вторых, нормативно-правовая регламентация деятельности судебной системы демонстрирует последовательное развитие институциональных механизмов защиты национальных интересов через призму судебного правоприменения и толкования. Особую значимость приобретает правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в контексте обеспечения баланса частных и публичных

интересов. В-третьих, выявленные концептуальные особенности взаимодействия судебной власти и национальных интересов свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в целях повышения эффективности судебной защиты национальных интересов при соблюдении принципа независимости судебной власти.

Таким образом, в результате проведенного исследования представляется обоснованным констатировать, что судебная власть обладает значимыми конституционно-правовыми ресурсами для обеспечения национальных интересов России в современных условиях государственно-правового развития. Роль судебной власти в обеспечении национальных интересов России характеризуется дуалистической природой: с одной стороны, суды выступают гарантом соблюдения конституционных прав и свобод, а с другой – обеспечивают легитимную защиту общественных и государственных интересов в рамках правового поля. Дальнейшая модернизация судебной системы должна осуществляться с учетом необходимости поддержания оптимального баланса между этими фундаментальными аспектами.

Список использованных источников

1. Кожевников О. А. Участие Конституционного Суда РФ в защите национальных интересов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 42-47.
2. Витрук Н.В. Ощяя теория правового положения личности : Монография. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
3. Бочарова Н. Н. Роль судебной системы Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 60-5. С. 31-34.

Свешников Дмитрий Николаевич,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права, аспирант,
Адвокатская палата Белгородской области, адвокат
(Белгород, Россия)

Научный руководитель
Мадыгина Ольга Анатольевна,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
юридического факультета АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПОВЕРХНОСТНЫМИ ВОДНЫМИ ОБЪЕКТАМИ

Аннотация. В статье проводится анализ особенностей реализации права общего пользования поверхностными водными объектами. Рассматриваются основные аспекты правового регулирования этого права, выявляются проблемы его реализации, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в области водопользования. Делается вывод о современном состоянии правового регулирования права общего пользования поверхностными водными объектами и оцениваются перспективы развития данного института.

Ключевые слова: поверхностные водные объекты, Водный кодекс Российской Федерации, правовой статус, право общего пользования поверхностными водными объектами

Поверхностные водные объекты играют ключевую роль в обеспечении экономического развития Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды», поверхностные воды, относятся к компонентам природной среды и подлежат правовой охране со стороны государства [1]. Также согласно Водному кодексу Российской Федерации (далее – ВК РФ) поверхностными водными объектами являются «природные водные объекты, которые состоят из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии» [2]. К этим объектами относятся моря, реки, озера и пруды, болота, ледники и др. (ст. 5 ВК РФ) [2]. Их использование регулируется нормами экологического права, в которых

находит свое закрепление право общего пользования. Но в современной практике правоприменения возникают многочисленные правовые конфликты, связанные с ограничением доступа граждан к этим ресурсам, что порождает необходимость провести углубленный анализ этой проблемы.

Согласно положениям ст. 6 ВК РФ, все поверхностные водные объекты, которые находятся в государственной и муниципальной собственности, являются водными объектами общего пользования [2].

Право общего пользования водными объектами предполагает, что граждане могут свободно использовать водные объекты для личных и бытовых нужд без необходимости получения специального разрешения. Это право закреплено в ВК РФ, который устанавливает, что поверхностные водные объекты находятся в публичной собственности и предоставляются для общего пользования (ст. 6 ВК РФ) [2].

Но на практике реализация этого права связана с рядом условий. В самом тексте ч. 2 ст. 6 ВК РФ закреплено, что данное право предоставляется, если иное не предусмотрено Кодексом и другими федеральными законами. Одним из них является, например, запрет на использование объектов в способах, наносящих ущерб окружающей среде или ограничивающих права других лиц. Также устанавливаются ограничения в целях обеспечения безопасности или защиты природных ресурсов. На водных объектах общего пользования могут быть запрещены забор водных ресурсов, купание, использование различных транспортных средств и др.

Но несмотря на детальное законодательное регулирование, на практике право общего пользования часто нарушается. Так, можно выделить несколько ключевых проблем, связанных с этим правом.

Во-первых, это ограничение доступа к водным объектам. Зачастую на практике пользователи водных ресурсов устанавливают частные заборы и ограждения, которые препятствуют доступу граждан к водоемам. При этом захват прибрежных зон и создание частных объектов, противоречащих нормам водного законодательства. Согласно экологическому законодательству, только уполномоченный федеральный орган исполнительной власти может ограничить свободный доступ к водному объекту, если это противоречит правилам охраны жизни людей на водных объектах, а также органами местного самоуправления, исходя из правил использования водных объектов для личных и бытовых нужд [3].

Во-вторых, это недостаточное соблюдение природоохранных требований – загрязнение водных объектов в результате их бесконтрольного использования, а также отсутствие мер по охране биоресурсов в условиях массового пользования. Мероприятия по охране поверхностного водного

объекта, согласно законодательству, осуществляются водопользователем в соответствии с условиями договора водопользования или решением о предоставлении водного объекта в пользование. В соответствии со статьей 68 ВК РФ лица, которые были признаны в качестве виновных в нарушении водного законодательства, несут административную, уголовную ответственность в соответствии с российским законодательством [2].

В-третьих, это конфликты между публичными и частными интересами. Противоречия между правами общего пользования и хозяйственной деятельностью, связанной с использованием водных объектов, а также наблюдение случаев превышения полномочий органов местного самоуправления при установлении дополнительных ограничений. Береговая полоса поверхностных водных объектов не определяется законодательно. Это означает, что каждый гражданин вправе пользоваться лично береговой полосой водных объектов общего пользования для передвижения и пребывания около них, и в том числе для осуществления любительского рыболовства и причаливания плавучих средств.

Но данные проблемы не носят абсолютный характер и решаемы на практике. Для того, чтобы устранить указанные проблемы, можно предпринять следующие меры:

Усиление контроля за соблюдением законодательства: к таким мерам относится разработка механизмов мониторинга соблюдения права общего пользования, использования систем геоинформационных и спутниковых технологий, которые бы отслеживали изменения, которые касаются водных объектов; увеличение размеров штрафов за действия, которые касаются незаконного ограничения доступа к водным объектам общего пользования.

Работа, направленная на повышение экологической культуры населения: к таким мерам можно отнести: информирование граждан о правилах использования водных объектов при помощи СМИ, социальные сети, а также разработка специальных материалов (буклетов, плакатов, онлайн-курсов), наглядно показывающих существующие проблемы сохранности водных объектов. Сюда также относится организация экологических мероприятий, которые были бы направлены на сохранение водных ресурсов, проведение экологических акций.

Улучшение взаимодействия между органами власти и гражданами: создание онлайн-платформ, чат-ботов, службы поддержки для жалоб граждан на нарушение права общего пользования, а также законодательное закрепление нормы, обязывающее органы власти обсуждать с населением планы по ограничению доступа к водным объектам для строительства или реализации проектов.

Оптимизация правового регулирования: разработка нормативных актов, в которых бы более детально были описаны условия общего пользования поверхностными водными объектами, и в которые были бы также включены условия о допустимых видах деятельности и меры по обеспечению экологической безопасности, а также о зонах, в которых допускается ограничение доступа и соответственно, критерии ограничения.

Таким образом, право общего пользования поверхностными водными объектами выступает в качестве важного института, обеспечивающего экологическую устойчивость. Он находит свое закрепление в Водном кодексе Российской Федерации, где содержатся основные положения, а также требования, предъявляемые к охране таких объектов. Однако для эффективной реализации указанных положений на практике требуется комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, усиление государственного контроля и повышение осведомленности населения.

Список использованных источников:

1. Кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ «Водный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г. № 23. Ст. 2381.
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. № 2. Ст. 133.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.09.2020 № 1391 «Об утверждении Правил охраны поверхностных водных объектов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2020 г. № 38. Ст. 5871.

Хмелевская Ирина Геннадиевна
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
аспирант кафедры теории и истории государства и права

Научный руководитель
Тонков Евгений Евгеньевич
директор юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В условиях предоставления права законодательной инициативы ряду региональных молодёжных парламентов возникает предметная дискуссия о перспективах трансляции обозначенного правомочия в качестве общефедерального стандарта. Автором анализируется концепция правотворческой инициативности молодых парламентариев с точки зрения юридического и фактического критериев и формируются выводы о целесообразности установления права законодательной инициативы как обязательного атрибута функциональной составляющей молодёжных парламентов только после трансформации и унификации их политико-правового содержания.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжный парламентаризм, законодательные органы, законодательный процесс, молодёжная политика

Потребность в установлении мер государственно-правового спектра в целях генерации наилучших условий для участия молодёжи в общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны, отмечаемая Н.В. Витруком [1, с. 67], в настоящее время достигла своего пикового значения и спровоцировала моделирование различных политико-правовых механизмов.

Как следствие, необходимость вовлечения молодёжи в административный сектор вышла за рамки теоретической концепции и активно тиражируется в практической плоскости. Социальная актуальность построения эффективной системы коммуникаций между властью и молодёжью нашла своё отражение в ряде общественных феноменов – от организации различного рода просветительских мероприятий до создания

молодёжных крыльев политических партий и легальной фиксации молодёжных компонентов в структуре государственных органов и органов местного самоуправления – молодёжного парламентаризма.

Являясь одним из ведущих направлений в пределах идеи интеграции молодёжной страты в политическое управление, молодёжный парламентаризм транслирует оптимальный баланс взаимодействий государства и молодых граждан посредством создания системы нормативных механизмов, гарантирующих представительство интересов молодёжи.

При этом институционализация молодёжного парламентаризма и его национальная популяризация опосредовали конструирование различных инструментов фактического участия молодых граждан в решении стоящих перед социумом задач, одним из которых стало наделение ряда молодёжных парламентов правом законодательной инициативы.

В контексте подобной преференции для некоторых региональных молодёжных структур возникает определённая дилемма: должно ли право законодательной инициативы стать обязательным реквизитом функциональной составляющей всех молодёжных парламентов?

Полагаем, что ответ на данный вопрос требует уточнения не только легальных и теоретических особенностей обозначенного права, но и оценки эффективности и форматов деятельности молодых парламентариев в правотворческой плоскости.

В условиях отсутствия в правовой доктрине единой позиции относительно содержания права законодательной инициативы предлагаем определить ключевыми ориентирами две фундаментальные характеристики, опосредующие его рассмотрение в качестве подвида правовой инициативы [2] и права вносить готовые законопроекты и предложения о разработке и принятии новых законов, отмене и изменении действующих [3; 4].

Сочетание и структурная взаимосвязь указанных профилей позволяют конструировать вокруг права законодательной инициативы прочную гарантийную систему создания качественной нормативной правовой базы.

Выступая в качестве одного из центральных элементов правотворческого процесса, законодательная инициатива определяет круг субъектов, опционально наделенных прерогативой выносить предложения и законопроекты на обсуждение органов законодательной власти.

На федеральном уровне он строго ограничен ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации и включает в себя Президента Российской Федерации, Совет Федерации, сенаторов Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации.

Федерации, а также Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации по вопросам их ведения.

В субъектах Федерации право законодательной инициативы, как это следует из Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», «принадлежит депутатам, высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, высшему исполнительному органу субъекта Российской Федерации, прокурору субъекта Российской Федерации, представительным органам местного самоуправления».

Кроме того, указанный федеральный закон предусматривает следующую дискрецию: «конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации право законодательной инициативы может быть предоставлено иным органам, организациям, сенаторам Российской Федерации – представителям от законодательного и исполнительного органов данного субъекта Российской Федерации и иным должностным лицам, а также гражданам, проживающим на территории данного субъекта Российской Федерации».

Дифференциация субъектов права законодательной инициативы проводится на обоих уровнях, однако различается по классификационным критериям. Если в общероссийских рамках деление проводится в зависимости от «ограниченности» права законодательной инициативы пределами полномочий конкретных органов – в этом аспекте выделяются Конституционный и Верховный суды, которые могут инициировать законодательные трансформации исключительно по вопросам их ведения, то в регионах субъекты обозначенного права подразделяются на основных (обязательных) и специальных (дополнительных).

В разрезе исследуемой проблематики нами диагностируется наличие потенциальной легальной возможности участия молодёжи в правотворческой деятельности исключительно в регионах. Молодёжные парламенты органично имплементируются в региональную систему субсидиарных субъектов права законодательной инициативы, при этом в текущих реалиях отсутствует прямая перспектива фиксации аналогичного правомочия в общефедеральных границах.

На сегодняшний день правом законодательной инициативы официально наделена четверть молодёжных парламентов субъектов Российской Федерации, что провоцирует мониторинг непосредственного опыта правотворческой деятельности указанных политических акторов.

В качестве своеобразного маркера эффективности работы молодых парламентариев в законотворческой плоскости нами избраны планы

(программы) законопроектной работы региональных законодательных собраний на 2024 год.

В ряде регионов молодёжные парламенты активно предлагают к рассмотрению различные модификации нормативной правовой базы. Причём направленность вносимых законодательных корректировок достаточно вариативна – от «типичных» вопросов молодёжной политики до решения «уникальных» локальных проблем.

Например, Молодёжный парламент при Народном Собрании Республики Дагестан, как следует из Постановления Народного Собрания Республики Дагестан от 22 декабря 2023 г. № 731-VII НС «О Примерной программе законопроектной работы и контрольной деятельности Народного Собрания Республики Дагестан на 2024 год», выступил с идеей оптимизации республиканских законов «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений в Республике Дагестан» и «О молодёжной политике в Республике Дагестан», а Молодёжный парламент при Законодательном Собрании Нижегородской области, как это отражено на его официальном сайте – с проектом закона области «О регулировании отдельных правоотношений по предотвращению распространения и ликвидации сорного растения борщевик Сосновского и внесении изменения в Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях».

Синхронно с подобной активностью фиксируется и отсутствие предложений от части молодёжных парламентов, наделённых правом законодательной инициативы, в пределах обозначенного интервала (Общественная молодежная палата (Молодёжный парламент) при Государственном Собрании Республики Мордовия, Молодёжный парламент Воронежской области и т.д.).

На наш взгляд, в данном случае имеет место ситуативный фактор – с учётом прошлых правотворческих идей молодёжных органов нельзя назвать возникшую временную паузу стагнацией.

Следует указать, что де-факто совершенствование законодательства является характерной особенностью нормативного функционала молодёжных парламентов вне зависимости от закрепления их в качестве субъектов законодательной инициативы в региональных конституциях или уставах. Однако не все молодёжные структуры названного типа активно реализуют предоставленные полномочия.

Полагаем, что решающим аспектом является фактическая «специализация» деятельности молодёжных парламентов. В условиях интеграции в функциональную составляющую указанных органов довольно широкого перечня направлений, помимо разработки рекомендаций и предложений по совершенствованию законодательства, включающего в себя

представление и защиту интересов молодёжной страты, формирование активной гражданской позиции, правовой и политической культуры молодёжи, теоретическую и практическую подготовку молодёжи к общественной деятельности и т.д., приоритет не всегда отдаётся правотворческому формату.

В одних субъектах Российской Федерации участие молодых граждан в законотворческой деятельности и закрепление права законодательной инициативы за молодёжными парламентами стали логичными результатами взаимонаправленной деятельности самого молодёжного сообщества и органов государственной власти, в других – работа по внесению предложений по совершенствованию законодательства в сегодняшней конфигурации остаётся лишь следованием динамично тиражируемой тенденции и не получает реальной апробации, уступая мероприятиям просветительского, волонтёрского и иного характера.

Резюмируя, отметим, что законодательная инициатива молодёжных парламентов – категория амбивалентная, находящаяся под влиянием как юридического, так и практического факторов.

Первый из них в настоящий момент опосредует легальную возможность закрепления молодёжных парламентов в качестве субъектов права законодательной инициативы только на уровне субъектов Российской Федерации, второй – сепарирует региональные молодёжные структуры на две относительно полярные группы – с приоритетной законотворческой миссией и без таковой.

Подчеркнём, что в контексте реального участия ряда молодёжных парламентов в процессах создания и изменения нормативных правовых актов предоставление им права законодательной инициативы является необходимой гарантией учёта мнения молодёжного сообщества и корреспондирующим ответом на запросы социума. Однако на фоне выбора отдельными молодёжными органами заданного типа других сфер деятельности как преимущественно значимых и фактического отсутствия предложений по совершенствованию законодательства, делегирование последним статуса субъекта права законодательной инициативы представляется нам избыточным.

Таким образом, нормативный и прикладной сегменты демонстрируют неоднозначную позицию относительно права законодательной инициативы молодёжных парламентов. Часть из них активно фигурирует в правотворческом поле, другая – не предлагает каких-либо проектов правовых положений. Подобный сценарий не только провоцирует отсутствие перспективы закрепления права законодательной инициативы за всеми региональными молодёжными парламентами, но и ставит перед

исследователями фундаментальный вопрос о ключевом назначении названных структур.

Для нивелирования неопределённости указанных субъектов в условиях современного политико-правового ландшафта первостепенно необходимо трансформировать общественную идеологию таким образом, чтобы центральным вектором деятельности молодёжных парламентов стала именно законотворческая работа, которая в полной мере позволяет раскрыть их потенциал и уникальную юридическую природу, основанную на легальной связи с органами законодательной власти.

Список использованных источников

1. Избранное [Текст] = The best works / Н. В. Витрук ; Российская академия правосудия. – Москва : Российская академия правосудия. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. 2012. 644 с.
2. Малько А.В., Агабекова Л.Г. Законодательная инициатива как особая разновидность правовой инициативы // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 34-38.
3. Кривенко Л. Т. Право законодательной инициативы // Советское государство и право. 1979. № 3. С. 3.
4. Волкодаева Н. А. Понятие права законодательной инициативы субъектов Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2010. №25. С 10-13.

Шматко Давид Андреевич

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕЖИМА: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Аннотация. Статья направлена на рассмотрение вопросов, связанных с определением сущности и содержания правового режима военного

положения в Российской Федерации. Авторами производится анализ Конституции Российской Федерации и иных актов конституционного и международного права, определяющих отдельные аспекты, связанные с процессом введения и поддержания режима военного положения. Значительный акцент в исследовании делается на установлении отраслевой принадлежности режима военного положения, рассмотрении дискуссий, связанных с данным вопросом.

Ключевые слова: конституционное право, конституционно-правовой режим, Конституция Российской Федерации, правовой режим, военное положение.

В соответствии с отдельными положениями действующей Конституции Российской Федерации, допускается возможность введения специальных (объявляемых) конституционно-правовых режимов, которые ввиду возникновения нетипичных, чрезвычайных или иных обстоятельств, затрудняющих нормальный ход регулирования общественных отношений, могут предусматривать определённые ограничения, накладываемые на права и свободы граждан как на всей территории государства, так и в конкретных территориальных пределах, очерченных, например, одним или несколькими субъектами Российской Федерации. Так, статья 87 действующей Конституции Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием) закрепляет, что разновидностью такого конституционно-правового режима выступает режим военного положения, который вводится по решению Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации – Президента Российской Федерации.

Закреплённая Основным Законом возможность введения рассматриваемого конституционно-правового режима, более подробным образом регламентируется нормами Федерального конституционного закона от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее по тексту исследования – ФКЗ «О военном положении»). Исходя из анализа положений нормы статьи 1 данного документа, определяющей сущность и содержание военного положения, можно выделить следующие его особенности (признаки):

- вводится только в том случае, если объективно устанавливается факт наличия угрозы агрессии в отношении Российской Федерации со стороны других государств, а равно факт самой этой агрессии;

- цель режима – создание специальных условий, в которых становится возможным отразить агрессию, т.е. обеспечить национальную безопасность,

не допустить посягательства на государственный суверенитет, устранить угрозу для жизни и здоровья населения и т.д.;

- провозглашается на всей территории Российской Федерации или в отдельной местности, наиболее подверженной выявленной угрозы, требующей обеспечения дополнительных мер безопасности со стороны государства и Вооружённых Сил Российской Федерации в частности;

- устанавливается на неопределённый период времени и продолжает действовать до тех пор, пока не будет достигнута ключевая цель режима;

- предусматривает возможность ограничения прав и свобод всех без исключения непубличных участников общественных отношений, а также наложения на них дополнительных обязанностей, не характерных для мирного времени;

- может предусматривать введение мер по общей или частичной мобилизации населения.

Исходя из краткого анализа законодательных положений можно сделать вывод, что ключевым значением, для рассмотрения вопроса о содержании военного положения, обладает определение сущности понятия «агрессия». Перечень актов агрессии, проявление которых в отношении Российской Федерации рассматривается в качестве основания для введения режима военного положения, представлен в статье 3 ФКЗ «О военном положении». Итак, исходя из указанной нормы, актами агрессии следует признавать:

1) вторжение на территорию Российской Федерации представителей вооружённых сил (далее по тексту исследования – ВС) одного или нескольких зарубежных государств, как сопряжённое с временной оккупацией или аннексией территории, так и не сопряжённое;

2) применение по территории Российской Федерации различных средств вооружения, включая авиацию, артиллерийские орудия, ракетные системы залпового огня и т.д.;

3) осуществление со стороны зарубежных ВС действий в отношении российских портов и берегов, блокирующих возможность их использования Российской Федерации (блокада);

4) нападение зарубежных ВС на ВС РФ вне зависимости от того, происходит оно на территории Российской Федерации или же другого государства, в котором дислоцируются войска;

5) осуществление другим государством действий, которое создаёт условия по проявлению агрессии в отношении Российской Федерации;

б) использование зарубежным государством наёмников и иных негосударственных вооружённых групп для нападения на территорию Российской Федерации.

Представленный в ФКЗ «О военном положении» перечень оснований, не является исчерпывающим, так как в самом документе содержится ссылка на то, что в качестве актов агрессии могут рассматривать и любые иные действия иностранных государств, которые создают угрозу для государственного суверенитета Российской Федерации, национальной безопасности и иных объектов правовой охраны. Схожее положение можно обнаружить в статье 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии». Так, документ содержит в себе указание на то, что осуществление со стороны одного государства в отношении другого действий, которые несовместимы с Уставом ООН в части определения мер по обеспечению мира, может рассматриваться в качестве акта агрессии, позволяющего обороняющемуся государству применять определённые решения, направленные на отражение возникшей угрозы безопасности территориальной целостности, суверенитета государства и др.

Таким образом, введение режима военного положения можно рассматривать в качестве одного из указанных в Уставе ООН решений, позволяющих обеспечить безопасность государства. Данный аспект обладает высоким значением, так как в обычных условиях, когда отсутствует агрессия со стороны одного или нескольких государств, применение в отношении населения ограничительных мер, предусмотренных законодательством о военном положении, является недопустимым решением, прямо противоречащим не только Конституции Российской Федерации, но и нормам международного права, включая соглашения, договоры и иные документы, которые были ратифицированы на территории нашего государства.

Установив сущность и содержание режима военного положения, следует перейти к рассмотрению вопроса об определении его места в системе правовых режимов Российской Федерации. Сразу отметим, что среди отечественных конституционалистов отсутствует единство мнение по данному вопросу. Так, к примеру, С.А. Терехов в своём исследовании приходит к выводу о том, что военное положение следует рассматривать в качестве межотраслевого правового режима. Аргументирует свою позицию автор тем, что в законодательных актах, регулирующих данный правовой режим, сочетаются конституционные и административные начала. Последнее проявляется в детальной регламентации прав и полномочий представителей органов исполнительной власти в условиях военного положения [1, с. 40].

Абсолютно иного мнения придерживается А.В. Мелехин. Автор считает, что военное положение следует рассматривать исключительно в качестве конституционно-правового режима, так как возможность его объявления прямо указана в Конституции Российской Федерации. Помимо этого, в Основном Законе регламентированы и иные аспекты, связанные военным положением, например, конституционно-правовые режимы государственной границы, континентального шлейфа, определение понятия государственного суверенитета, территориальной целостности, национальной безопасности и др. [2, с. 35].

Позиция А.В. Мелехина представляется более аргументированной. Действительно, анализ отдельных положений Конституции Российской Федерации демонстрирует, что военное положение, как разновидность правового режима, во многом регламентируется именно нормами конституционного права. В контексте рассматриваемого вопроса не следует исключать из внимания и тот факт, что военное положение предусматривает ограничение именно конституционных прав граждан, что также указывает на необходимость правовой регламентации данного режима на наивысшем юридическом уровне, коим в Российской Федерации и выступает конституционно-правовое регулирование.

Вопросы, связанные с определением прав и полномочий исполнительных органов власти, безусловно, обладают административно-правовым началом. В тоже время, основания возникновения таких прав, полномочий, а также иных элементов правового статуса обозначенных субъектов, регулируются именно на уровне конституционного законодательства, обосновывается нормами Конституции Российской Федерации, указывающими на необходимость обеспечения безопасности государства и населения и т.д.

В качестве ещё одного аргумента в пользу отраслевой, а не межотраслевой принадлежности военного положения, следует также указать тот факт, что введение данного правового режима находится в исключительном ведении Президента Российской Федерации, в отличие от многих административных правовых режимов, объявление которых может быть осуществлено представителями органов власти субъектов Российской Федерации.

В силу указанных причин, на наш взгляд, целесообразно определять военное положение как объявляемый конституционно-правовой режим, а не межотраслевой правовой режим.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня военное положение в Российской Федерации следует рассматривать в качестве разновидности

объявляемого конституционно-правового режима, введение которого возможно только при условии возникновения оснований, указанных в актах конституционного и международного права. Военное положение преследует не только достижение специальной цели, но и предполагает возникновение возможности введения ограничительных мер в отношении прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц, которые не свойственны иным конституционно-правовым и правовым режимам. Данное обстоятельство обосновывается спецификой основания военного положения – акта агрессии в отношении Российской Федерации, которое требует применения особых мер реагирования, необходимых для обеспечения безопасности населения и государства, недопущения посягательства на территориальную целостность, государственный суверенитет и иные объекты конституционно-правовой охраны.

Список использованных источников

1. Терехов С.А. Понятие и отраслевая принадлежность правовых режимов чрезвычайного и военного положения // Проблемы права. 2019. № 2. С. 37-41.
2. Мелехин А.В. Конституционно правовой аспект режима военного положения // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 7. С. 34-37.

Юраков Евгений Алексеевич

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Основываясь на анализе научных подходов к определению и сопряжениям ответственности, автором приведены аргументы о включенности ее в правовой статус личности. Сделан вывод, что юридическая ответственность является, хотя и не «ядерным», но

самостоятельным необходимым элементом правового статуса личности, без которого достаточно затруднительно представить возможное осуществление иных элементов, включая права, обязанности и свободы.

Ключевые слова: правовой статус личности, структура правового статуса личности, юридическая ответственность, право

В юридической науке проблемы правового статуса личности разрабатываются в теоретическом и отраслевом аспектах. Профессор Н.В. Витрук посвятил этой проблеме монографию «Общая теория правового положения личности», где представлены и доктринальные, и конституционно-правовые проблемы исследования и реализации данного института [1]. По его мнению, основу, ядро правового статуса составляют «признанные государством права, свободы, законные интересы и обязанности в их единстве» [1, с. 29]. Как видим, ответственность в ядро правового статуса Н.В. Витруком не включена. Но это, на наш взгляд, не исключает ее присутствие вне «ядерного» поля. Одним из аргументов в пользу такой версии можно считать определение ответственности в качестве обязанности претерпевать неблагоприятные последствия, связанные с допущенным правонарушением. Существуют и иные аргументы, рассуждения вокруг которых последуют ниже.

Правовой статус личности является отражением действующих в обществе и государстве устоев, определяющих положение человека. Как справедливо отмечают В.С. Бялт и А.В. Демидов, правовой статус, выступая одной из центральных категорий юридической науки, «позволяет проследить взаимосвязь между человеком, обществом и государством» [2, с. 21]. Когда говорят о правовом статусе личности, в первую очередь указывают на существование прав и обязанностей человека, закрепленных и действующих в государстве. Однако немаловажным элементом выступает и ответственность, позволяющая обеспечивать каждому возможность реализации его прав и ограждение от посягательств на них со стороны других лиц. Что же представляет из себя ответственность в качестве неотъемлемого элемента правового статуса личности?

Прежде всего следует обратиться к понятию ответственности. Так, А.Н. Халиков предлагает рассматривать ответственность с двух позиций «как отношение общества и государства к неисполнению (или ненадлежащему исполнению) санкционированных правил поведения, так и отношение самого человека к нарушению его прав и обязанностей, закрепленных в государстве» [3, с. 26].

Ответственность как возможные негативные последствия для лиц, нарушающих действующие нормы права и обязательства, представляет

А.Л. Бредихин. При этом порядок реализации негативных последствий предусматривается в законодательстве и обеспечивается возможностью применения силы государственного принуждения [4, с. 55].

Таким образом, ответственность представляет собой негативные последствия для правонарушителя, выступающие в качестве обязательного элемента, позволяющего обеспечить возможность реализации предусмотренных законодательством прав и обязанностей человека и гражданина.

Важно отметить, что элементом правового статуса личности выступает не любая ответственность, а только юридическая. Данное замечание приобретает важность в связи с существованием социальной ответственности человека. А.Н. Халиков справедливо отмечает, что юридическая ответственность является, наряду с политической, экономической и моральной, составной частью ответственности социальной, образуя при этом свою подсистему с отдельными разновидностями [3, с. 26].

Схожего мнения придерживается Д.В. Тихонов, который указывает в числе основных элементов правового статуса личности именно юридическую ответственность [5, с. 29], а не иные разновидности ответственности.

В юридической науке встречаются позиции, призывающие разделять ответственность в зависимости от направления воздействия на два вида: позитивную и негативную. Рассуждая об упомянутых разновидностях, А.Н. Халиков указывал, что «позитивная ответственность направлена на будущее, так как предусматривает обязательные предписания, в соответствии с которыми должен действовать человек, и за нарушение которых возможно применение неблагоприятных последствий. Именно осознание возможности применения мер ответственности (чувство потенциального наказания) позволяет удержать ряд людей от совершения правонарушений. Соответственно негативная ответственность связана с обязанностью претерпеть неблагоприятные последствия за нарушение санкционированных правил поведения за уже совершенный поступок».

Полагаем, что ответственность должна следовать именно за нарушением права, а, следовательно, позитивная ответственность интересна как научная концепция, но невозможна на практике.

Хоть ответственность традиционно включается в число элементов правового статуса личности, отдельные ученые в своих исследованиях высказывают противоположную позицию. Такие выводы можно найти в работах С.В. Лаврентьева и Р.А. Ромашкова.

Так, Р.А. Ромашков полагал, что раз ответственность неразрывно связана с неблагоприятными последствиями, то по своей сути она является проявлением законного ущемления прав правонарушителя [6, с. 142].

Ущемление же следует, по мнению ученого, относить только к такому элементу правового статуса личности, как права. В этой логической взаимосвязи ответственность, являясь частным случаем ущемления прав, входит в другой элемент и по этой причине не должна быть представлена в виде самостоятельного.

Полагаем, что данный подход достаточно интересен своей новизной мысли, вместе с тем, ответственность существует не только во взаимосвязи с правами человека, но и с его обязанностями. Более того, ответственность не всегда сопряжена с ущемлением прав нарушителя. Так, взыскание денежных сумм по договору (основной долг), которые должник предполагал заплатить при заключении соглашения, сложно назвать ущемлением.

С.В. Лаврентьев также включает юридическую ответственность в состав другого элемента правового статуса личности – в юридические гарантии. Обоснование такого включения состоит в том, что ответственность гарантирует выполнения субъектами права возложенных на них обязанностей за счет возможности воздействия со стороны государства [7, с. 86]. Полагаем, что данная позиция не совсем обоснована, так как возможность применения мер государственного принуждения лишь один из признаков юридической ответственности, который вовсе не означает сведение роли ответственности к гарантиям. Ответственность прежде всего связана с возложением на виновное лицо неблагоприятных последствий его поведения, позволяя восстановить или компенсировать нарушенное им право другого лица. Эти неблагоприятные последствия лицо обязано претерпевать. Предупредительная функция ответственности является дополнительной, но никак не основной.

Исследуя конституционные обязанности, которые, по словам Н.В. Витрука входят в ядро правового статуса личности, М.В. Мархгейм и М.В. Чистюхина предложили их определение с учетом фактора ответственности. По их мнению, конституционные обязанности есть «конституционно формализованные, детерминированные интересами государства, общества и личности, опосредованные статусными особенностями социальных субъектов и обеспеченные мерами юридической ответственности императивные предписания надлежащего поведения» [8, с. 68]. С таким подходом в полной мере можно согласиться.

Таким образом, юридическая ответственность является, хотя и не «ядерным», но самостоятельным необходимым элементом правового статуса личности, без которого достаточно затруднительно представить возможное осуществление иных элементов, включая права, обязанности и свободы.

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.
2. Бялт В.С., Демидов А.В. Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3. С. 19-25.
3. Халиков А.Н. Социальная и правовая ответственность человека // LexRussica. 2015. № 8. С. 26-34.
4. Бредихин А.Л. К теории юридической ответственности // Философия права. 2021. № 3. С. 52-55.
5. Тихонов Д.В. Модернизация структуры правового статуса личности // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 4. С. 28-32.
6. Ромашков Р.А. Теория государства и права. – М., 2002. 478 с.
7. Лаврентьев С.В. К вопросу о понятии правового статуса личности // К 10-летию принятия Конституции Российской Федерации: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. / Ред. кол.: Мельников В.А. (отв. ред.) и др. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. С. 86-91.
8. Мархгейм М.В., Чистюхина М.В. Дефинирование конституционных обязанностей человека и гражданина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 9 (112). С. 67-69.

Алексеева Жанна Дмитриевна

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

профессор кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СТРУКТУРЕ
ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ**

Аннотация. На основе анализа научных источников и конституционных положений представлены характеристики конституционного права на благоприятную окружающую среду в контексте правового статуса личности. Сделан вывод, что данное право неотъемлемо

связано с исходным правом на жизнь, отнесено к правам третьего поколения, гарантировано со стороны как публичных, так и социальных субъектов.

Ключевые слова: конституция, права человека, поколения прав человека, конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду

Современные общественные отношения требуют правового упорядочения, которое предваряет, как правило, научно-теоретическое осмысление. Конституирование правового статуса личности также основано на глубоком научном юридическом анализе. Вклад в формирование теории правового статуса личности внес Николай Васильевич Витрук. Этому он посвятил монографию «Общая теория правового положения личности» [1].

Раскрывая юридическую «конструкцию» правового положения личности [1, с. 23-32], он выделил его ядро, включающее «систему юридических прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности в их единстве» [1, с. 31-32].

Исходя из норм Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года), наряду с указанными «конструктивными» элементами можно выделить также гарантии (ч. 1 ст. 45; ч. 1 ст. 46 и др.), гражданство (ст. 6, ст. 61-63) и ответственность (ч. 2 ст. 54).

Как видим, научно обоснованные и конституционно закрепленные элементы правового статуса могут не совпадать. Даже при том, что сравниваемые объекты имеют разное наименование: в первом речь идет о «положении», во втором о «статусе» (ст. 64), они имеют общий знаменатель – права, свободы и обязанности.

Конституция Российской Федерации отражает различные содержательные группы прав и свобод, адресуемых или каждому (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 40 и др.), или гражданину России (ст. 31, ч. 1 ст. 32 и др.). В числе таких конституционных прав – право на благоприятную окружающую среду. Данное право закреплено в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Конституированием данного права главой 2 «Права и свободы человека и гражданина» подчеркнута его неизменяемость, иначе как в порядке пересмотра Конституции России (гл. 9 ч. 1 ст. 135). Отметим также, что данное право не включено в иерархический ряд конституционных прав, которые не могут быть изменены в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56).

Право на благоприятную окружающую среду получило формализацию позже других конституционных прав. Так, в ст. 42 (заметим, номер статьи совпадает) Конституции СССР 1977 г. (Принята на внеочередной седьмой

сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) было закреплено такое понятие как «меры по оздоровлению окружающей среды». Видимо предполагалось, что охрана окружающей среды будет включена к государственным планам, и разовьются не только право на благоприятную окружающую среду, но и гарантии его реализации.

Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. также включила положения, которые можно ассоциировать с зарождением права на благоприятную окружающую среду. Судя по ее ст. 18, в государстве «в интересах настоящего и будущих поколений ... принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Отметим, что «мерами по оздоровлению окружающей среды», как следует из ст. 40, именованной «Граждане РСФСР имеют право на охрану здоровья» наряду с «бесплатной квалифицированной медицинской помощью, ... проведением широких профилактических мероприятий; ... особой заботой о здоровье подрастающего поколения, ... развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан» обеспечивается право на охрану здоровья.

В рамках разграничения предметов ведения ст. 72 Конституции (Основного Закона) РСФСР «... 11) ... охрана окружающей среды;» отнесена к ведению «Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в лице ее высших органов государственной власти и управления».

Изложенное дает основания для вывода, что в России к 1978 г. сформировались предпосылки для оформления права на благоприятную окружающую среду в качестве конституционного, а также допущения его гарантирования. Что и было реализовано Конституцией 1993 г., а именно ее ст. 42.

В развитие конституционных положений были приняты федеральные законы от 09 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения», от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», каждый из которых направлен на обеспечение конституционного права на благоприятную окружающую среду.

Дальнейший шаг по пути обеспечения данного конституционного права мы связываем с принятием Стратегии экологической безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176. Ею определены основные направления государственной политики в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Право каждого на здоровую окружающую среду является фундаментальным и составляет основу конституционного экологического статуса. Наличие эколого-правового статуса социального субъекта предполагает «возможность функционирования в условиях, не наносящих вреда жизни и здоровью, а также возможность требовать от соответствующих должностных лиц специально уполномоченных органов власти поддержания благоприятной окружающей среды в надлежащем состоянии» [2, с. 248].

Право на благоприятную окружающую среду относят к третьему поколению прав, которые «одновременно являются правами народов: на мир, на здоровую окружающую среду, на прогрессивное, социальное и экономическое развитие конкретного общества и всего мирового сообщества. Они принадлежат каждому человеку и каждому народу, можно сказать, человечеству в целом» [Цит. по: 1, с. 69-70].

Отметим, что конституционное право на благоприятную окружающую среду имманентно связано с правом на жизнь, поскольку последнее напрямую зависит от состояния окружающей природной среды.

Анализ конституционных формулировок прав человека дал основания для обобщения, что хотя норма ст. 42 Конституции России изложена кратко, ее содержание весьма ёмко и включает в себя три составляющие: само право на благоприятную окружающую среду; право на достоверную информацию о состоянии окружающей среду; право на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическим правонарушением.

Подытоживая, отметим, что в структуре правового положения личности право на благоприятную окружающую среду является конституционным, неотъемлемо связанным с исходным правом на жизнь, отнесенным к правам третьего поколения, связанным с обеспечительными правами, гарантированным со стороны как публичных, так и социальных субъектов, в том числе путем исполнения обязанности бережно относиться к окружающей среде, а также многогранным и юридически динамичным.

Полагаем важной роль гражданской позиции каждого в ответственном отношении к окружающей среде.

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.
2. Хворостов А.Ю. Экологические права человека и гражданина: преодоление трудностей реализации // Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов: сб. науч. тр. / сост. В.Ю. Панченко, А.А. Петров. Красноярск: Центр информации, 2015. С. 245–255.

Добролежа Алена Александровна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель статьи – исследовать возможные пути совершенствования избирательного процесса в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена тем, что на данный момент положительные реформы в сфере избирательного процесса являются одним из ключевых аспектов в укреплении демократических принципов и гарантий прав граждан на участие в выборах и референдуме. В результате исследования были выявлены некоторые недостатки избирательного процесса в Российской Федерации и предложены направления по его улучшению, включая изменения в законодательстве, внедрение цифровых инноваций и обновленных форматов просветительской работы.

Ключевые слова: избирательный процесс, демократия, выборы, избирательное право, реформы, совершенствование избирательного процесса

Избирательная система как важный институт политической системы государства должна обладать двумя свойствами: устойчивостью к внешним угрозам и внутренним вредоносным факторам и притом достаточной гибкостью с целью внесения положительных изменений и дальнейшего развития. Одним из ключевых элементов избирательной системы выступает

избирательный процесс, и в данной статье хотелось бы осветить некоторые пути его совершенствования на современном этапе развития Российской Федерации.

Согласно определению, которое приводит И.В. Захаров, избирательный процесс – это «порядок подготовки и проведения разных видов выборов», который включает много этапов: от назначения выборов до обжалования действий субъектов, участвующих в проведении выборов [1, с. 17]. Соответственно, исследуемое нами понятие по своей сути достаточно обширное и включает в себя множество аспектов, что дает возможность более масштабно мыслить по поводу перспектив улучшения.

Итак, начнем с вопроса о стабильности избирательного законодательства. Дело в том, что неустойчивость избирательного законодательства представляет собой существенную проблему. Частые изменения, вносимые в различные нормативные правовые акты, затрудняют адаптацию кандидатов и партий к новым правилам, поскольку у них недостаточно времени для внедрения изменений в предвыборную кампанию. Это приводит к потере значительных ресурсов и снижению эффективности избирательной кампании, так как избирательный цикл является коротким периодом, требующим мобилизации всех доступных ресурсов [2, с. 310].

Тем не менее в научной работе Н.Д. Дектярева отмечается, что ряд ученых-правоведов уже предложили возможные варианты решения данной проблемы: к примеру, Н.А. Михалева считает актуальным включение в Конституцию Российской Федерации отдельной главы, посвященной избирательной системе; а П.В. Нуденко, в свою очередь, указывает, что целесообразно зафиксировать в тексте Конституции Российской Федерации принципы региональной избирательной системы [2, с. 310-311]. Такое упорядочивание и закрепление основ избирательного процесса позволит пресечь частые перемены в избирательном законодательстве и обеспечит стабильность электоральных процессов для всех политических субъектов.

Отметим, что немало дискуссий среди экспертов и избирателей вызывает внедрение новаций – многодневного голосования и «мобильных избирательных участков». Эти нововведения и ряд других факторов порождают сомнения в достоверности результатов голосования, что тормозит развитие цифровизации избирательного процесса. В частности, введение института дистанционного электронного голосования (ДЭГ) также провоцирует возникновение разногласий в научной среде. Одни ученые считают, что ДЭГ может увеличить риски фальсификаций и подорвать доверие граждан к выборам; а другие, наоборот, видят ДЭГ как инструмент повышения избирательной активности и расширения спектра интересов

избирателей, которые впоследствии могут трансформироваться в голоса за определенных кандидатов [2, с. 312].

На сегодняшний день сложно однозначно сказать о последствиях цифровизации избирательного процесса и введения дистанционного электронного голосования, поскольку по состоянию на 2024 г. им могли воспользоваться только 26 субъектов Российской Федерации [3]. То есть, в качестве одного из направлений совершенствования ДЭГ можно выделить необходимость расширения охвата им территорий нашей страны. Второй вектор развития ДЭГ – доработка и усиление программного обеспечения. Известно, что почти любая система является уязвимой для взлома и хакерских атак. В этой связи мы можем говорить о потребности в постоянном обновлении программного обеспечения, чтобы гарантировать его безопасность и надежность.

Продолжая говорить о путях совершенствования избирательного процесса в России, обратим внимание на инициативу Д.В. Лапшиной, которая в рамках исследования в области избирательного права предлагает внедрить систему «почтового голосования с цифровой подписью» [4, с. 122]. Эта методика позволит жителям России, находящимся за границей, участвовать в выборной процедуре. Подтвердить свою личность избиратели смогут цифровой подписью. Для получения цифровой подписи необходимо предъявить паспорт и страховой номер индивидуального лицевого счета в отделении Почты России или многофункциональном центре (МФЦ). Данная процедура не представляется сложной и, возможно, имеет право на жизнь в будущем.

Также среди перспективных направлений развития избирательного процесса можно отметить введение возможности сбора подписей в поддержку кандидатов в электронном формате [5, с. 95]. В 2020 г. в Госдуму был внесен законопроект о сборе подписей в поддержку кандидатов на выборах в электронном виде через сайт «Госуслуги» с соблюдением условия о том, что количество подписей, собранных в электронной форме, не должно превышать 50 % от их общего числа. Впоследствии этот законопроект был одобрен и нашел отражение в Постановлении ЦИК России от 4 июня 2020 г. № 251/1852-7 «О Порядке сбора подписей избирателей...» [6; 7]. Полагаем, что сбор определенного числа подписей в электронном виде позволит предотвратить случаи незаконного отказа избирательных комиссий в регистрации кандидатов по мотивам неправильного оформления подписных листов, а также простимулирует развитие цифровых технологий.

Следующая идея по улучшению института избирательного процесса – «создание политического обозревателя в формате периодического печатного

издания», которое будет выпускаться в каждом субъекте страны [8, с. 148-150]. Средства массовой информации освещают выборы преимущественно в период подготовки к ним, после чего интерес к этой теме значительно снижается, однако создание такого печатного издания может способствовать сохранению интереса и, как следствие, увеличению явки на выборах. Оно должно быть независимым и финансироваться за счет государственного бюджета, а его основной задачей будет выступать информирование населения о предвыборных обещаниях кандидатов и о результатах их деятельности уже после избрания. По мнению исследователя, подобный подход позволит властям анализировать свои ошибки и повысит уровень доверия со стороны граждан.

На случай невозможности регулярного выпуска печатных изданий и неготовности избирателей тратить свое время на самостоятельный поиск информации В.М. Рыбка предусмотрительно выдвинул другой вариант – рассылка информации о кандидатах на предстоящих выборах в качестве социального информирования (обязательно с указанием источников информации) мобильными операторами в каждом субъекте Федерации [8, с. 149-150]. Такой современный метод может стать действительно эффективным и простимулировать электорат к участию в выборах и референдуме.

В качестве итогов, отметим, что нам удалось идентифицировать некоторые проблемы, имеющиеся в области избирательного процесса Российской Федерации, а также с опорой на мнения исследователей предложить несколько разных перспективных путей его совершенствования, таких как: внесение в Конституцию Российской Федерации главы, посвященной избирательной системе и ее принципам; увеличение территориальной распространенности дистанционного электронного голосования и доработка и усиление его программного обеспечения; внедрение системы почтового голосования с цифровой подписью; развитие электронного формата сбора подписей в поддержку кандидатов; создание печатного издания или же рассылки мобильными операторами информации о кандидатах на предстоящих выборах. Приведенный нами список вовсе не является исчерпывающим, и необходимо дальнейшее изучение вопросов по данному направлению в целях наиболее эффективного и оперативного устранения недостатков как самого избирательного процесса, так и всей избирательной системы в целом.

Список использованных источников

1. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / под ред. И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. М.: Издательство Юрайт, 2024. 334 с. Доступ по подписке НИУ «БелГУ». URL: <https://urait.ru/bcode/535568> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Дектерев Н.Д. Актуальные проблемы развития современной избирательной системы Российской Федерации // Культура и природа политической власти: теория и практика. Сборник научных трудов под общ. ред. А.А. Керимова. Екатеринбург, 2023. С. 309-314.
3. Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России: [сайт]. URL: <https://vybory.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Лапшина Д.В. Способы повышения эффективности избирательного процесса // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум. Материалы XIX Всерос. студ. науч.-практ. конф. Том Часть 1. Челябинск, 2021. С. 121-123.
5. Лобачева Л.П., Шафранова О.В., Шурухнов Н.Г. Информационно-технические технологии в избирательных процессах – зарубежье, Российская Федерация: некоторые направления совершенствования // Юридическая наука и практика: современное состояние и тенденции развития. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2024. С. 93-101.
6. В Госдуму внесен законопроект о возможности сбора подписей на выборах через «Госуслуги»: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/7882629> (дата обращения: 22.10.2024).
7. Постановление ЦИК России от 04.06.2020 г. № 251/1852-7 (ред. от 09.06.2021) «О Порядке сбора подписей избирателей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Доступ через СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354451 (дата обращения: 22.10.2024).
8. Рыбка В.М. Совершенствование правового регулирования статуса и порядка деятельности участников избирательного процесса в Российской Федерации // Научный аспект. Том 2. 2024. № 4. С. 145-151.

Кушова Юлия Олеговна
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭПИДЕМИЯМ И ПАНДЕМИЯМ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в противодействии эпидемиям и пандемиям. Автор анализирует историческую и современную правовую базу, роль Всемирной организации здравоохранения и предлагает пути улучшения механизмов взаимодействия государств. Рассматривается необходимость расширения полномочий ВОЗ для обеспечения глобальной эпидемиологической безопасности.

Ключевые слова: эпидемии, пандемии, здоровье, ВОЗ, сотрудничество, право

В 21 веке возникло множество сложных проблем общественного здравоохранения, которые подчеркивают взаимосвязь факторов уязвимости в области здравоохранения на индивидуальном, национальном и глобальном уровнях. Эти проблемы вызвали коллективную реакцию как государств, так и мирового сообщества, что подчеркивает их исключительную международную значимость. Примечательно, что всплеск научных достижений парадоксальным образом сосуществовал с появлением новых угроз, особенно очевидных в связи с постоянной эволюцией вирусных патогенов. [1].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет ключевую роль в решении этих двух аспектов, особенно в связи с повторением вспышек Эболы в таких регионах, как Конго. Последовательность этих вспышек представляет собой непрерывный ряд проблем, с которыми человечество столкнулось в ходе различных глобальных кризисов в области здравоохранения. Исторические события, связанные с такими заболеваниями,

как грипп, малярия, туберкулез, пневмония, СПИД, желтая лихорадка, полиомиелит и вирус Зика, периодически всплывают на поверхность, каждый раз укрепляя глобальную приверженность обеспечению готовности к эпидемиям и пандемиям и реагированию на них.

Начало пандемии COVID-19, впервые выявленной в Китае в конце декабря 2019 года, иллюстрирует современные сложности глобальной безопасности в области здравоохранения. Быстрое распространение вируса через международные границы, затронувшее многие страны, включая Российскую Федерацию, подчеркнуло уязвимый характер географической защиты и защиты здоровья населения. Объявление ВОЗ COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а впоследствии и пандемией, подчеркнуло глубокое и повсеместное воздействие таких кризисов в области здравоохранения. Эти эпидемии и пандемии не только представляют серьезную угрозу физиологическому благополучию населения, но и создают существенные препятствия для социально-экономической стабильности и непрерывности функционирования государств и международного сообщества в целом.

В запутанном ландшафте современного мира множество неблагоприятных событий отбрасывают длинные тени на общество. За суровым и мрачным призраком смертности скрывается множество сложных, взаимосвязанных проблем. Среди них ксенофобное поведение, направленное против лиц азиатского происхождения, всплеск обмана, вызванный паникой в обществе и некритичным принятием непроверенных средств защиты здоровья, а также нарушения прав человека в результате принудительной изоляции лиц, подозреваемых в переносе вируса. Кроме того, наблюдается рост цен на фармацевтические препараты, завышенные транспортные расходы и нерегулируемая миграция, которые в совокупности создают благоприятную почву для появления новых патогенных микроорганизмов. Сектор туризма и спорта страдает от тяжелого бремени ограничений на передвижение и отмен мероприятий, в то время как повсеместные экономические потрясения приводят к массовой безработице [2].

В условиях стремительной глобализации, которая определяет 21-й век, внутренняя взаимосвязь государств и народностей становится все более очевидной, подчеркивая общую уязвимость перед глобальными вызовами. Это признание меняет современный глобальный ландшафт и саму структуру общественных отношений, что требует создания совершенной правовой базы, выходящей за рамки национальных границ, для защиты коллективных интересов. Предусмотренная правовая база в идеале направлена на

гармонизацию международного права, создание единого фронта борьбы с глобальными угрозами с помощью общепризнанных правовых инструментов, регулирующих международные отношения.

Историческая эволюция правовых мер реагирования на кризисы в области здравоохранения свидетельствует о глубоком соответствии международным гуманитарным принципам, изначально разработанным для защиты жертв вооруженных конфликтов. Например, статья 23 Пакта Лиги Наций предписывала принятие мер по предотвращению распространения болезней еще в 1919 году, в то время как статья 25 подчеркивала роль государств-членов в поддержке инициатив в области общественного здравоохранения посредством поддержки национальных обществ Красного Креста. Эти положения не только подчеркивают приверженность борьбе с чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения, но и подчеркивают важнейшую роль международного сотрудничества в продвижении права на здоровье - концепции, которая с тех пор превратилась в фундаментальный аспект международного права. Такие правовые прецеденты и рамки продолжают определять стратегии, используемые странами для борьбы с пандемиями и эпидемиями и смягчения их последствий, подчеркивая постоянную необходимость скоординированных глобальных ответных мер для охраны здоровья людей на фоне глобальной взаимозависимости.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, ратифицированная Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 2015 году, прямо нацелена на укрепление здоровья и благополучия людей всех возрастов. Важнейшим компонентом этой программы является прекращение эпидемий СПИДа, туберкулеза, малярии и забытых тропических болезней в сочетании со стратегиями борьбы с гепатитом, болезнями, передаваемыми через воду, и другими инфекционными заболеваниями.

Права на охрану здоровья получили дальнейшее подтверждение в рамках международных правовых рамок, имеющих региональное значение. Например, Европейская социальная хартия 1961 года, Африканская хартия прав и благополучия ребенка 1990 года и Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека, касающийся экономических, социальных и культурных прав 1988 года, служат основополагающими документами, закрепляющими право на здоровье. Более того, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, хотя в ней прямо не упоминаются права на здоровье, была истолкована Европейским судом по правам человека как охватывающая такие права в совокупности с

другими признанными свободами, в частности, в рамках статьи 2, которая касается права на жизнь.

Право на здоровье также определяется резолюциями различных международных органов, включая Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций, Всемирную организацию здравоохранения и Международную организацию труда. Следует отметить Декларацию о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИДом 2001 года (резолюция В-26/2), принятую на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которой определены основные направления межправительственного сотрудничества по смягчению последствий пандемии ВИЧ/СПИДа. Кроме того, в 2020 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюции, направленные на укрепление международного сотрудничества в борьбе с пандемией COVID-19, в частности, резолюции под названием "Глобальная солидарность в борьбе с коронавирусной болезнью 2019 (COVID-19)" и "Международное сотрудничество для обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию". для борьбы с COVID-19". В совокупности эти документы подчеркивают динамичный и развивающийся ландшафт правовых норм и совместных усилий, направленных на реализацию здоровья как одного из основных прав человека [2].

Ориентируясь в сложных областях международного права в области здравоохранения, особенно в сфере эпидемий и пандемий, мы подчеркиваем незаменимую роль общепризнанных принципов, основанных на международном праве. Эти принципы, особенно принципы сотрудничества и добросовестного выполнения международных обязательств, имеют решающее значение для защиты и отстаивания основополагающего права человека на здоровье.

В основе этих принципов лежит право на сотрудничество, закрепленный в Уставе ООН и далее сформулированное в таких основополагающих документах, как Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года, и Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1975 году. Эти документы не только подтверждают непреходящую актуальность сотрудничества в условиях кризисов в области здравоохранения, но и подчеркивают его применимость в различных сферах международного взаимодействия.

Этот принцип сотрудничества выходит за рамки простой риторики и превращается в конкретную директиву в рамках специализированной области международного права в области здравоохранения. Он конкретно

касается совместных усилий, необходимых для исследования и решения глобальных проблем здравоохранения. Такое сотрудничество направлено на реализацию единых стратегий, которые снижают риски для здоровья, повышают качество оказания медицинских услуг и гармонизируют усилия различных стран в области здравоохранения, отражая тем самым приверженность коллективному благополучию и справедливому управлению глобальными ресурсами здравоохранения.

Однако функциональность таких совместных усилий зависит от принципа добросовестного выполнения обязательств, который занимает центральное место в иерархии международно-правовых принципов. Несмотря на то, что все принципы имеют юридический паритет, принцип добросовестности имеет особое значение, пронизывая рамки международных отношений и, как следствие, оказывая влияние на механизмы, регулирующие международный мир, безопасность и эпидемиологическую защищенность.

Несомненно, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет ключевую роль в организации глобального реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Основополагающая обязанность ВОЗ заключается в создании международного режима, направленного на ограничение трансграничного распространения заболеваний, что подчеркивает ее историческую приверженность обеспечению глобальной безопасности в области здравоохранения.

Таким образом, сложное взаимодействие этих принципов составляет основу международных усилий по управлению кризисными ситуациями в области здравоохранения. Поскольку глобальные вызовы, такие как эпидемии и пандемий, становятся все более частыми, соблюдение этих принципов всеми государствами становится не только необходимым, но и незаменимым для эффективной защиты здоровья во всемирном масштабе.

В статье 2 Устава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) провозглашена ключевая роль организации: продвижение и поддержка глобальных усилий по борьбе с целым спектром заболеваний, включая эпидемические, эндемические и другие медицинские состояния. Этот мандат более четко сформулирован в положениях статей 21(a) и 22 Устава ВОЗ, которые наделяют Ассамблею здравоохранения, состоящую из делегатов от государств-членов, полномочиями принимать нормативные акты, направленные на предотвращение международного распространения заболеваний.

Значительный объем резолюций ВОЗ непосредственно направлен на борьбу с множеством опасных заболеваний, таких как СПИД, туберкулез, малярия, птичий грипп, Эбола, коронавирус и многие другие. Эти резолюции

составляют основу международной нормативно-правовой базы, регулирующей совместные усилия по предотвращению эпидемий и пандемий пандемического характера. Основопологающим компонентом этих рамок является пересмотренное издание Международных медико-санитарных правил (ММСП), которые после пересмотра обязательны для исполнения всеми членами ВОЗ, если только они прямо не оспариваются [3].

Исторически сложилось так, что ММСП 1969 года были ограничены тремя заболеваниями — чумой, холерой и желтой лихорадкой. Однако пересмотренные ММСП охватывают более широкую сферу применения, предоставляя большую свободу действий и более широкие полномочия организациям, участвующим в их осуществлении. Это включает в себя положения о борьбе с любым заболеванием, представляющим значительную угрозу общественному здравоохранению.

Введение ММСП в действие в 2005 году значительно расширяет круг обязанностей, возложенных на государства-члены. В частности, эти обязательства обязывают государства оперативно уведомлять ВОЗ о потенциальных опасностях для здоровья, принимать защитные меры, строго соответствующие принципам прав человека, и развивать необходимый инфраструктурный потенциал для снижения рисков для здоровья как на национальном, так и на международном уровнях.

Кроме того, пересмотр 2005 года расширяет компетенцию и обязанности самой ВОЗ. В частности, ВОЗ уполномочена давать рекомендации странам, в которых могут возникнуть сценарии вспышек. Она может использовать данные, поступающие от правительственных и неправительственных организаций, средств массовой информации и цифровых платформ. Эти полномочия дополняются обязательством проверять достоверность такой информации и обеспечивать ее конфиденциальность, обеспечивая тем самым принципиальный подход к глобальному управлению здравоохранением, при котором соблюдается хрупкий баланс между императивами общественного здравоохранения и правами личности.

Так, эпидемии и пандемии представляют угрозу для всего мирового сообщества и требуют совместных мер реагирования. Необходимы унификация международно-правовых механизмов и усиление полномочий ВОЗ для улучшения контроля над глобальными инфекционными угрозами и обеспечения безопасности населения планеты.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-

практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Москва, 30 октября 2019 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – 227 с.

2. Шохов К. Е. Актуальные проблемы международно-правового сотрудничества по борьбе с пиратством // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Москва, 31 октября 2018 года / Под общей редакцией Д.Д. Шалягина. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 157-162.

3. Актуальные проблемы отдельных государств в борьбе с пандемией // Обзор руководств 2021 года Всемирной организации здравоохранения по проблеме пандемии COVID-19 : Сборник дайджестов материалов публикаций ВОЗ. – Москва : Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 2021. – С. 108-113.

Никонов Егор Николаевич

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ИНСТИТУТ ОТЗЫВА ДЕПУТАТОВ И ВЫБОРНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Аннотация. Институт отзыва депутатов и выборных должностных лиц в Российской Федерации преимущественно регулируется нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Подобный подход является достаточно спорным, а неоднородность практики реализации процедуры отзыва депутатов, которую он может спровоцировать,

свидетельствует об актуальности рассмотрения вопроса о необходимости его модернизации. Представленное исследование направлено на анализ сущности и содержания института отзыва депутатов и выборных должностных лиц, а также выявление проблем его правовой регламентации.

Ключевые слова: избирательное право, муниципальная власть, органы местного самоуправления, депутаты, выборные должностные лица

В современном мире демократические институты рассматриваются в качестве инструментов формирования органов государственной власти и местного самоуправления. Должностные лица, которые избираются во власть посредством получения необходимого количества голосов со стороны избирателей, наделяются не только правами, полномочиями и обязанностями, но и ответственностью, которую они несут перед гражданами. Содержание правового статуса обозначенных субъектов указывает на необходимость создания законных средств привлечения их к ответственности. В качестве одного из таких средств выступает институт отзыва депутатов и выборных должностных лиц, который, ввиду непродолжительного срока своего существования, по-прежнему обладает широкими перспективами развития. Прежде чем перейти к определению указанных перспектив, необходимо установить, что представляет собой институт отзыва депутатов и выборных должностных лиц (далее по тексту работы – отзыв выборных лиц).

Так, Т.П. Реброва и С.Н. Алямкин считают, что под отзывом выборных лиц подразумевается процесс досрочного прекращения должностным лицом своих полномочий. По мнению авторов ключевой особенностью данного процесса выступает тот факт, что он реализуется исключительно по воле избирателей, т.е. субъектов общественных отношений, которые законом наделены избирательными правами с целью предоставления им возможности прямого участия в формировании органов государственной и местной власти [1, с. 16].

А.Н. Гуторова раскрывает институт отзыва выборных лиц через указание на иные признаки. В частности, автор отмечает, что сам по себе отзыв выборных лиц можно рассматривать в качестве политического права граждан Российской Федерации, практическая реализация которого осуществима только в том случае, если соблюдается ряд регламентированных законодательством условий и оснований. Ключевое условие для реализации такого права – несоблюдение выборным лицом своих прямых обязательств, приводящее к неудовлетворительным

результатам, не соответствующим его статусу в органах муниципальной власти и их прямому назначению [2, с. 49].

А.А. Чиглинцева предлагает рассматривать отзыв выборных должностных лиц в качестве меры ответственности, которая применяется в оговоренных в законе случаях к отдельной категории представителей органов муниципальной власти [3, с. 598].

В контексте рассмотрения вопроса об определении оснований наступления такой ответственности, следует обратиться к нормам действующего законодательства, которыми они регламентируются. Так, абз. 2 ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 октября 2023 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее по тексту работы – ФЗ «О местном самоуправлении») включает в себя указание на то, что для отзыва выборных лиц необходимо наличие двух оснований:

1) выборное лицо должно совершить деяние, которое в соответствии с актами законодательства Российской Федерации признаётся противоправным, т.е. нарушающим права и свободы граждан, общественный порядок, наносящим конкретной или неопределённой группе общественных отношений, а также влекущий за собой иные вредные последствия;

2) факт совершения выборным лицом противоправного деяния должен быть подтверждён в судебном порядке, т.е., в данном случае, непосредственным основанием будет выступать наличие судебного решения обвинительного характера.

Систематизируя проанализированные выше подходы к определению исследуемого понятия, считаем возможным предложить собственную трактовку. Так, отзыв выборных лиц – система определённых законодательством мер, которые реализуются по воле избирателей в случае неудовлетворительного исполнения выборным должностным лицом своих прямых обязательств, выраженного в совершении им доказанного в суде противоправного деяния, и предусматривают в качестве своего последствия досрочное прекращение его полномочий, т.е. отстранение от власти, принятия управленческих решений.

Говоря о перспективах института выборных лиц, как нам кажется, основной акцент следует делать на совершенствовании актов действующего законодательства, в частности, ранее упомянутого ФЗ «О местном самоуправлении». Если проанализировать абз. 1 ч. 2 ст. 24 обозначенного документа, можно обнаружить указание на то, что значительная часть вопросов, связанных с отзывом выборных лиц, должна быть определена в актах местного законодательства – уставах муниципальных образований. По

нашему мнению, подобный подход является нерациональным, так как влечёт за собой невозможность установления единства практики применения процедуры отзыва выборных лиц на всей территории Российской Федерации. Подтвердим высказанный тезис примерами из конкретных правовых актов.

Так, Устав городского округа «Город Белгород» от 29 ноября 2005 года № 197 в ч. 2 ст. 15 определяет, что в качестве оснований для отзыва выборного лица может выступать только совершение им подтверждённого судом противоправного деяния. Рассматриваемая норма также содержит указание на некоторые нормативные правовые акты, нарушение положений которых является основанием для отзыва, например, Конституции Российской Федерации, самого Устава городского округа «Город Белгород» и др. Таким образом, можно наблюдать практически полное дублирование норм федерального законодательства.

Абсолютно обратная ситуация складывается в городе Орле. Так, Устав города Орла от 22 июня 2005 г. № 72/753-ГС в ч. 2 ст. 35 определяет, что в качестве оснований для отзыва выборных лиц выступает подтверждённый судом факт совершения ими противоправных деяний. В части 3 той же статьи можно обнаружить абсолютно противоположное указание, в соответствии с которым в качестве основания для отзыва также предлагается рассматривать систематическое невыполнение выборным лицом своих прямых обязательств, регламентированных на уровне нормативных актов муниципального образования.

В случае с законодательством города Орла примечательным является именно тот факт, что представленная выше норма не содержит в себе указания на противоправный характер деяний выборных лиц, тогда как на уровне федерального законодательства имеется указание на то, что факт противоправности содеянного должен быть обязательно доказан для того, чтобы стало возможным осуществить отзыв выборного лица.

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день в Российской Федерации сформировалась потребность приведения законодательства об отзыве депутатов и выборных должностных лиц органов местного самоуправления в единообразный формат. Наделение органов местного самоуправления с законотворческим функционалом определять основания для отзыва выборных лиц не способствует однородности практики реализации данной процедуры. С учётом того, что уставы муниципальных образований принимаются без непосредственного участия избирателей, существование выявленных различий представляется нерациональным.

По нашему мнению, для обеспечения единства проведения процедуры отзыва выборных лиц на всей территории Российской Федерации,

необходимо принять специальный Федеральный закон «Об отзыве депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления». Данное мнение не ново, так как и ранее в научной литературе учеными высказывались подобного рода предложения [4, с. 65-74; 5, с. 32-44].

Предлагаемый документ должен содержать в себе исчерпывающий перечень оснований для отзыва выборных лиц, а также указание на условия, соблюдение которых является необходимым для того, чтобы данную процедуру можно было признать состоявшейся.

Список использованных источников

1. Реброва Т.П., Алямкин С.Н. Отзыв выборных лиц органов местного самоуправления как институт непосредственной демократии и мера ответственности должностных лиц // Мир науки и образования. 2015. № 3. С. 14-23.
2. Гуторова А.Н. Институт досрочного отзыва депутатов и выборных должностных лиц в механизме обеспечения демократического мандата народного доверия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 48-51.
3. Чиглинцева А.А. Отзыв депутата, выборного должностного лица как мера муниципально-правовой ответственности // E-scio. 2022. № 5. С. 596-605.
4. Алексеев С.В., Аминов И.Р. Проблема реализации института голосования по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 65-74.
5. Нудненко Л.А. Тенденции правового регулирования отзыва избирателями выборного представителя местного сообщества // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 32-44.

Переверзев Леонид Алексеевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

МЕСТО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА И В СИСТЕМАХ ПРАВА ГОСУДАРСТВ МИРА

Аннотация. Поставленный в работе вопрос обладает крайне спорным характером, так как до сих пор отечественные учёные не пришли к единому мнению относительно места избирательного права в правовой системе Российской Федерации. Фундаментальное значение избирательных институтов для государства предопределяет актуальность разрешения сложившихся дискуссий. Цель данного исследования – выявление и анализ актуальных подходов к определению места избирательного права в отечественной и зарубежных правовых системах. В результате произведённого исследования сделан вывод, что место избирательного права определяется уровнем развития правовой системы и избирательного законодательства, в частности.

Ключевые слова: избирательное право, конституционное право, избирательная система, избирательное законодательство, отрасль права.

Избирательное право входит в правовую систему каждого современного демократического государства. Процесс формирования избирательного права обусловлен рядом объективных причин, среди которых ключевое место занимает потребность в разработке законодательства, направленного на регулирование общественных отношений, возникающих в процессе реализации необходимых для демократического режима электоральных институтов. Вопрос определения места избирательного права в системе российского права связывается с определёнными дискуссиями, которые могут быть разрешены посредством анализа актов действующего в Российской Федерации законодательства, мнений учёных, а также

зарубежных подходов к нормативному правовому регулированию отношений, связанных с избирательным процессом.

Ещё в 2012 году И.А. Комарова отметила, что среди российских юристов ведутся споры относительно необходимости расслоения отрасли конституционного права на несколько самостоятельных отраслей. По мнению самого же автора, возможность отнесения избирательного права России к самостоятельной правовой отрасли является спорной. Обосновывается такая позиция тем, что дробление уже существующих, устоявшихся отраслей права может привести к возникновению чрезмерно большого количества правовых отраслей и подотраслей, что существенным образом усложнит правовую систему России [1, с. 91].

Также Н.В. Павлова и А.А. Литвинец высказываются о том, что определить место избирательного права в системе российского права сегодня не представляется возможным. К такому выводу авторы приходят на основании того, что само по себе избирательное право находится ещё только на этапе своего формирования. По-прежнему ведутся дискуссии относительно необходимости принятия кодифицированного федерального закона, регулирующего избирательный процесс, а также иных нормативно-правовых актов, дополняющих существующие правовые нормы. До тех пор, пока подобные дискуссии не будут устранены, а законодательство об избирательном процессе окончательно не пройдёт через этап своего формирования, выделение избирательного права в качестве самостоятельной отрасли права Н.В. Павловой и А.А. Литвинец видится невозможным [2, с. 173-179].

Садовникова Г.Д. указывает, что избирательное право следует признавать лишь одним из институтов, которые входят в систему конституционного права. По мнению автора, дробление конституционного права России является нецелесообразным, так как на текущий момент времени отсутствуют предпосылки для выделения самостоятельных отраслей права, ранее входящих в его систему. Среди прочих аргументов также указывается несовершенство действующего избирательного законодательства, которое продолжает находиться в процессе активной модернизации [3, с. 85].

Иной позиции придерживается Р.Т. Биктагиров. Автор считает, что высокое значение избирательных институтов для государства следует рассматривать в качестве основного аргумента в пользу необходимости выделения избирательного права в самостоятельную правовую отрасль. Сегодня избирательное право в России занимает ключевую роль в деле регулирования общественных отношений, связанных с формированием

органов государственной власти, власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. По этой причине необходимо уделять значительно большее внимание избирательному праву, как на теоретическом, так и на правовом уровне. Рассмотрение избирательного права в качестве подотрасли конституционного права Р.Т. Биктагиров считает нецелесообразным, признавая подобный подход утратившим актуальность [4, с. 17].

Для того, чтобы определить целесообразность выделения избирательного права в качестве самостоятельной правовой отрасли, предлагаем кратко проанализировать и правовые системы ряда зарубежных государств.

Так, Б.В. Николаев, по результатам исследования системы избирательного законодательства Соединённых Штатов Америки, пришёл к выводу о том, что в данном государстве избирательное право рассматривается в качестве подотрасли конституционного права. Несмотря на то, что само по себе избирательное право в США возникло ещё в XVIII столетии, оно по-прежнему остаётся неотъемлемым институтом конституционного права. Автор также отмечает, что сама система избирательного законодательства в США обладает достаточно схожим с российской характером. Так, основные избирательные права закрепляются на уровне Конституции США, тогда как сами избирательные процедуры подробным образом регулируются нормативно-правовыми и подзаконными актами, как федерального, так и регионального значения [5, с. 65].

Проведя сравнительное исследование правовых систем Российской Федерации и Китайской Народной Республики, А.В. Васильева и Б.М. Дугаржапов, пришли к выводу о том, что в Китае предпосылок к выделению избирательного права в качестве самостоятельной отрасли права ещё меньше, чем в России. Аргументируют свою позицию авторы тем, что в КНР высшие органы государственной власти избираются косвенным путём, тогда как прямое голосование предусматривается только для муниципальных выборов. Система избирательного законодательства также, по большей части, основана на конституционных положениях, в которых закрепляются основные избирательные права граждан и принципы избирательного процесса, а также особенности формирования органов власти [6, с. 189].

Не менее интересными представляются и правовые системы стран-членов Содружества Независимых Государств. Так, в своём исследовании Е.В. Воронцова приходит к выводу, что избирательное право Республики Беларусь следует рассматривать в качестве подотрасли конституционного права. По мнению автора, избирательное право, как основополагающий

институт, необходимый для формирования органов государственной власти, не может быть отделено от Основного Закона страны. Именно по этой причине важно, чтобы избирательное право всегда было ассоциировано с конституционным правом [7, с. 93].

Таким образом, осуществленный в работе анализ позволяет сделать вывод, что вопрос о возможности выделения избирательного права в самостоятельную правовую отрасль по-прежнему остаётся спорным. Значительная часть отечественных учёных сходится во мнении, что на текущий момент какие-либо предпосылки для дробления конституционного права отсутствуют, так как многие вопросы, связанные с развитием конституционно-правовых институтов, по-прежнему требуют своего совершенствования.

Исследование опыта ряда зарубежных государств также показывает, что избирательное право преимущественно рассматривается в качестве подотрасли конституционного права. Примечательно, что подобная практика используется не только в близких к России странах, относящихся к романо-германской правовой семье, но и в странах англосаксонской и смешанной правовых семей.

Каждый из обозначенных выше аргументов свидетельствует о том, что избирательное право в России должно рассматриваться в качестве подотрасли конституционного права. Отечественное избирательное право действительно находится только на этапе своего формирования, что не позволяет его отделить от права конституционного. В тоже время, учитывая фундаментальное значение избирательных институтов для поддержания демократических устоев государства, а также тенденции к развитию и модернизации избирательного законодательства, наличие запроса на разработку избирательного кодекса, можно сказать, что в будущем дробление конституционного права, в результате которого избирательное право будет выделено в самостоятельную правовую отрасль, в действительности может оказаться целесообразной и необходимой мерой.

Список использованных источников

1. Комарова И.А. К вопросу о степени самостоятельности избирательного права Российской Федерации // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 3-1. С. 87-91.
2. Павлова Н.В., Литвинец А.А. Современное российское избирательное право и его место в правовой системе Российской Федерации // Основные тенденции развития российского законодательства. 2016. № 1. С. 173-179.

3. Садовникова Г.Д. Системообразующие институты конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 84-91.
4. Биктагиров Р.Т. К вопросу о месте избирательного права в системе российского права // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 1. С. 12-18.
5. Николаев Б.В. Система источников избирательного права в США // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4. С. 59-70.
6. Васильева А.В., Дугаржапов Б.М. Избирательные системы в России и Китае // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей. 2022. № 1. С. 189-193.
7. Воронцова Е.В. Юридическое закрепление основ избирательной системы в конституциях России и Беларуси: сравнительно-правовая характеристика // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы. 2019. № 1. С. 90-93.

Романенко Виталина Николаевна
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и
международного права НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРОАБОРТНАЯ ПОЛИТИКА ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется проабортная политика Всемирной организации здравоохранения, рассматриваемая с точки зрения её негативного влияния на общественные, демографические и культурные аспекты мирового сообщества. Особое внимание уделено проблемам, связанным с игнорированием национальных особенностей и ростом социальных противоречий, вызванных продвижением аборт как инструмента контроля рождаемости.

Ключевые слова: Всемирная организация здравоохранения, аборт, репродуктивные права, демографический кризис, культура, социальный конфликт, политика.

Проабортная политика Всемирной организации здравоохранения является одной из наиболее спорных тем в области глобального здравоохранения. Её внедрение оправдывается защитой прав женщин и улучшением доступа к медицинским услугам; однако более глубокий анализ показывает её противоречивую и негативную природу. Распространение этой политики в международных масштабах нередко сопровождается игнорированием культурных, религиозных и демографических особенностей отдельных стран, что провоцирует социальные и этические конфликты.

Исторический обзор проабортной политики ВОЗ демонстрирует её постепенное, но последовательное смещение в сторону нормализации аборт, что вызывает значительные этические и социальные противоречия. Уже в 1971 году организация заявила о важности проблемы аборта [1], подчеркнув её значимость не только для здоровья женщины, но и для общества в целом. Однако акцент на так называемое "репродуктивное здоровье" оказался предвестником действий, которые в дальнейшем приобрели более радикальный характер.

В 1972 году ВОЗ инициировала Специальную программу по репродукции человека, которая, несмотря на декларируемую цель улучшения планирования семьи, фактически способствовала продвижению абортов как одного из методов контроля рождаемости [1]. В 1982 году её идеи были закреплены в общей программе ВОЗ, что стало фундаментом для дальнейшей институционализации абортов как легитимной медицинской услуги [1].

Современная позиция ВОЗ представляет собой апогей этой негативной тенденции: призывы к обеспечению доступности безопасных абортов, обучение медицинских работников их проведению и акцент на распространение контрацепции фактически легитимируют аборт как норму [2, 3]. Влияние таких партнёров, как Международная федерация планирования семьи (IPPF), лишь усиливает этот тренд, превращая ВОЗ в активного участника популяризации практик, которые многие общества считают неприемлемыми.

Критика проабортной политики ВОЗ основывается на множестве факторов, которые демонстрируют её негативное влияние на общество и репродуктивное здоровье. Поддержка легализации абортов, представленная как борьба за права женщин, фактически создает риск нарушения их свободы выбора: давление со стороны общества или медицинских работников зачастую приводит к необдуманным решениям, противоречащим личным убеждениям [4].

Эта политика также способствует росту небезопасных абортов, особенно в странах с ограниченными ресурсами и слабой системой

здравоохранения [1]. Призывы ВОЗ обучать медицинских работников проведению аборт и обеспечивать их доступность часто упускают из виду, что в условиях бедности это усиливает теневой сектор, где здоровье женщин подвергается значительному риску.

Кроме того, абсолютизация права на аборт наносит ущерб демографической ситуации, особенно в странах с низкой рождаемостью [3]. Пропаганда абортов как одного из методов планирования семьи стирает акцент на альтернативные меры, такие как улучшение доступа к образованию и социальной поддержке, которые могли бы стабилизировать рождаемость без таких радикальных мер.

На глобальном уровне эта политика провоцирует глубокие противоречия: в странах с либеральным подходом легализация не снижает общего числа абортов, а в государствах с жесткими ограничениями запрет лишь увеличивает случаи криминальных вмешательств [4]. Таким образом, проабортная политика ВОЗ выглядит не только противоречивой, но и деструктивной, подрывая баланс между правами человека, общественным здоровьем и устойчивым развитием общества.

Проабортная политика ВОЗ оказывает противоречивое и во многом негативное влияние на мировое сообщество, подрывая основы этических, демографических и культурных ценностей многих стран [3, 4]. Прямое давление на государства, особенно развивающиеся, выражается в продвижении абортов как инструмента контроля рождаемости, что вызывает обоснованные обвинения в неокOLONIALИЗМЕ: подобные инициативы, прикрытые заботой о здоровье, зачастую игнорируют реальные нужды и культурные особенности регионов.

Международные организации, такие как ООН, разделяются во мнениях. Например, на Генеральной Ассамблее некоторые страны прямо заявили об отсутствии международного права на аборт, призывая сосредоточиться на истинных проблемах здравоохранения, таких как улучшение доступа к медицинской помощи [3]. Тем не менее, давление со стороны ВОЗ остаётся ощутимым, формируя поляризацию среди государств.

На общественном уровне резолюции ВОЗ стимулируют рост правозащитных инициатив, направленных на распространение информации об абортах, что порождает новые споры. В результате, вместо конструктивного диалога, эта политика часто приводит к усилению социального раскола, в то время как реальные вопросы здоровья и прав женщин остаются в тени идеологических баталий [3].

Проведённый анализ свидетельствует, что проабортная политика ВОЗ, несмотря на декларируемые цели, в действительности представляет собой

инструмент, способствующий дестабилизации социальных и демографических структур. Продвижение абортов как нормы здравоохранения ослабляет институт семьи, усугубляет демографический кризис и увеличивает разрыв между развивающимися и развитыми странами. Вместо того чтобы стать решением глобальных проблем, она лишь усугубляет их, вызывая недоверие к международным организациям и усиливая конфликт между различными подходами к репродуктивным вопросам. Такие действия требуют переоценки, чтобы принципы гуманизма и уважения к национальным интересам вновь заняли центральное место в политике ВОЗ.

Список использованных источников

1. Кузякин А.Г., Погодин С.Н. История Всемирной организации здравоохранения // Россия в глобальном мире. 2021. № 19(42). С. 114-122.
2. Сафронова Е. В., Петрищева Н.С. «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 1(25). С. 149-158. – DOI 10.20310/2587-9340-2023-7-1-149-158. – EDN RSMEBY
3. Сафронова Е. В. Может ли Россия не исполнять решения Всемирной организации здравоохранения (к вопросу о правотворческой функции ВОЗ) // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика : Сб. научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Уфа, 27 декабря 2022 года. – Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2022. – С. 83-87. – EDN WYPZHG.
4. Горбунов В.И., Возженникова Г.В., Никифоров Р.В. Международное сотрудничество в области здравоохранения. Всемирная организация здравоохранения : учебно-методическое пособие для студентов и клинических ординаторов; Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2016. – 32 с. – EDN YIKBOR.

Сафонов Андрей Алексеевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВЫБОРЫ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Актуальность представленного исследования опосредована потребностью в реформировании законодательства о порядке избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, вызванной отсутствием единообразного подхода к определению формы организации данного процесса. Цель исследования – выявление особенностей и недостатков нормативно-правового регулирования выборов глав субъектов Российской Федерации, как одной из формы демократии. В результате исследования были приведены доводы в пользу необходимости приведения к единообразному виду порядка выборов глав субъектов Российской Федерации на всей территории государства, посредством упразднения института непрямых выборов глав субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательное право, губернатор, федерализм, федерация, регион, субъект Российской Федерации, выборы, голосование, избирательный процесс

Россия по форме политико-территориального устройства является федеративным государством. Федерализм, в совокупности с иными конституционными принципами, опосредует реализацию избирательного процесса на двух государственных уровнях: федеральном и региональном. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ устанавливает, что посредством выборов наделяться властью могут должностные лица, представляющие власть в субъектах Российской Федерации: депутаты законодательного органа субъекта Российской Федерации.

Федерации (ст. 15); высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (ст. 22).

Данный федеральный закон своей в ст. 22 устанавливает, что главы субъектов Российской Федерации избираются посредством проведения выборов, в которых активное избирательное право могут реализовывать только те граждане, которые проживают на территории соответствующего субъекта. Рассматриваемая норма также регулирует иные важные вопросы, связанные с выбором глав субъектов Российской Федерации, а именно:

1) выборы проводятся в соответствии с теми общепризнанными принципами, с которыми проводятся и выборы представителей федеральных органов власти Российской Федерации (всеобщность, равенство, тайность);

2) в качестве кандидата может выступать только физическое лицо, которое было выдвинуто на выборы от конкретной политической партии, при этом, не имеет значение, занимает он в ней членство или нет (самовыдвижение, как в случае с президентскими выборами, допускается только в том случае, если это закреплено в нормативно-правовых актах субъекта Российской Федерации);

3) лицо может выступать на выборах в качестве кандидата также в тех случаях, если ранее оно временно исполняло обязанности главы субъекта по решению Президента Российской Федерации не менее одного года;

4) лицо становится кандидатом только при условии, если оно получило необходимую поддержку со стороны депутатов представительных органов муниципального образования или же избранных глав муниципальных образований (является достаточным только для выдвиженцев от политических партий, так как самовыдвиженцы, помимо этого, обязаны собрать определенное законами субъекта Российской Федерации количество подписей избирателей).

В ч. 4 ст. 1 анализируемого федерального закона № 414-ФЗ определено, что некоторые вопросы, связанные с формированием органов государственной власти субъектов Российской Федерации, регламентируются нормами законодательства субъектов Российской Федерации. К числу таких вопросов, например, относится порядок выдвижения кандидатов в части определения возможности рассмотрения в качестве кандидата на соответствующую должность самовыдвиженца.

Рассмотрим особенности нормативного правового регулирования процесса проведения выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на примере Белгородской области.

Все вопросы, связанные с региональными выборами и референдумами, в Белгородской области регулируются нормами Избирательного кодекса

Белгородской области от 01 апреля 2005 г. № 182. Выборам Губернатора Белгородской области посвящена отдельная глава 11.1., регулирующая вопросы, связанные с определением порядка формирования избирательных фондов, результатов выборов и вступления избранного кандидата в должность Губернатора Белгородской области.

Выборы Губернатора Белгородской области характеризуются следующими признаками:

1) выдвижение кандидата может осуществляться только политическими партиями, а в некоторых случаях и их региональным отделением (самовыдвижение предусматривается только для кандидатов на иные должности в органы власти Белгородской области);

2) минимальный возраст кандидата – 30 лет;

3) рассмотрение в качестве кандидатов лиц, обладающих видом на жительство или гражданством другого государства, не допускается;

4) устанавливается максимальная сумма, которую может составлять избирательный фонд кандидата, равняющаяся 100 миллионам рублей;

5) лицо может считаться избранным на должность Губернатора Белгородской области только при условии, если получило на выборах 50 % голосов от общего количества избирателей, принявших участие в избирательном процессе.

Для сравнения, в соответствии со ст. 6 Закона Забайкальского края от 29 июня 2012 г. № 676-ЗЗК «О выборах Губернатора Забайкальского края» кандидат на должность Забайкальского края может быть выдвинут не только политической партией, но и в порядке самовыдвижения. В ст. 49 данного документа также можно обнаружить ещё одно отличие. Так, предельная сумма расходования средств из избирательного фонда кандидата в Забайкальском крае равняется 120 миллионам рублей, тогда как в Белгородской области – 100 миллионам рублей.

Как уже было отмечено, некоторые вопросы, связанные с выборами глав субъектов Российской Федерации, провоцируют возникновение споров среди российских юристов. В качестве одного из наиболее дискуссионных вопросов выступает наличие возможности проведения непрямых выборов, т.е. выборов, на которых глава субъекта Федерации будет избран не гражданами, проживающими на территории этого самого субъекта, а депутатами законодательного органа государственной власти субъекта России.

В своей работе А.Э. Мамедов критическим образом высказывается о сложившейся на текущий момент в Российской Федерации избирательной системе. Автор приходит к выводу, что отсутствие обязательного правила о

проведении исключительно прямого голосования наносит вред не только демократическим институтам, но и федерализму, так как укрепляется вертикаль власти, а власть регионов постепенно ослабляется [1, с. 287].

Критикует сложившийся порядок избрания глав субъектов Российской Федерации и И.Ш. Сауев, придерживаясь мнения, что выбор представителей на такую важную должность может осуществляться исключительно посредством прямых выборов, в которых будут принимать участие избиратели, проживающие на территории конкретного региона. Непрямые выборы, в свою очередь, противоречат принципам демократии и лишают граждан реальной возможности участвовать в жизни своего региона [2, с. 151].

В контексте поднятой указанными учеными проблемы следует обозначить, что в 2024 г. не прямые выборы по вопросам избрания глав субъектов России имели место только в четырёх субъектах России. Данный показатель свидетельствует о том, что практика использования непрямого голосования не получает своего широкого распространения, однако всё же продолжает использоваться в отдельных субъектах Российской Федерации, что и вызывает негативную реакцию со стороны представителей научного сообщества.

С одной стороны, можно сказать, что не прямые выборы глав субъектов Российской Федерации всё равно проводятся с учётом волеизъявления граждан, так как решение о назначении соответствующего должностного лица принимает законодательный орган субъекта Российской Федерации, ранее сформированный посредством проведения демократических выборов. С другой стороны, как нам кажется, подобный порядок может угрожать системе сдержек и противовесов, так как одна ветвь власти принимает непосредственное участие в формировании высших должностных лиц другой ветви власти. Предположить подобный порядок, например, на президентских выборах, не представляется возможным. Именно по этой причине, согласимся с мнением о том, что голосование на выборах глав субъектов Российской Федерации должно быть только прямым, т.е. предполагать участие граждан, проживающих на определённой территории и обладающих активным избирательным правом. По нашему мнению, только подобный порядок может в действительности позволить обеспечить высокий уровень демократических институтов в государстве.

В заключении отметим, что не прямое голосование, как избирательная практика в субъектах Российской Федерации, нецелесообразна, поскольку не способствует повышению уровня вовлечённости граждан в управление делами государства. В качестве компромиссного, промежуточного решения

можно предложить определить вопрос о введении прямых или непрямых выборов посредством проведения региональных референдумов, на которых жители каждого из субъектов Российской Федерации определяют, какой именно порядок для них является наиболее предпочтительным.

Список использованных источников:

1. Мамедов А.Э. Прямые выборы глав субъектов Российской Федерации как наболевшая проблема российского федерализма // Конституционный вестник. 2021. № 6. С. 273-287.
2. Сауев И.Ш. Прямые выборы глав субъектов РФ как необходимая составляющая демократического государства // Право. Общество. Государство. 2019. № 1. С. 148-151.

Стрижаков Иван Андреевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРИНЦИП НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ИЛИ УГРОЗЫ СИЛОЙ

Аннотация. Статья посвящена проведению правового анализа содержания и практики реализации принципа неприменения силы или угрозы силой в международном праве. Актуальность рассмотрения заявленной проблемы состоит в том, что на практике субъекты международного права прибегают к вооружено-силовому методу с целью разрешения споров, избегая ответственности за нарушения рассматриваемого принципа под видом совершения своих действий с целью защиты прав и свобод человека. Целью настоящей статьи является выявление проблем правового регулирования международно-правового принципа неприменения силы или угрозы силой.

Ключевые слова: принципы права, принципы международного права, принцип неприменения силы или угрозы силой, международное право

Обеспечение мира и международного правопорядка невозможно без установления правил, ограничений, принципов, которые были бы обязательны для каждого субъекта мирового сообщества. Во второй половине XX в. после окончания Второй мировой, появления новых видов вооружений актуализировался вопрос обеспечения международного мира и безопасности, что непременно нашло отражение в Уставе Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.), закрепившем основные принципы международного права, одним из которых является принцип неприменения силы или угрозы силой (п. 4 ст. 2).

Сущность принципа неприменения силы или угрозы силой состоит в том, что применение силы или угрозы силой не должно рассматриваться субъектами международного права в качестве способа урегулирования международных конфликтов. Применения силы или угрозы силой с точки зрения международного права квалифицируется как посягательство на территориальную неприкосновенность субъектов международного права и ее суверенность. Преодоление конфликтов и напряженности между субъектами международного права должно происходить демократическими способами путем проведения переговоров, развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, основываясь на взаимном уважении и доверии субъектов международного права. Иначе говоря, принцип неприменения силы или угрозы силой должен обеспечивать мирное сосуществование. Невозможно отрицать, что рассматриваемый принцип имеет крайне большое значение в вопросах обеспечения международного мира и безопасности, данный принцип пронизывает все институты, предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций.

Однако беспрецедентные нарушения данного принципа за период его существования являются подтверждением недостаточной правовой эффективности. Необходимость совершенствования института неприменения силы или угрозы силой поднимается в различных научных публикациях современного периода. Амиров Р.З. отмечает о том, на практике возникали случаи, когда действия отдельных субъектов международного права истолковывались в качестве не нарушения принципа неприменения силы или угрозы силой. В частности, как полагает автор: «Доктринальные источники могут порождать и другие формы, не предусмотренные Уставом ООН. В частности, это относится к понятию так называемой гуманитарной интервенции. Суть ее сводится к тому, что демократические государства имеют право и обязанность обеспечивать защиту прав человека даже посредством нарушения их суверенитета» [1, с. 50].

Например, в 1999 году действия НАТО против Югославии совершались под предлогом гуманитарной интервенции, однако последствия в виде разрежения государственности Югославии, провоцирование межэтнических вооруженных конфликтов и гуманитарных катастрофа не корреспондируют тем целям и задачам, которые афишировались НАТО при совершении военного вторжения на территорию суверенного государства.

Также в доктрине отмечается, что «С 1990 г. Совет Безопасности все чаще санкционирует применение силы на основании главы VII Устава. Так, в нескольких случаях СБ санкционировал введение морской блокады для обеспечения соблюдения режима санкций в Ираке, бывшей Югославии, Гаити и Сьерра Леоне, а также давал разрешение на ограниченное применение силы операциями ООН по поддержанию мира (например в бывшей Югославии, в Сомали, в Демократической Республике Конго, в Косово и в Восточном Тиморе) и региональными структурами (например Миссией ЭКОВАС в Кот-д'Ивуаре, Силами Европейского союза в Демократической Республике Конго» [2, с. 116].

Изыятия из рассматриваемого международного принципа, предусмотренные ст. 41 и 50 Устава ООН, предусматривающие основания правомерного применения силы в международном праве, подтверждают относительный характер правового принципа. Между тем, фактически нарушая принципа неприменения силы или угрозы силы, субъекты международного права имеют стремление оправдать свои действия наличием предусмотренных Уставом ООН оснований, что влечет ограничение сферы применения принципа. Кроме того, легитимизировать применение силы или угрозы силой кем-либо из субъектов международного права может только ООН.

Более того, после закрепления рассматриваемого принципа в Уставе ООН последующая конкретизация принципа неприменения силы или угрозы силой нашла свое отражение в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (18 ноября 1987 г.), что можно считать свидетельством того, что первоначальное закрепление рассматриваемого принципа в Уставе ООН оказалось недостаточно эффективным. Во вводной части комментируемой Декларации констатируется, что сохранение конфликтов и напряжённых ситуаций порождает прецеденты нарушения основополагающего международно-правового принципа неприменения силы или угрозы силой.

Таким образом, опасность несоблюдения принципа неприменения силы или угрозы силой в международной практике состоит в том, что по сегодняшний день субъектами международного права применение силы или

угрозы ее применения рассматривается действенным и эффективным инструментом изменения мирового правопорядка, разрешения конфликтов. Это в свою очередь резко ведет к глобализации проблемы обеспечения международного мира и безопасности. К сожалению, но до сегодняшнего дня существует проблема фактического нарушения основополагающего международно-правового принципа неприменения силы или угрозы силой, что оправдывается необходимостью обеспечения защиты прав и свобод человека, отстаивания национальных интересов. В связи с изложенным, практика реализации принципа неприменения силы или угрозы силой и его эффективность в урегулировании международных противоречий остается открытым для обсуждения вопросом и требующим дальнейших направлений совершенствования.

Список использованных источников

1. Амиров Р.З. Принцип неприменения силы и угрозы силой в современном международном праве // В книге: Право и политика: история и современность. Материалы Десятой международной научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 48-52.
2. Жилкин В.А. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3 (20). С. 115-122.

Федорук Дмитрий Андреевич

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация. Цель статьи – исследование проблемных аспектов конституционно-правовой ответственности за нарушение избирательных прав граждан. Изучение данной темы особенно актуально в современных

условиях, когда возрастает влияние технологий на избирательный процесс, опосредующих появление и новых видов нарушений прав граждан. В результате проведенного исследования рассмотрено понятие конституционно-правовой ответственности, выделены присущие ей особенности, признаки и ее некоторые конкретные меры, применяемые к лицам за нарушение избирательных прав граждан, а также обозначены недостатки отечественного специального законодательства.

Ключевые слова: избирательные права, юридическая ответственность, демократия, правовое государство, нарушение избирательных прав, выборы

Значение избирательных прав велико – они относятся к разряду конституционных прав, что следует, например, из ч.ч. 1 и 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) и обеспечивают участие граждан в формировании органов публичной власти. Для их реализации предусмотрен специальный механизм правового обеспечения, в котором в качестве одного из ключевых звеньев фигурирует юридическая ответственность. Ее функции сводятся к гарантированию исполнения всеми участниками норм избирательного процесса и применению мер государственного принуждения к тем субъектам, которые нарушили правовые предписания в сфере избирательных прав [1, с. 26].

По сообщениям ОМВД России по Елецкому району, по состоянию на 2020 г. наиболее часто совершались следующие нарушения в области избирательного процесса: воспрепятствование осуществлению гражданами своего законного права (активного и пассивного) на участие в выборах; ненадлежащая работа избирательной комиссии или наблюдателей; нарушения в процессе работы средств массовой информации [2]. Можно также добавить, что в 2024 г. первый заместитель министра внутренних дел Российской Федерации Александр Владимирович Горовой докладывал в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о том, что в течение трех дней голосования на выборах Президента России было возбуждено 61 уголовное дело, что почти в 5 раз превышает количество уголовных дел по факту нарушений на президентских выборах в 2018 г. Преимущественно прослеживались такие нарушения, как воспрепятствование осуществлению прав избирателей и заведомо ложное сообщение о террористическом акте [3]. Таким образом, вопрос наложения санкций за нарушения законодательства в сфере избирательного права и процесса сохраняет свою актуальность.

В избирательном праве выделяют три вида ответственности: административная, уголовная и конституционно-правовая. Указанные виды ответственности имеют существенные различия, которые выделяются в соответствии со следующими критериями: 1) фактические и правовые основания; 2) круг лиц или субъектный состав; 3) санкции; 4) форма реализации [4, с. 2]. В нашей работе хотелось бы остановиться подробнее именно на конституционно-правовой ответственности.

Данный вид ответственности является «публично-правовой формой воздействия на участников избирательного процесса за несоблюдение установленных требований и процедур в ходе реализации ими своих прав и осуществления обязанностей» [1, с. 30]. Особенностью конституционно-правовой ответственности в сфере выборов выступает ее направленность – она ориентирована в основном на обеспечение законности и справедливости избирательного процесса и возникает в случае нарушения норм, регулирующих различные этапы выборов, от регистрации кандидатов до подсчета голосов. Воплощение на практике происходит через применение процессуальных мер, имеющих своей целью исправить нарушения и восстановить законность. Кроме того, процессуальные меры способствуют легитимации выборов в глазах общества, что обуславливает требование по поводу четкого и однозначного толкования соответствующих норм и определения точных оснований для применения мер ответственности [1, с. 30].

Теперь поговорим о признаках конституционно-правовой ответственности. Во-первых, она наступает только за совершение правонарушения; во-вторых, устанавливается государством и связана с применением санкций к правонарушителям; в-третьих, наложение мер такой ответственности несет разного рода негативные последствия для самого нарушителя; и наконец, в-четвертых, процесс привлечения к ответственности происходит в рамках установленной процессуальной формы, что гарантирует соблюдение правовых норм и обеспечивает справедливый результат [5, с. 3].

Говоря о проблемных аспектах, следует сразу же упомянуть то, что легального определения конституционно-правовой ответственности нет (мы можем использовать только доктринальное). Дело в том, что ст. 79 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон об основных гарантиях) устанавливает: «ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах устанавливается федеральными законами», но никаких подробностей в тексте нормы более не содержится. Вместе с тем совершенно не уточняется, каковы ее виды и пределы.

Опираясь на другие нормы вышеуказанного Закона об основных гарантиях, мы попробуем самостоятельно выделить некоторые конкретные меры конституционно-правовой ответственности за нарушения, касающиеся избирательных прав граждан:

1) обжалование решений и действий (бездействия), нарушающих избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации (ст. 75);

2) прекращение полномочий члена избирательной комиссии с правом решающего голоса (п. «д» ч. 8 ст. 29);

3) расформирование избирательной комиссии по основанию, указанному в п. «а» ч. 1 ст. 31, и др.

Разумеется, приведенный перечень может быть дополнен в процессе проведения дальнейших исследований. Однако несмотря на то, что выделить определенные меры конституционно-правовой ответственности за нарушения избирательных прав граждан представляется возможным из текста Закона об основных гарантиях, уточнение понятия, видов и пределов данной ответственности было бы полезным шагом.

Среди прочего, в качестве проблемы обозначают отсутствие единообразия в порядке наложения мер конституционно-правовой ответственности к нарушителям избирательных прав [6, с. 6]. Очевидно, что это может привести к неравному отношению и тем самым спровоцировать появление конфликтов, подрывая доверие к избирательной системе, государству и заставляя сомневаться в справедливости и соразмерности наказаний за те или иные правонарушения.

Кроме того, применение мер конституционно-правовой ответственности граничит с множеством оценочных критериев (например, действительная воля избирателей, достоверность результатов выборов и т.д.), которые могут быть весьма субъективны. Данное явление тоже причисляют к недостаткам, поскольку это может повлечь неоднозначность и возникновение юридических коллизий [6, с. 6, 12].

Таким образом, в ходе исследования мы выявили ряд проблемных аспектов: отсутствие в законе дефиниции «конституционно-правовая ответственность», единообразия в порядке применения данной ответственности, а также обозначения ее видов и пределов; наличие большого количества оценочных критериев, которые могут носить субъективный характер и тем самым спровоцировать появление юридических коллизий. К решению обозначенных проблем нужно приложить немало усилий для того, чтобы обеспечить гражданам должный уровень защиты и более четко урегулировать институт конституционно-правовой ответственности за нарушения избирательных прав.

Список использованных источников

1. Розенко С.В., Зольникова В.А. Проблемы совершенствования ответственности за нарушения избирательного законодательства в Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2 (20). С. 25-33.
2. Ответственность за нарушение избирательного законодательства // ОМВД России по Елецкому району: [сайт]. 2020. URL: <https://goo.su/KyXMJ> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Преследовать за нарушения на выборах стали чаще // www.vedomosti.ru : [сайт]. 2024. URL: <https://goo.su/DUzBZ4> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Акчурин А.Р. Юридическая ответственность за нарушение законодательства о выборах. Обжалование на нарушение избирательных прав граждан Российской Федерации (в вопросах и ответах): электронное пособие / А.Р. Акчурин. Улан-Удэ. 2016. 16 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/IeSNG> (дата обращения: 11.10.2024).
5. Учеба участковых избирательных комиссий (резерва УИК). Тема 8. Ответственность за нарушение избирательного законодательства: учебное пособие. Реж. 2017. 28 с. [Электронный ресурс]. URL: https://ikso.org/uploaded/tik/rezh/files/obuchenie/2017/Tema_8.pdf (дата обращения: 11.10.2024).
6. Просветова А.В. Юридическая ответственность в избирательном процессе Российской Федерации: автореф. магистр. раб. Саратов, 2023. 13 с.

Черникова Дарья Николаевна

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ**

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование конституционных гарантий судебной защиты избирательных прав граждан Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения свободных и честных выборов как основы

демократического государства и подтверждается многочисленными судебными делами о нарушениях избирательных прав, а также проводимыми исследованиями о роли правосудия в защите фундаментальных прав человека. В качестве результата в статье определено понятие конституционных гарантий судебной защиты избирательных прав граждан, осуществлен анализ конкретных статей Конституции Российской Федерации, в которых они зафиксированы, а также раскрыта взаимосвязь заявленных гарантий с функционированием судебной системы страны в целом.

Ключевые слова: избирательные права граждан, демократия, судебная защита, гарантии избирательных прав, Конституция Российской Федерации.

Гарантии избирательных прав – это один из императивных элементов избирательной системы России. Демократический строй нашего государства примечателен тем, что предусматривает наличие широкого спектра гарантий избирательных прав, закрепленных на законодательном уровне. В этой работе речь пойдет именно о гарантиях судебной защиты избирательных прав граждан России, которые отражены в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

Алпатов Ю.М. утверждает, что конституционные гарантии в широком смысле – «это определения закона, образующие составную часть Конституции, которые обеспечивают население от произвольного нарушения или изменения основных законов страны», а в узком смысле – «правовые средства реализации и защиты гражданами своих прав» [1, с. 12]. В трудах М.А. Ларионовой также подчеркивается, что Конституция Российской Федерации не только декларирует права, но и обуславливает их реальную защиту. Это связано с тем, что в данном случае учитываются два важных аспекта: первый – само по себе наличие конституционно-правовых норм, что рассматривается как гарантирующая основа; и второй – содержание этих норм, устанавливающих конкретные механизмы и инструменты для защиты прав [2, с. 45].

Приведение в действие предусмотренных механизмов и инструментов защиты избирательных прав, а также воплощение их на практике – весьма значимая миссия, которую Российская Конституция возложила на государственные органы. Их деятельность необходима, поскольку простое закрепление гарантий избирательных прав в законах еще не означает их беспрепятственную реализацию. Отсюда следует, что ключевую роль в обеспечении избирательных прав граждан играют государственные органы, особенно судебные. Защита прав граждан является их приоритетной задачей [3, с. 208].

На самом деле сильный и независимый суд – это основа правового государства. Чем выше авторитет судебной власти и его независимость, тем надежнее права и свободы граждан защищены от посягательств. И, безусловно, судебная защита прав занимает одно из центральных мест в системе обеспечения прав человека и гражданина, в том числе избирательных [4, с. 81-82; 3, с. 207].

Ранее мы уже установили, что приведенный нами вид правозащитной деятельности тесно связан с конституционными гарантиями судебной защиты прав и свобод человека. Теперь давайте более детально исследуем каждое из этих конституционных положений, чтобы глубже понять их взаимосвязь.

Начнем с того, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими... и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции Российской Федерации). Данное положение гарантирует, что каждый гражданин может опираться на закон и получить защиту своих прав через судебную систему. Вместе с тем эта норма служит основой для ограничения произвола со стороны власти, препятствуя созданию законодательных актов, которые могли бы нарушать права человека.

Также в условиях современного российского общества не последнее место занимает зафиксированное в Конституции Российской Федерации право каждого на судебную защиту (ч. 1 ст. 46). Указанное предписание является основополагающим в ряду исследуемых нами гарантий, поскольку оно как раз предусматривает возможность обращения в суд, что позволяет обеспечить действенную защиту и предотвратить бесчинство.

В своих исследованиях по данному вопросу Е.В. Шаназарова и Е.О. Савельева обращают особое внимание на то, что рассмотрение жалоб граждан по поводу нарушения избирательных прав судом обладает рядом существенных преимуществ. Первое преимущество заключается в том, что судебная система, в отличие от административной, представляет собой независимый орган, подчиняющийся исключительно нормативно-правовым актам. Второе – судебный порядок предоставляет беспристрастное рассмотрение жалоб, так как суд абсолютно не заинтересован в исходе разбирательства. И третье преимущество – особый процессуальный порядок, применяемый в судебном производстве, обеспечивает сторонам дела все необходимые процессуальные права и гарантии их реализации в ходе судебного процесса [3, с. 209].

Продолжая изучать непосредственно изложенные в Конституции Российской Федерации гарантии судебной защиты избирательных прав, обратимся наконец к ч. 2 ст. 46. В ней прописана возможность обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти,

местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, нарушающих права граждан, в том числе, когда дело касается избирательных.

В соответствии со сложившейся по данному предписанию судебной практикой, граждане могут обжаловать в суд различные нормативные правовые акты, посягающие на их права и свободы (например, федеральные законы), правоприменительные акты (например, акты применения права должностных лиц), фактические неправомерные действия органов государственной власти любого уровня, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, а также их бездействие [4, с. 82].

В то же время Нудненко Л.А. призывает не упускать из виду тот факт, что перечисленные выше конституционные гарантии на судебную защиту существенно дополняются обязанностью суда рассмотреть жалобу и вынести законное и обоснованное решение, руководствуясь принципами правосудия: равноправие сторон, гласность, состязательность, законность [5, с. 281].

Здесь же отметим, что у граждан есть возможность обратиться напрямую в Конституционный Суд Российской Федерации, что тоже можно включить в список гарантий судебной защиты конституционных прав граждан (ст. 125 Конституции Российской Федерации). Конституционный Суд защищает конституционные права и свободы граждан не напрямую, а опосредованно – через рассмотрение различных видов дел. К примеру, этот орган может осуществлять проверку соответствия Основному закону страны актов и договоров, перечисленных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 125 Конституции (ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации); или же заниматься толкованием самой Конституции (ч. 5 ст. 125 Конституции Российской Федерации). Коэффициент эффективности этой защиты может варьироваться в зависимости от ситуации.

Заметим, что рассмотрение жалоб в контексте деятельности Конституционного Суда представляет собой специфический вид правоприменительной практики. Прежде всего потому, что его компетенция четко ограничивается оценкой конституционности законов, подзаконных актов, а также действий (бездействия) должностных лиц, а сам Конституционный Суд не осуществляет свою деятельность в качестве апелляционной, кассационной, надзорной инстанции по отношению к иным судам [1, с. 13].

Таким образом, судебная ветвь власти – одно из ключевых звеньев большой цепи взаимосвязанных компонентов механизма защиты избирательных прав граждан от нарушений. А непосредственное закрепление в ст.ст. 18, 46 и 125 Конституции Российской Федерации гарантий судебной защиты избирательных прав, в свою очередь, подчеркивает их важность, а

также создает прочный, устойчивый фундамент, на котором в том числе строится избирательная система нашей страны. Кроме того, отражение данных гарантий в Основном законе государства – весомый шаг для обеспечения демократических принципов и верховенства права. Это позволяет гражданам оспаривать нарушения в сфере избирательного процесса, защищать свое право голоса и участия в политической жизни. Такие предписания служат базисом для проведения честных и прозрачных выборов, что, в свою очередь, укрепляет доверие к государству и способствует стабильному развитию общества и демократических институтов.

Список использованных источников

1. Алпатов Ю.М. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России // Образование и право. 2016. №12. С. 12-20.
2. Ларионова М.А. Конституционно-правовые гарантии прав человека, как элемент конституционализма в России // Право и практика. 2018. № 3. С. 43-47.
3. Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Гарантии избирательных прав граждан РФ: конституционно-правовое исследование // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 207-209.
4. Цалиев А.М. Конституция России об основных гарантиях судебной защиты прав и свобод человека // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 81-87.
5. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 526 с.

Бурлуцкий Никита Юрьевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

О ПРИНЦИПЕ РАВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. Актуальность рассмотрения в настоящей статье принципа равного избирательного права обусловлена тем, что его действие в

избирательном процессе предопределяет юридическое равенство избирательных прав каждого, что является залогом справедливых выборов. Целью статьи является выявление содержательных особенностей принципа равного избирательного права по законодательству Российской Федерации, а также проблем обеспечения данного принципа в условиях принятия изменений в избирательное законодательство.

Ключевые слова: принципы избирательного права, равное избирательное право, равенство, всеобщее избирательное право, избирательный процесс

Любой процесс с точки зрения его идейности построен с учетом основных принципов, предопределяющих сущность и содержание деятельности. В избирательном процессе Российской Федерации также сложилась система принципов, в соответствии с которыми должны быть реализованы конституционные избирательные права граждан.

Избирательные права граждан в Российской Федерации – это формализованные Конституцией Российской Федерации правовые возможности оказывать влияние на политическую составляющую российского государства через высшие непосредственные формы выражения власти народа – выборы и референдум. Принципы избирательного права корреспондируют конституционной ценности самих избирательных прав как важного элемента правового статуса личности. По словам Н.В. Витрука, «Принцип как руководящая идея, отражающая сущностные свойства явления, одновременно выступает и как требование, определяющее деятельность людей, их поведение» [1, с. 28]. Это в полной мере касается сферы избирательного права.

Один из конституционных принципов электоральной сферы – принцип равного избирательного права, которому посвящена ст. 5 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Итак, что представляет собой принцип равного избирательного права в законодательстве Российской Федерации и какова его история появления?

В Российской Федерации правовое регулирование принципа равного избирательного права раскрывается через разностороннее его содержание. Во-первых, закреплено равенство оснований для участия в выборах и референдуме, что предполагает наделение каждого избирателя одним голосом либо таким количеством голосов, которое соответствует каждому другому избирателю (при смешанной избирательной системе). Во-вторых, если на выборах в представительный орган власти образуются

избирательные округа с разным числом мандатов, каждый избиратель имеет число голосов, равное числу мандатов, подлежащих распределению в избирательном округе с наименьшим числом мандатов, либо один голос. Данное правило предназначено для того, чтобы обеспечить потенциально одинаковое влияние голосами избирателей на итоги выборов (ст. 5 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ).

О важности принципа равного избирательного права также свидетельствует международное конвенционное регулирование принципа. Так, в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 г.) принцип равного избирательного права зафиксирован в ст. 3, которая предполагает признание за каждым избирателем одинакового количества голосов; обеспечение примерной соразмерности избирательных округов; создание одинаковых условий на доступ избирателей на избирательные участки; обеспечение удобств процедур голосования, в том числе с возможностью досрочного голосования; обеспечение равных оснований и возможностей для выдвижения своей кандидатуры на выборах; запрет на использование служебного или должностного положения как преимущества на выборах.

Нудненко Л.А. расширительно предлагает толковать содержание принципа равного избирательного права, по мнению которой названный принцип распространяется не только на активное избирательное право, но и пассивное, и предполагает, что законодательно каждому должны гарантироваться одинаковые основания выдвижения своей кандидатуры на выборах, условия реализации всех избирательных процедур [2, с. 43]. Полагаем, что законодатель без должной конкретизации содержания принципа равного избирательного права, создал условия для научного осмысления представленного принципа. Полагаем верным придерживаться расширительного толкования принципа равного избирательного права, поскольку в Законе указывается на равные основания для участия всех граждан в выборах и референдуме, а в Российской Федерации гарантируется не только активное, но и пассивное избирательное право (ст. 5 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ).

Что касается пассивного избирательного права и распространение принципа равенства на реализацию такого избирательного права граждан, то следует упомянуть о юридическом равенстве статусов кандидатов, что гарантирует им участие на одинаковых условиях в процессе самовыдвижения, информирования и предвыборной агитации, равенства веса голосов избирателей, выступающих за них и др.

Правовое регулирование избирательного процесса в Российской Федерации постоянно изменяется и находится в непрерывной динамике, что позволяет говорить о том, что институты избирательного права не остаются в инертном состоянии. Это объясняется трансформацией общественных отношений, что непременно должно быть учтено законодателем. При этом независимо от сущности и содержания вносимых изменений, они должны корреспондировать основным принципам избирательного права.

Отдельные законодательные новеллы, хотя и направлены на оптимизацию избирательного процесса и повышение качества реализации других основных принципов избирательного права, неоднозначно оцениваются в науке. Например, Д.М. Худолей затрагивает проблему сопоставления принципов всеобщего и равного избирательного права в условиях реализации субсидиарных способов голосования, таких как дистанционное электронное голосование. По мнению автора, дистанционное электронное голосование стало способом повышения электоральной активности на выборах, вовлечения большего числа избирателей, в том числе за счет молодежи, что как следствие говорит о большем уровне явки и всеобщности. С другой стороны, автор критикует данный способ голосования с точки зрения его взаимосвязи с принципом равного избирательного права. По мнению автора, современная электронная процедура голосования лишает возможности идентифицировать личность голосующего. Для сравнения автор приводит пример о том, что голосование в помещении для голосования предполагает соблюдение правила об установлении личности избирателя на основании представленных документов. Д.М. Худолей подчеркивает диалектическую взаимосвязь всех принципов избирательного права, потому, полагает, что требование о соблюдении одного принципа не должно являться условием нарушения другого принципа [3, с. 57]. С автором можно согласиться частично. С одной стороны, голосование дистанционно предполагает авторизацию гражданина через портал государственных и муниципальных услуг. С другой, последующий технический процесс не может в полной мере гарантировать каких-либо сбоев в процессе авторизации. Однако нарушение конфиденциальности в процессе голосования является нарушением уже другого самостоятельного принципа – тайного голосования.

На наш взгляд, принцип равного избирательного права не претерпевает умаления ввиду легализации дистанционного электронного голосования, поскольку данный способ меняет лишь формат голосования, но не отражается на перераспределении количества голосов. В случае, если бы законодательно были предусмотрены различные основания для участия

граждан в очном голосовании и дистанционном, в таком случае имелись бы основания полагать, что принцип равного избирательного права функционирует с изъятиями.

Равдовник А.И. является представителем противоположного взгляда, полагающим, что именно цифровизация благоприятно влияет на реализацию принципа равного избирательного права. По мнению автора, цифровые способы голосования – это удобство и доступность, прозрачность голосования и преграда для фальсификации итогов голосования [4, с. 63]. Однако приведенные положительные стороны цифровизации в большей степени корреспондируют принципу всеобщности, справедливым выборам.

Рассматривая соотношение принципов всеобщего и равного избирательного права, Г.Р. Муждабаева определяет, что принцип всеобщности характеризует круг субъектов, наделенных правовым статусом в избирательном процессе, а принцип равного избирательного права характеризует их правосубъектность, то есть юридическое равенство в избирательном процессе [5, с. 521].

Отметим, что конституционный принцип равного избирательного права демонстрирует преемственность в электоральной сфере. По словам М.В. Мархгейм, консенсусной чертой преемственности «является последовательная связь явлений и процессов в ходе их развития. Поскольку конституционное строительство есть процесс, основанный на конституции, которая, в свою очередь, есть «рукотворное» явление, определяющие принципы организации и функционирования нашего государства на разных этапах его развития, постольку рассматривать преемственность как логику конституционного строительства России есть все основания» [6, с. 68].

Таким образом, принцип равного избирательного права в современном российском правовом демократическом государстве гарантирует юридическое равенство каждого гражданина, участвующего в избирательном процессе. Для избирателей функционирование данного принципа позволяет потенциально оказывать одинаковое влияние на итоги голосования, для кандидатов является препятствием для дискредитации его положения при реализации различных избирательных процедур. В свете модернизации избирательного законодательства остается необходимым проследить, в полной ли мере внесенные изменения соответствуют принципу равного избирательного права в контексте фактора преемственности.

Список использованных источников

1. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. – М.: РАП, 2008. 272 с.

2. Нудненко Л.А. Принципы пассивного избирательного права: система и взаимодействие с конституционными правами и свободами личности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 43-46.
3. Худoley Д.М. Коллизия принципов всеобщего и равного избирательного права, а также справедливых выборов при проведении дистанционного электронного голосования // Ex Jure. 2023. № 2. С. 49-58.
4. Равдоник А.И. Цифровизация выборной системы как ведущий фактор реализации принципа равного избирательного права // Актуальные проблемы науки и практики. 2024. № S2 (35). С. 60-63.
5. Муждабаева Г.Р. Принцип равного избирательного права и его отличия от принципа всеобщего избирательного права // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12-2 (42). С. 519-525.
6. Мархгейм М.В. Преемственность как логика конституционного строительства России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С. 67-72.

Колоскова Дарья Алексеевна

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Федорященко Алексей Сергеевич

доцент кафедры трудового и предпринимательского права

юридического института НИУ «БелГУ»,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Полагаясь на проведенный доктринальный анализ, федеральное законодательство о банкротстве и конституционные нормы (в частности, в аспекте начал, закрепляющих равенство всех перед законом, защиту прав и свобод российских граждан), представлены доводы о том, что процедура банкротства физических лиц в государстве имеет конституционно-правовой аспект. Сделан вывод, что Конституция как нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу, распространяет свое действие на Закон №127-ФЗ, а ее положения, являющиеся базовыми, могут быть интерпретированы в том числе и в контексте процедур банкротства граждан.

Ключевые слова: банкротство, банкротство граждан, конституция, несостоятельность, процедура банкротства

Обратив внимание на положения Конституции Российской Федерации, можно ошибочно отметить, что данный нормативный правовой акт не содержит в своем тексте ни одного положения, касающегося прямо или косвенно банкротства физических лиц. Действительно, в основном законе нашей страны отсутствует прямое, явное указание на упомянутую процедуру, а слово «банкротство» как таковое абсолютно не зафиксировано в тексте Конституции. Однако, отдельные положения, в частности, закрепляющие равенство всех перед законом, защиту прав и свобод российских граждан и др. позволяют сделать вывод о том, что конституционный «свет» проливается и находит свое «отражение» в рамках банкротства физических лиц, коррелируя тем самым с одноименным институтом отрасли предпринимательского права.

В первую очередь, отметим, что введение в федеральное законодательство о банкротстве вышеуказанной процедуры представляется достаточно прогрессивным, ведь после принятия в 26 октября 2002 года Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее: закон о банкротстве), его положениями банкротство физических лиц без приобретенного ими статуса индивидуальных предпринимателей, не регулировалось. Тем не менее, после очередной редакции закона о банкротстве 6 июня 2015 года, процесс банкротства граждан внедряется в новой нормативной правовой форме в рамки положений данного акта.

Так, согласно ст. 213.2 рассматриваемого закона: «при рассмотрении дела о банкротстве гражданина применяются реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина, мировое соглашение» [1, ст. 213.2]. Таким образом, процедуры, реализуемые в делах о банкротстве физических лиц (граждан Российской Федерации), имеют нормативную огласку.

Проведя анализ положений закона о банкротстве, следует отметить важные аспекты таких процедур:

а) процедура реструктуризации направлена на достижение финансовой реабилитации должника путем, подчеркнем, пересмотра условий удовлетворения требований кредиторов, прекращения начисления штрафов и приостановки взыскания;

б) процедура реализации имущества направлена на удовлетворение требований кредиторов через продажу активов должника.

Обе процедуры, введенные арбитражным судом, имеют целью справедливое распределение активов должника среди кредиторов. Данное

регулирование призвано обеспечить баланс между интересами кредиторов и возможностью продолжения экономической деятельности должника.

Статья 150 ФЗ № 127 регулирует заключение мирового соглашения в делах о банкротстве. Так, оно возможно на любой стадии банкротства с участием должника, конкурсных кредиторов и уполномоченных органов. Решение о заключении соглашения принимается собранием кредиторов большинством голосов, при обязательном согласии кредиторов, обеспеченных залогом имущества должника. Соглашение утверждается судом и становится обязательным для всех участников. Односторонний отказ от исполнения не допускается. Также, предусматривается возможность привлечения третьих лиц к мировому соглашению.

Под конституционное влияние подпадает и ст. 1 закона №127-ФЗ. В п. 4.1, введенном в конце 2020 года (то есть, после последних конституционных правок) рассматриваемой статьи закрепляется положение о том, что: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Также, Конституция Российской Федерации, являясь нормативным правовым актом, обладающим высшей юридической силой, бесспорно обозначает ее несомненное превосходство над федеральным законодательством, что отражено в ч. 2 ст. 4 и ч. 1 ст. 15. Отметим, что при рассмотрении вопросов о банкротстве гражданина вышеупомянутый акт и Закон № 127-ФЗ должны применяться вкуче.

Рассматривая конституционный аспект процедуры банкротства граждан, следует обратиться к ее Главе 1, которая, как справедливо отмечает М.В. Мархгейм, является одной из «непоправляемых» [1, с. 62].

Статья 2 Конституции России: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [3, ст. 2]. Данная норма приведена нами с позиции того, что применительно к процедуре банкротства граждан в Российском государстве, может толковаться в том числе как требование обеспечить справедливый и гуманный процесс, минимизировать негативные последствия банкротства для граждан и обеспечить соблюдение их прав. Законодательство должно обеспечивать защиту от потенциальных злоупотреблений как со стороны кредиторов, так и со стороны должников (что регулирует Закон №127-ФЗ).

Таким образом, вышеотмеченная норма в интерпретации ее с точки зрения рассматриваемого вопроса, указывает на важность применения

процедур банкротства граждан, которые бы не только эффективно регулировали отношения между кредиторами и должником, но и сохраняли баланс интересов, а также закрепляли реализацию прав человека, не исключая граждан, находящихся в сложной финансовой ситуации.

Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.) ч. 3 своей ст. 35 определяет, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда...». Так, в частности, п. 1 ст. 213.24 Закона №127-ФЗ перечисляет случаи, когда арбитражный суд принимает решение о признании гражданина банкротом. Судя по п. 2 данной статьи: «...арбитражный суд принимает решение о введении реализации имущества гражданина...», исходя из чего, отметим, что приведенные положения коррелируют при интерпретации, более того, можно сказать, что Конституция России определяет базовые положения о реализации имущества гражданина в аспекте банкротства. В том числе, «данное положение предопределяет судебный порядок признания должника банкротом, а также принудительное изъятие его имущества в пользу кредиторов» [2, с. 30].

Конституционные принципы неприкосновенности жилища и социально ориентированного законодательства отражены в Законе о банкротстве и ГПК России. При интерпретации ст. 446 ГПК в рамках п. 3 ст. 213.25 ФЗ № 127, отметим, что определенные категории имущества, такие как единственное жильё, прожиточный минимум, предметы домашнего обихода и личные вещи, исключаются из конкурсной массы, защищая права граждан от полной конфискации имущества. Также, статья 8 Конституции, гарантирующая защиту собственности, в делах о банкротстве приводит к конфликту интересов между кредитором, стремящимся вернуть долг, и должником, желающим сохранить имущество, необходимое для базовых потребностей.

В судебной практике по делам о банкротстве в том числе имеют место ссылки на Конституцию Российской Федерации как на акт, который определяет права и свободы граждан (в том числе в рассматриваемой сфере). Например, в Постановлении двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2023 г.» [3] содержатся ссылки на указанный акт, в частности, подчеркивается, что процедура банкротства не должна автоматически приводить к освобождению от долгов без надлежащих оснований, чтобы не нарушать права кредиторов. То есть суд должен рассмотреть все обстоятельства дела, включая возможное мошенничество, злостное уклонение от платежей, или предоставление ложных сведений должником, чтобы обеспечить справедливое решение, защищая права всех сторон.

Подобным образом судебная практика демонстрирует важность соблюдения баланса интересов всех сторон в делах о банкротстве граждан, учитывая положения Конституции. Освобождение от долгов возможно только при отсутствии незаконных действий должника и при соблюдении прав кредиторов.

Таким образом, исходя из анализа конституционных норм, федерального законодательства о банкротстве и научных источников, можем сделать вывод, что процедура банкротства физических лиц в государстве имеет конституционно-правовой аспект. Помимо этого, приведенные положения подтверждают, что Конституция России как нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу, распространяет свое действие на Закон №127-ФЗ. Ее положения, являющиеся базовыми, могут быть интерпретированы в том числе и в контексте процедур банкротства граждан.

Список использованных источников

1. Мархгейм М.В. Права человека в фокусе генетических исследований: конституционный ландшафт // Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей XI. 2023. С. 61-65.
2. Дорошина А.А. Источники правового регулирования несостоятельности (банкротства) // Научный редактор. 2024. С. 29-34
3. Постановление двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2023 г. по делу по делу № А06-4800/2022. Доступ из интернет-ресурса СудАкт: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TSbQAw9AbLQw/> (дата обращения: 12.11.2024)

**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Ответственный редактор – профессор М.В. Мархгейм

Подписано в печать 22.11.2024
Бумага офсетная. Усл. печ. листов 17,9
Тираж 200 экз. Заказ № 1140-11.

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-а,
Тел. (4722) 58-71-25 www.gikprint.ru girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.